Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение
высшего образования
«Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии
Российской Федерации»

На правах рукописи

БУРМАКИН Владислав Михайлович

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
Сорокоумова Светлана Николаевна,
доктор психологических наук,
профессор; член-корреспондент
Российской академии образования

Санкт-Петербург – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ... 25
1.1. Сущность и содержание понятия «антикоррупционное поведение» в психолого-педагогической литературе ... 25
1.2. Антикоррупционная устойчивость как интегративное качество личности военнослужащего ... 38
1.3. Процесс формирования антикоррупционного поведения в военных образовательных организациях ... 48
1.4. Критерии, показатели и уровни сформированности антикоррупционного поведения ... 55
Выводы по 1-й главе ... 61
ГЛАВА 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ... 63
2.1. Потенциал гуманитарных дисциплин и его реализация в процессе формирования антикоррупционного поведения курсантов ... 63
2.2. Интерактивные педагогические технологии формирования антикоррупционного иммунитета ... 71
2.3. Коллективистские взаимоотношения как компонент антикоррупционной среды ... 75
2.4. Модель формирования антикоррупционного поведения ... 79
Выводы по 2-й главе ... 101
ГЛАВА 3. ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА ПО ПРОВЕРКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ... 103
3.1. Организация и методы исследования ... 103
3.2. Диагностика исходного уровня антикоррупционной устойчивости курсантов ... 108
3.3. Реализация комплекса мероприятий по формированию нетерпимости к коррупции ... 138
3.4. Анализ динамики результатов и методические рекомендации ... 164
Выводы по 3-й главе ... 201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 203
ЛИТЕРАТУРА ... 207
Приложение ... 236
Памятка курсанту ... 305
Методические рекомендации для офицеров-воспитателей (кураторов) ... 309

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования. На современном этапе развития Российской Федерации обеспечение внутренней стабильности, охрана общественного порядка, борьба с терроризмом и противодействие коррупции являются фундаментальными условиями существования государства. Войска национальной гвардии выступают ключевым инструментом в противодействии терроризму, экстремизму, коррупции и защите конституционного строя. В условиях нарастания гибридных угроз и проведения специальной военной операции требования к эффективности выполнения служебно-боевых задач возрастают многократно. В этой связи коррупция в рядах войск правопорядка рассматривается не только как должностное преступление, но и как системная угроза национальной безопасности, способная подорвать доверие граждан к власти и дестабилизировать внутреннюю обстановку в стране.

Специфика деятельности Росгвардии предполагает широкий спектр полномочий помимо непосредственного выполнения боевых задач: контроль за соблюдением пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых объектах, осуществление контрольно-надзорных функций в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности и так далее. Данные области одновременно имеют важное значение для обеспечения безопасности общества и характеризуются повышенными рисками возникновения коррупции. Как следствие, коррупционные проявления в этих сферах потенциально имеют особо опасные последствия и несут в себе угрозу критического характера.

Во-первых, хищения или злоупотребления в сфере материально-технического обеспечения спецподразделений (ОМОН, СОБР) напрямую снижают их боевой потенциал, что является недопустимым в условиях выполнения реальных служебно-боевых задач. Во-вторых, коррупционные риски в сфере лицензионно-разрешительной деятельности и охраны

стратегических объектов создают благоприятную почву для террористических угроз и криминализации общества. В конечном счете, недобросовестность сотрудника Росгвардии становится уязвимым звеном, ставящим под удар безопасность как отдельных граждан, так и государства в целом. Таким образом, коррупционная уязвимость сотрудника или офицера войск национальной гвардии РФ превращается в прямую угрозу национальной безопасности.

Офицер Росгвардии — это лицо государственной власти. В отличие от военнослужащих армейских подразделений, сотрудники войск национальной гвардии РФ постоянно находятся в тесном контакте с гражданским населением и воспринимаются им как представители органов власти. Поэтому моральный облик офицера, его честность и неподкупность являются факторами стратегического значения. Любое проявление коррупции со стороны представителя войск правопорядка вызывает широкий общественный резонанс, дискредитирует ведомство и разрушает авторитет закона.

Офицер Росгвардии как носитель государственной власти наделен широкими полномочиями по ограничению прав и свобод граждан в интересах обеспечения безопасности. В этой связи моральная чистота и психологическая устойчивость командира становятся не просто желательными качествами, а обязательным условием профессиональной пригодности. Современный офицер Росгвардии должен обладать обостренным чувством справедливости и высокой правовой культурой. Его нравственный стержень — это гарантия того, что предоставленные государством силовые полномочия будут использованы исключительно для защиты прав и свобод граждан, а не для личного обогащения.

Особую актуальность приобретает проблема влияния коррупции на личность будущего офицера. Коррупция в офицерской среде не должна рассматриваться исключительно как юридический деликт (преступление). Это, прежде всего, глубокая нравственно-психологическая деформация.

Вступление на путь коррупционного поведения (взяточничество, поборы, использование служебного положения) запускает необратимые процессы разрушения личности: формируются цинизм и двойные стандарты, утрачивается представление об офицерской чести, а служение Отечеству подменяется служением корыстным интересам. Для офицера Росгвардии подобная деформация носит фатальный характер, поскольку ведёт к отчуждению от личного состава, утрате командирского авторитета и формированию готовности отказываться от соблюдения этических норм в критически важных ситуациях, что создаёт прямую угрозу качественному выполнению служебно-боевых задач.

Столь высокая цена профессиональной деформации диктует необходимость смещения акцентов в борьбе с коррупцией: от репрессивных мер — к превентивной работе.

Профилактика коррупции в образовательном процессе не должна ограничиваться лишь изучением уголовного кодекса. Она требует комплексного подхода, направленного на воспитание «антикоррупционного иммунитета» — устойчивого внутреннего неприятия коррупционных практик как поведения, несовместимого с честью офицера и долгом перед Отечеством.

Ключевым этапом данной профилактической работы являются годы обучения в военных институтах войск национальной гвардии. Именно в курсантской среде необходимо закладывать фундамент антикоррупционного поведения. Профилактика на этапе обучения должна быть направлена на выработку у будущих офицеров стойкого неприятия любых форм коррупционного поведения, формирование способности активно противодействовать коррупционным проявлениям в профессиональной деятельности и своевременное распознавание «предкоррупционных ситуаций — обстоятельств, когда у индивидов есть все возможности и предпосылки для совершения коррупционного преступления

любого рода, и факт совершения данного деяния зависит от свободной воли, внутренних качеств и внешних условий»[41, с. 20].

В этой связи наука выделяет формирование антикоррупционного поведения у курсантов в отдельную категорию. В отличие от гражданских студентов, курсанты — это будущие обладатели властных полномочий, что принципиально меняет характер предъявляемых к ним требований и меру ответственности за возможные коррупционные проявления. Данный тезис последовательно подчёркивается исследователями ведомственных вузов (МВД, ФСИН, Минобороны), акцентирующими особую значимость формирования антикоррупционной устойчивости у будущих офицеров.

В условиях гибридных угроз коррупционные инструменты трансформируются, приобретая новые формы, включая цифровые, что требует от будущего офицера не только правовой грамотности, но и развитой способности распознавать нетривиальные коррупционные схемы и условия для возникновения предкоррупционных ситуаций. Однако формирование антикоррупционного поведения в военных вузах осложняется феноменом «двойной морали» — устойчивым расхождением между официальными нормами и неформальными практиками курсантской среды. Это создаёт когнитивный диссонанс, обесценивающий воспитательные усилия. При доминирующей внешней регуляции (страх наказания) офицер оказывается уязвим перед системным давлением.

Стратегическая цель педагогики в данной сфере — интериоризация антикоррупционных норм. Речь идет о трансформации внешних запретов во внутренний моральный императив, где коррупция исключается из модели поведения как фактор, разрушающий офицерскую честь.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью укрепления кадрового потенциала Росгвардии в условиях современных вызовов и угроз. Исследование вопросов влияния коррупции на национальную безопасность и разработка научно обоснованных методов профилактики коррупционного поведения среди курсантов Росгвардии

являются важнейшим вкладом в повышение боеготовности войск и укрепление институциональной устойчивости государственных структур России.

Степень научной разработанности проблемы.

Научная изученность проблемы формирования антикоррупционного поведения (особенно в среде госслужащих и курсантов) в российской науке оценивается как высокая, но весьма специфичная. Это связано с тем, что с конца 2000-х годов (после принятия базового Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года) в России эта тема получила мощную государственную поддержку. Стало обязательным внедрять антикоррупционное просвещение в образовательные программы вузов, что отмечается в диссертациях, монографиях и научных публикациях последних лет.

Современные отечественные и зарубежные ученые исследуют эту проблему с разных ракурсов. Проблема формирования антикоррупционного поведения находится на стыке четырех основных наук: педагогики, психологии, социологии и юриспруденции.

В центре внимания педагогики находятся разработка учебных курсов, тренингов, деловых игр и создание воспитательной среды — образовательного комплекса, способствующего формированию антикоррупционного поведения. Педагоги перешли от простого информирования к формированию «антикоррупционной компетентности» (умению распознавать коррупционные ситуации и правильно из них выходить).

Психология (юридическая и социальная) изучает внутренние мотивы коррупционного поведения. Психологи исследуют ценностные ориентации, конформизм (готовность делать «как все»), локус контроля и морально-нравственную устойчивость. Их задача — понять, как воспитать личность, для которой взятка внутренне неприемлема (формирование антикоррупционного иммунитета).

Юриспруденция (криминология и теория права) изучает правила и стандарты. Правоведы фокусируются на формировании правосознания, знании ограничений и запретов, алгоритмах поведения при конфликте интересов или склонении к коррупции.

Тема формирования стандарта антикоррупционного поведения активно разрабатывается в российской юриспруденции, социологии и науке государственного управления. Среди авторов:

Т.Я. Хабриева [184; 186; 187; 185; 188], академик РАН, возглавляет Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Под ее редакцией публикуются фундаментальные труды по правовым основам противодействия коррупции, в том числе по формированию этико-правовых стандартов. Среди сотрудников института: А.М. Цирин [196], ведущий научный сотрудник, признанный эксперт по разработке и внедрению стандартов антикоррупционного поведения государственных служащих, предотвращению конфликта интересов и формированию ведомственных комплаенс-систем; Ю.В. Трунцевский [180; 179], заведующий лабораторией противодействия коррупции, отмыванию денег и финансированию терроризма, доктор юридических наук, профессор. Его экспертная деятельность сосредоточена на разработке актуальных методологий корпоративного антикоррупционного комплаенса и установлении профессиональных этических стандартов для сотрудников коммерческого сектора.

С.Е. Чаннов [197], доктор юридических наук (РАНХиГС), исследующий административно-правовые запреты, ограничения и обязанности
на государственной и муниципальной службе. П.А. Кабанов [90], известный российский ученый-криминолог, доктор юридических наук, профессор и директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова (КИУ). Он занимается вопросами

антикоррупционного просвещения и формирования антикоррупционного правосознания, в том числе психологическими и социальными аспектами стандарта поведения. И.В. Годунов [57], доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), ведет многолетнюю работу в области антикоррупционного просвещения.

Исследованию данной темы в сфере деятельности правоохранительных органов уделяют значительное внимание сотрудники Академии управления МВД России, ВНИИ МВД, а также профильных кафедр региональных университетов МВД. В числе авторов, занимающихся этой проблематикой, — И.А. Гимазетдинова [52], П.А. Кабанов [91, 90, 89], А.В. Куракин [118] и другие.

Вопросам антикоррупционного воспитания курсантов и сотрудников силовых ведомств посвящены работы В.М. Баранова, П.А. Кабанова [91], И.В. Кичеева, Л.О. Бродзели [105; 36], Д.М. Вахитова [46], Н.Е. Вонтовой [51], С.И. Кириллова, С.В. Кривошеева [98], С.М. Николаева [134; 135], А.В. Павлинова [141], А.И. Поповой, С.В. Посадсковой [146], Д.А. Рыбалкина [158], И.В. Сафронова, И.Т. Сагдеева, Г.Р. Хамитова, И.М. Фокеева и др. [16], Т.А. Татаринцева [176].

Психологические аспекты коррупционных факторов исследовали В.И. Демаков, Ю.Э. Голодков [120], А.Л. Журавлев, А.В. Юревич [73], Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис [148], В.В. Киселев [102], Е.Ю. Ларионова, Ю.В. Микитюк [126], А.В. Ревягин [155], И.С. Хаванова [191] и др.

Проблема исследования. В диссертационных исследованиях последних лет доказано, что в систему высшего образования нужно включать не только лекционные курсы, но и эффективные практические кейсы по антикоррупционному поведению, позволяющие моделировать профессиональные ситуации, в которых будущий офицер может столкнуться с коррупционным давлением.

Ученые (особенно независимые эксперты и криминологи-практики) выделяют ряд проблем в текущей научной изученности темы. Они отмечают,

что написано огромное количество статей исключительно ради отчетности вузов. В них переписываются нормы закона без какого-либо реального исследования психологии обучающихся. Также исследователи выделяют отсутствие лонгитюдных (долгосрочных) исследований, прослеживающих траекторию антикоррупционного поведения от этапа обучения к этапу самостоятельной профессиональной деятельности. В вузе курсант может показывать блестящие результаты по антикоррупционным тестам, но, попадая в реальную служебную среду (в отдел полиции или в войска), под давлением системы он через год может быть вовлечен в коррупционные отношения в качестве одной из сторон — коррупционера, корруптера или посредника. При этом связь между сформированными в вузе установками и реальным поведением на службе остаётся недостаточно изученной, что не позволяет с уверенностью утверждать об эффективности существующих педагогических моделей.

Более того, в существующих подходах зачастую игнорируется системный фактор: педагогические усилия сосредоточены на «исправлении» личности курсанта, в то время как корень проблемы часто кроется не в личности, а в институциональных условиях (низкие зарплаты, негласные требования начальства, коррупциогенная среда подразделения и т. п.). Формирование антикоррупционного поведения не может рассматриваться в отрыве от институционального контекста, в котором будет протекать профессиональная деятельность будущего офицера. В связи с этим возникает необходимость в разработке педагогических моделей, учитывающих не только личностные, но и средовые факторы, способствующие развитию коррупционного поведения, с целью формирования у курсантов способности к неприятию данного поведения.

Анализ психолого-педагогической литературы и практики подготовки будущих офицеров Росгвардии позволил выявить ряд **противоречий**:

– между высокой потребностью общества и государства в офицерах Росгвардии, обладающих безупречной нравственной репутацией, высоким

уровнем правосознания и нетерпимостью к коррупционному поведению, и современной социокультурной средой (включая влияние массовой культуры и бытовых стереотипов), в которой материальные ценности зачастую превалируют над духовными, а коррупционные практики нередко воспринимаются как «быстрый способ решения проблем», и недостаточной подготовкой их в данном аспекте в военном вузе;

– между объективной необходимостью системного формирования антикоррупционного поведения у курсантов военных институтов войск национальной гвардии и недостаточной теоретической разработанностью этой проблемы именно с учетом специфики служебно-боевой деятельности Росгвардии (в отличие от общих педагогических подходов или подходов МВД, Минобороны). Специфика Росгвардии (охрана общественного порядка, лицензионно-разрешительная работа, оборот оружия) требует уникальных методик, которые пока слабо представлены в науке;

– между строгими требованиями нормативно-правовых актов к личности выпускника вуза ВНГ РФ и недостаточным методическим обеспечением этого процесса в вузах; преобладанием традиционных лекционно-просветительских форм работы, которые дают знания о законах, но не формируют устойчивые внутренние убеждения и поведенческие привычки отказа от взятки в стрессовых ситуациях;

– между наличием у курсантов теоретических знаний об уголовной ответственности и пагубности коррупции (когнитивный компонент) и несформированностью личностной готовности противостоять коррупционному давлению на практике, отсутствием навыков разрешения этических дилемм и недостаточно развитым «антикоррупционным иммунитетом» (деятельностный компонент).

Из совокупности выявленных противоречий формулируется основная **задача исследования**, заключающаяся в поиске ответа на вопрос: Каковы психолого-педагогические условия, средства и методы, обеспечивающие

эффективное формирование антикоррупционного поведения у курсантов вузов Росгвардии в современных условиях?

Цель исследования: разработать, обосновать и верифицировать структурно-функциональную модель формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии**,** обеспечивающую становление устойчивой антикоррупционной позиции как интегративного личностного образования, включающего ценностно-нормативное неприятие коррупции и коррупционного поведения, когнитивную способность идентифицировать коррупционные риски и деятельностную готовность к их пресечению в профессиональной деятельности.

Объект исследования: профессиональная подготовка курсантов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации.

Предмет исследования: психолого-педагогические условия, обеспечивающие эффективное формирование антикоррупционного поведения личности курсантов в образовательном процессе военного вуза.

Гипотеза исследования.

В основу исследования положена гипотеза о том, что процесс формирования антикоррупционного поведения курсанта Росгвардии будет эффективным, если:

1. Антикоррупционное поведение рассматривается как интегративное качество личности (внутренний стержень), сочетающее в себе ценностные установки на честное служение (аксиологический аспект) и способность распознавать предкоррупционные ситуации, блокировать коррупционные риски в служебной деятельности (компетентностный аспект).

2. В учебно-воспитательный процесс военного вуза внедрена совокупность следующих психолого-педагогических условий:

– в образовательный процесс интегрированы модули, раскрывающие общие детерминанты коррупции (социальные, экономические, психологические факторы коррупции); нормативные предпосылки

(коррупциогенные факторы, заложенные в правовых актах); ситуационные проявления (коррупционные риски, коррупционное давление, конкретные коррупционные проявления) в служебно-боевой деятельности Росгвардии (охрана общественного порядка, лицензионно-разрешительная работа, материально-техническое обеспечение);

– применяются активные методы обучения (решение ситуационных задач, кейс-стади, деловые игры), направленные на тренировку навыка отказа от коррупционного предложения и разрешения нравственных дилемм;

– актуализируется понятие «офицерской чести» как фундаментальной ценности, несовместимой с коррупционным поведением, через изучение исторических примеров и традиций войск национальной гвардии Российской Федерации и органов правопорядка;

– разработан и применяется в образовательной практике инструментарий для мониторинга динамики развития антикоррупционной устойчивости (от простого знания законов к внутренней убежденности).

Задачи исследования:

1. Изучить теоретико-методологические основы формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии.

2. Проанализировать и разработать содержание и технологии формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии.

3. Разработать структурно-функциональную модель формирования антикоррупционного поведения курсантов.

4. Опытно-экспериментальным путем проверить эффективность психолого-педагогических условий формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии.

Теоретико-методологическую основу исследования составила совокупность подходов, позволяющих всесторонне изучить процесс формирования личности курсанта войск национальной гвардии Российской

Федерации и разработать эффективные механизмы профилактики коррупционного поведения:

– системный подход (В.Г. Афанасьев [20], И.В. Блауберг [31], Э.Г. Юдин [199]), позволяющий рассматривать процесс формирования антикоррупционного поведения как целостную педагогическую систему, включающую цели, содержание, методы воспитания, личность преподавателя и курсанта, а также внешнюю среду вуза. Коррупция здесь рассматривается как системная дисфункция;

– аксиологический подход (Е.В. Бондаревская [32], А.В. Кирьякова [100], Н.Д. Никандров [131; 132], П.Ю. Наумов, А.А. Лаптев [54], В.А. Сластенин, В.П. Каширин [163] и др.), являющийся ключевым для исследования антикоррупционного поведения, позволяет рассматривать его через призму ценностных ориентаций, трактует коррупцию как деформацию ценностной сферы, а антикоррупционную устойчивость рассматривает как ценностное образование личности офицера. Коррупция позиционируется учеными как нарушение нравственных норм. Основой антикоррупционного поведения становится сформированная система ценностей: «офицерская честь», «служебный долг», «патриотизм», «справедливость»;

– компетентностный подход (В.И. Байденко [23], И.А. Зимняя [80], З.Р. Танаева [174; 175] А.В. Хуторской [195] и др.), нацелен на формирование антикоррупционной компетенции как способности и готовности курсанта применять правовые знания и нравственные нормы для решения конкретных служебных задач в условиях коррупционного давления (умение отказаться от коррупционного деяния, задокументировать факт склонения к коррупции);

– деятельностный подход (А.Н. Леонтьев [121], С.Л. Рубинштейн [157]), основывающийся на положении о том, что личность формируется в деятельности. Антикоррупционная устойчивость формируется в процессе квазипрофессиональной деятельности (решения учебных задач, моделирования служебных ситуаций), где курсант делает осознанный

нравственный выбор, раскрывающий мотивационные механизмы правомерного поведения. Антикоррупционное поведение — это сознательная деятельность, имеющая свой мотив (сохранение чести, страх наказания, гражданская позиция и т. д.);

– концепция профессиональной деформации личности (С.П. Безносов, А.С. Гусева [63], И.С. Ганишина, С.Н. Сорокоумова [166], В.В. Сундукова [170], Р.М. Грановская [61; 62], С.Е. Борисова [34]), объясняющая природу коррупционных рисков в силовых структурах;

– контекстный подход (А.А. Вербицкий [49; 48]), обеспечивающий сближение учебного процесса с реальной служебно-боевой деятельностью Росгвардии с учетом моделирования в учебном процессе специфических ситуаций;

– теория установки (Д.Н. Узнадзе [182]), определяющая готовность (установку) человека реагировать определенным образом;

– теория правосознания и правовой культуры военнослужащих (А.В. Коровников [110], О.В. Дамаскин [65]), определяющая повышенный уровень правосознания офицера Росгвардии; концепция морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности (А.Г. Караяни [94], И.В. Сыромятников [172; 173], П.А. Корчемный [113], М.Ю. Зеленков [78] и др.) рассматривает честность и неподкупность как факторы боеготовности. Коррумпированный офицер теряет управление подразделением. Специфика реализации морально-психологического обеспечения в войсках национальной гвардии Российской Федерации (ранее — внутренних войсках) и органах правопорядка отражена в исследованиях А.М. Столяренко [168; 169], В.Я. Кикотя, В.Ю. Рыбникова [201], которые акцентируют внимание на правоохранительном характере деятельности и необходимости формирования у сотрудников специфических профессионально-нравственных качеств. Особое значение для исследования имеют работы С.П. Безносова [28], Л.В. Ковтуненко [108, 109], связывающих

коррупционные проявления с профессиональной деформацией личности носителя властных полномочий;

– личностно-ориентированный подход (И.С. Якиманская [203; 204], В.В. Сериков [161]), учитывающий индивидуально-психологические особенности курсантов, их мотивацию и прошлый социальный опыт при формировании правосознания; средовой подход (Ю.С. Мануйлов [124]), акцентирующий внимание на создании в военном вузе особой «антикоррупционной среды», включающей прозрачность оценивания, нетерпимость к протекционизму, личный пример командиров. При правильной организации такая среда оказывает воспитывающее воздействие на курсанта, способствуя формированию устойчивых антикоррупционных установок.

Методы исследования. Основными методами, применяемыми в исследовании, явились: анализ философской, психолого-педагогической, юридической литературы и нормативно-правовых актов Росгвардии по проблеме исследования, обобщение педагогического опыта, моделирование образовательного процесса.

Диагностические методы: оценка склонности к коррупционному поведению, оценка уровня правосознания, опрос (анкетирование, беседы и интервьюирование).

Обсервационные методы: включенное наблюдение за поведением курсантов в ходе занятий и несения службы в нарядах.

Праксиметрические методы: анализ результатов учебной деятельности, дисциплинарного учета.

Эксперимент: констатирующий (выявление исходного уровня), формирующий (внедрение модели антикоррупционного воспитания) и контрольный (оценка результатов) этапы.

А также методы математической статистики, включающие количественную и качественную обработку полученных данных.

Методики исследования. Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина); методика диагностики уровня правового сознания (Л.А. Ясюкова); Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной; шкала макиавеллизма личности (Mach-IV в адаптации В.В. Знакова); методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел); тест «Правовые основы противодействия коррупции в военной среде» (С.Н. Сорокоумова, П.А. Гордеева); методика диагностики уровня развития рефлексивности (А.В. Карпов); методика «Справедливость – забота» (С.В. Молчанов); шкала организационной справедливости (Дж. Гринберг, Дж. Колкитт) и шкала социальной желательности (Д. Марлоу — Д. Кроун).

Достоверность полученных результатов. Статистический анализ с использованием χ^2-критерия Пирсона позволил оценить значимость выявленных различий по итогам формирующей программы.

Экспериментальная база исследования. Экспериментальная группа (ЭГ) сформирована на базе Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации» в количестве 120 курсантов (40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности — 68 курсантов и 37.05.02 Психология служебной деятельности — 52 курсанта). Контрольная группа (КГ) сформирована на базе Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации» — 135 курсантов.

Этапы исследования.

На *поисково-подготовительном этапе* (2022–2023 гг.) анализировалась психолого-педагогическая литература по выбранной области исследования, определялась степень разработанности интересующей сферы и выявлялись

проблемы и противоречия, что способствовало формулированию темы исследования. На этом же этапе формировалась выборка курсантов для ЭГ и КГ, оценивалась гомогенность выборки, подбирался психодиагностический инструментарий, позволяющий исследовать антикоррупционную устойчивость.

На *экспериментальном этапе* (2023–2025 гг.) проводился констатирующий эксперимент для определения начального (базового) уровня курсантов ЭГ и КГ. Разрабатывались модель и комплекс мероприятий для формирования антикоррупционного поведения курсантов. Реализовывался предложенный комплекс мероприятий, по завершении которого в ходе контрольного эксперимента оценивалась сформированность антикоррупционного поведения курсантов Росгвардии.

На *обобщающем* этапе (2026 г.) проводился комплексный анализ результатов исследования, оценивалась статистическая значимость выявленных изменений, оформлялся текст диссертационного исследования.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

В понятийно-терминологическом аппарате педагогики:

Уточнено содержание понятия «антикоррупционное поведение курсантов войск национальной гвардии РФ». В отличие от традиционных подходов, рассматривающих его как пассивное соблюдение нормативно-правовых запретов, данный феномен представлен как проактивная, этически обусловленная и интеллектуально обеспеченная позиция личности.

Определена его многокомпонентная структура, включающая единство нетерпимости к злоупотреблениям властью, личностной психологической устойчивости, понимания правовых механизмов, активного правомерного действия, использования легальных организационных процедур и последующего рефлексивного анализа. Обосновано, что ядром данной структуры выступает нравственно-ценностная позиция («внутренний стержень») личности.

В теоретико-методологическом плане:

Разработаны диагностические возможности структурно-психологической модели этапов антикоррупционного поведения, описывающей последовательную динамику принятия личностного решения в ситуациях коррупционного давления (осознание риска — оценка выбора — принятие решения — реализация решения).

Разработана и теоретически обоснована структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов, объединяющая мотивационно-ценностный, личностный, когнитивный, институционально-средовой (организационный), поведенческий и рефлексивный компоненты, что обеспечивает целостность превентивного педагогического воздействия.

В научно-методическом аспекте:

Обоснована специфика формирования антикоррупционной устойчивости курсантов Росгвардии с опорой на компетентностный и аксиологический подходы. Специфика определена с учетом характера будущей профессиональной деятельности (включая лицензионно-разрешительную работу и охрану общественного порядка), сопряженной с коррупционными рисками.

Выявлен и систематизирован превентивный потенциал дисциплин гуманитарного цикла (психологии, педагогики, юриспруденции, обществознания и др.) в создании мировоззренческого фундамента личности; определена роль интерактивных образовательных технологий (тренингов, решения ситуационных задач) как инструмента перевода теоретических этико-правовых знаний в практический опыт поведенческого выбора, а также раскрыто значение институциональной среды (курсантского самоуправления и коллектива) в закреплении антикоррупционных установок.

В опытно-экспериментальном плане:

Получены новые эмпирические данные, доказывающие эффективность целенаправленного формирующего и превентивного воздействия разработанной программы; экспериментально подтверждена возможность

существенного снижения показателей склонности к отклоняющемуся поведению (включая выраженное снижение рисков делинквентного, агрессивного и аддиктивного характера), а также доказано положительное влияние программы на развитие эмоционально-волевого самоконтроля и личностной рефлексии (готовности к самоанализу и уходу от стратегий «служебной лжи»).

Теоретическая значимость результатов исследования.

Разработана и эмпирически реализована структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов, как проактивной, этически обусловленной и интеллектуально обеспеченной позиции личности. В структуре модели выделены следующие компоненты: мотивационно-ценностный, личностный, когнитивный, институционально-средовой, поведенческий и рефлексивный. Обоснованы диагностические возможности структурно-психологической модели этапов антикоррупционного поведения, описывающей внутреннюю динамику принятия личностных решений в ситуациях коррупционного давления.

Эмпирически подтверждена гипотеза о том, что формирование антикоррупционной устойчивости курсантов становится эффективным при внедрении в учебно-воспитательный процесс военного вуза предложенной совокупности психолого-педагогических условий.

Таким образом, исследование вносит весомый вклад в теорию основ формирования антикоррупционного поведения курсантов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в целесообразности использования результатов эмпирического исследования, а также подобранного психодиагностического инструментария в рамках изучения антикоррупционного поведения госслужащих и военнослужащих.

Разработанный и верифицированный комплекс мероприятий по формированию нетерпимости к коррупции и коррупционному поведению может быть рекомендован к внедрению в практику учебно-воспитательного процесса правоохранительных и военных образовательных организаций.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования докладывались на конференциях, форумах и круглых столах: IV Международная научная конференция «Философские и методологические проблемы исследования российского общества», Российский университет транспорта (Москва, 2020 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Воспитательная работа в образовательной организации: состояние, проблемы, перспективы развития» (Москва, 2020 г.); I Всероссийская национальная научно-практическая конференция (с международным участием): «Формирование механизмов устойчивого развития экономики региона» Севастопольский филиал ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (Севастополь, 2021 г.); VI Международная научная конференция: «Философские и методологические проблемы исследования российского общества», Российский университет транспорта (Москва, 2022 г.); Межведомственная научная конференция с международным участием «Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В.Я. Слепова)» ФГКВОУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации» (Санкт-Петербург, 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «Нормативное правовое обеспечение развития профессионального образования» (Москва, 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «Нормативное правовое обеспечение профессионального образования» (Москва, 2026 г.); Международная научно-практическая конференция по проблемам исполнения уголовных наказаний, Академия ФСИН России (Рязань, 2026 г.).

Материалы исследования внедрены в систему профессиональной подготовки курсантов ФГКВОУ ВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», ФГКВОУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации», ФГКОУ ВО «Военный

учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации».

Результаты и теоретико-экспериментальные выводы диссертационного исследования в полном объёме изложены в 21 научной работе, опубликованной соискателем, в том числе в 3 (трех) статьях в рецензируемых изданиях из перечня, рекомендованного ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней.

Положения, выносимые на защиту:

Антикоррупционное поведение курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации рассматривается не как пассивное соблюдение нормативных ограничений и запретов, а как проактивная, этически обусловленная и интеллектуально обеспеченная позиция личности. Данное поведение реализуется в специфической ведомственной среде и непрерывно совершенствуется через саморефлексию. Ядром антикоррупционного поведения выступает нравственно-ценностная позиция, определяющая готовность противостоять деформационным факторам профессиональной среды.

Структурно-психологическая модель этапов антикоррупционного поведения, описывающая внутреннюю динамику принятия личностных решений в ситуациях коррупционного давления, включает четыре последовательные стадии: осознание риска (идентификация ситуации как потенциально коррупциогенной); оценка выбора (морально-этический и правовой анализ возможных альтернатив); принятие решения (выбор правомерного варианта действий вопреки корыстным мотивам); реализация решения (практическое противодействие давлению с опорой на легальные механизмы организации).

Структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов, обеспечивающая целостность превентивного воздействия на личность будущего офицера, интегрирует

в своем составе взаимосвязанные компоненты: мотивационно-ценностный (нравственные ориентиры и нетерпимость к злоупотреблениям); личностный (психологическая устойчивость к соблазнам и давлению); когнитивный (знание правовых норм и антикоррупционных механизмов); институционально-средовой (влияние организационной культуры и коллектива); поведенческий (активные правомерные действия) и рефлексивный (способность к этической самооценке собственных поступков).

Разработанный и апробированный комплекс психолого-педагогических условий формирования антикоррупционной устойчивости, учитывающий специфику служебных задач Росгвардии (лицензионно-разрешительная работа и охрана общественного порядка), включает актуализацию превентивного потенциала гуманитарных дисциплин (психологии, педагогики, юриспруденции и обществознания) для развития ценностно-смысловой сферы курсантов; систематическое применение интерактивных педагогических технологий (тренингов, решения ситуационных задач), способствующее переводу теоретических знаний в опыт осознанного поведенческого выбора; активизацию ресурсов институциональной среды ведомственного вуза, в частности потенциала курсантского самоуправления и коллектива как факторов практического усвоения этических норм и взаимного контроля.

Результаты опытно-экспериментальной проверки эффективности разработанной программы доказали ее развивающий и профилактический потенциал. Направленное формирующее воздействие обеспечивает статистически подтвержденное снижение показателей склонности к отклоняющемуся поведению (включая риски деструктивного, делинквентного и аддиктивного характера), способствует стабилизации эмоционально-волевого самоконтроля курсантов, повышению уровня их личностной рефлексии и снижению готовности к использованию компенсаторных стратегий самопрезентации («служебной лжи»).

Полученные эффекты сохраняются в отсроченном периоде, что свидетельствует

о сформированности антикоррупционных установок, а не о временной ситуативной реакции.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование «Формирование антикоррупционного поведения у курсантов военных образовательных организаций» соответствует паспорту научной специальности 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)» (п. 4. «Компетентностный подход в профессиональной подготовке специалиста. Компетентностная модель специалиста: универсальные и профессиональные компетенции»; п. 14. «Теория и практика организации воспитательного процесса в образовательных организациях, реализующих образовательные программы профессионального образования»; п. 19. «Подготовка кадров в образовательных организациях высшего образования»).

В отметке «Для служебного пользования» или присвоении соответствующего грифа секретности не нуждается.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование содержит: введение, три главы, заключение, список литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ

1.1. Сущность и содержание понятия «антикоррупционное поведение» в психолого-педагогической литературе

«Слово «коррупция»[1] имеет латинское происхождение и в буквальном переводе означает «порча, испорченность» [45, с. 12].

О.В. Ванновская обозначает «Коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью[2] — властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач и т. д.). Главным стимулом к коррупции является возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором — риск разоблачения и наказания» [45, с. 18].

В психолого-педагогических исследованиях подход к определению социально-правового явления «коррупция» и связанного с ним поведения существенно отличается от юридического или экономического. Юридический анализ сосредоточен на признаках преступления, экономический — на потерях и перераспределении ресурсов, а психология и педагогика изучают личность, её мотивы, изменения сознания и особенности воспитания.

В психологической литературе коррупция рассматривается не как сделка, а как специфическое состояние личности или поведенческий паттерн, как социально-психологическое явление, выражающееся в деформации

---

[1] от лат. *corruptio*

[2] Дискреционная власть (дискреционные полномочия) — предоставленное законом право государственных органов и должностных лиц действовать по собственному усмотрению, выбирая варианты решений в пределах их полномочий.

профессионального правосознания, при котором человек использует служебное положение для удовлетворения личных потребностей вопреки интересам службы и моральным нормам.

В зарубежной литературе коррупция рассматривается как «девиация властвующих структур» или «болезнь развивающихся обществ»: «The abuse of entrusted power for private gain»[3] [228,206].

Западная наука строго разделяет коррупцию на несколько уровней:

– Petty corruption (низовая / мелкая коррупция) — это повседневные злоупотребления властью чиновниками низшего и среднего звена при взаимодействии с обычными гражданами.

– Grand corruption (верхушечная / элитарная коррупция) — это действия на высшем уровне правительства, искажающие политику или центральное функционирование государства (вывод миллиардов в офшоры, масштабные откаты).

– State capture (захват государства) — это ситуация, когда частные лица, олигархи или корпорации формируют законы, политику и правила игры в стране под свои частные интересы путем подкупа политиков (термин, популяризированный Всемирным банком).

Таким образом, в западной науке коррупция понимается не просто как дача и получение взятки, а как институциональная дисфункция. Это рациональное поведение агентов, вызванное монополией на принятие решений, слабым контролем и размытием границ между публичными обязанностями и частными интересами.

В отечественной науке О.В. Ванновская в своей монографии, опираясь на доклад, подготовленный под руководством Г. Сатарова [68], структурирует различные подходы к исследованию коррупции, выделяя четыре основные теоретические перспективы [45, с. 15–17]:

[3] «Коррупция — это злоупотребление вверенной властью ради личной выгоды»

1. Коррупция как отклонение от норм права, служебной этики или общечеловеческих моральных принципов, совокупность проступков — от преступных до неэтичных — конкретных персон [45, с. 15; 68, с. 7].

2. Коррупция как реализация интересов (конфликт интересов) [45, с. 15; 68, с. 10–11].

3. Коррупция как набор универсальных стратегий поведения больших социальных групп, приоритетными среди которых являются две: «захват государства» (state capture) и «захват бизнеса» (business takeover) [45, с. 15; 68, с. 11–13];

4. Коррупция как системная неэффективность [45, с. 16; 68, с. 13].

О.В. Ванновская первой в отечественной психологии перевела проблему коррупции из плоскости «преступления» в плоскость «свойства личности», разработав методику диагностики (тест), которая позволяет выявить потенциального коррупционера ещё до того, как он совершил преступление. Автор рассматривает коррупционное поведение с точки зрения социальной нормы, как один из видов девиации. Рассматривая коррупционное поведение как один из видов социальной девиации, О.В. Ванновская вводит в научный оборот понятие «коррупциогенная личность» [44, с. 325], которое охватывает широкий круг личностных образований, структурированных по пяти уровням [44, с. 326]: «уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, смыслы и ценностные ориентации); когнитивно-нравственный уровень (нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, структура ответственности и долга); эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессией, удовлетворенность личным статусом, самоотношение); регулятивный уровень (локус контроля, механизмы принятия решений); поведенческий уровень (ведущий тип реагирования)» [44, с. 326].

Г.Н. Ларина характеризует отношение к коррупционному поведению как «нравственную шкалу личности» [119]. М. М. Решетников разрабатывает

психоисторический подход к готовности и предрасположенности к коррупционному поведению, акцентируя внимание на внеэкономических факторах и отмечая, что «сугубо психологические механизмы коррупции сложны и укоренены» [156, с. 8]. В отличие от экономических моделей, сводящих коррупцию к калькуляции выгоды и риска, М.М. Решетников отмечает, что «коррупция является отражением и социальной проекцией не менее значимых психологических законов и феноменов; экономика — не единственная и не ведущая причина» [156, с. 95]. Автор актуализирует исследование «эволюции рынка и общественной морали» [156, с. 96], выводя тем самым проблему коррупции в плоскость исторической психологии и культурной динамики.

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич выделяют, что «законодательных мер для противодействия коррупции недостаточно, они должны дополняться другими, неюридическими мерами, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи» [73, с. 60]. Важной методологической предпосылкой исследования выступает позиция А.Л. Журавлева и А.В. Юревича, которые подчёркивают: «в скептически настроенном, прагматичном и достаточно безнравственном обществе преподнесение проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо обоснование ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, прагматического смысла борьбы с нею. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши сограждане» [73, с. 61].

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич акцентируют внимание на нравственно-психологической регуляции. Для них коррупционное поведение — это следствие «дефекта совести» и принятия групповых норм (если в коллективе принято брать взятки, индивид подстраивается — конформизм) [74].

Проанализировав вышеизложенные взгляды, подведем итоги. В психолого-педагогической науке коррупция определяется как социально-психологический феномен, представляющий собой отклоняющееся (девиантное) поведение, в основе которого лежат: эгоцентризм и алчность (доминирование личного над общественным); моральная деградация (утрата эмпатии и социальной ответственности); психологическая готовность нарушить закон (формируется при отсутствии должного воспитания и наличии «дурных примеров» в социальной среде).

Антикоррупционное поведение — это система осознанных действий (или бездействия) личности, основанная на глубоком неприятии коррупции, строгом соблюдении правовых и морально-этических норм, а также на готовности активно противодействовать коррупционным проявлениям в обществе. Понятие «антикоррупционное поведение» является междисциплинарным. Его изучают юристы, педагоги, психологи и социологи. Поэтому в науке нет одного закрепленного в законе определения — каждый автор трактует его со своей точки зрения.

В научных публикациях понятие «антикоррупционное поведение» часто раскладывается на несколько взаимосвязанных концептов: антикоррупционное мировоззрение (сознание) — понимание того, что коррупция — это зло, разрушающее государство и общество; антикоррупционный стандарт поведения — жестко заданный алгоритм (часто закрепленный в ведомственных приказах) того, как должен вести себя сотрудник/курсант в коррупциогенной ситуации (например: отказаться, не брать деньги в руки, доложить начальнику, написать рапорт); антикоррупционная культура — среда, в которой нетерпимость к коррупции и коррупционному поведению является абсолютной нормой коллектива; антикоррупционная устойчивость (иммунитет) — способность человека противостоять давлению среды, соблазнам или прямым угрозам.

Противодействием коррупционному поведению выступает антикоррупционная устойчивость.

Понятие «антикоррупционная устойчивость» (чаще всего — «антикоррупционная устойчивость личности») активно исследуется в российской науке на стыке психологии, педагогики, социологии и теории государственного управления. Антикоррупционная устойчивость — это внутренний барьер, способность человека или системы сопротивляться коррупционному давлению и соблазнам.

О.В. Ванновская дает следующее определение: «Антикоррупционная устойчивость — это системное свойство личности, проявляющееся в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением в пользу последнего» [44, с. 324].

В юридической психологии антикоррупционная устойчивость рассматривается как профессионально важное качество госслужащего и сотрудника правоохранительных органов.

А.В. Буданов: «Антикоррупционная устойчивость личности сотрудника — это сложное, системное морально-психологическое качество. Оно выражается в способности человека сохранять верность профессиональному долгу, неукоснительно соблюдать правовые и этические нормы, а также проявлять твердую психологическую готовность противостоять любым формам коррупционного давления, шантажа или подкупа в условиях выполнения служебных задач» [37].

В рамках управленческих наук антикоррупционная устойчивость рассматривается не только как свойство личности, но и как характеристика системы государственного аппарата. Е.В. Охотский подчёркивает, что отсутствие у государственных деятелей устойчивых принципов и прочных убеждений делает их уязвимыми для коррупционных схем [140, с. 84]. Как отмечает исследователь, «отсутствие идеологических ограничений, стремление к привилегиям серьёзно расширяет коррупционные частнособственнические возможности чиновников» [140, с. 135]. При этом автор обращает внимание на опасность вовлечения людей в коррупционные

сети со стороны оппозиционных субъектов [140, с. 89], что в условиях гибридных угроз приобретает особую значимость. В качестве позитивного примера исследователь ссылается на государственную идеологию и государственную службу Китайской Народной Республики, отмечая наличие в ней «в базовых принципах-приоритетах жёсткой антикоррупционной стратегии» [140, с. 120]. При этом автор подчёркивает, что «источник жизненной силы политика и чиновника один и определяется он не только должностным статусом и профессионализмом, но и политической культурой, нравственной строгостью и обострённым чувством персональной ответственности» [140, с. 129]. Из данного положения следует, что антикоррупционная устойчивость не исчерпывается строгостью наказания и внешним контролем, а предполагает формирование особой корпоративной культуры государственного аппарата. В такой культуре коррупция отторгается как профессиональная патология, несовместимая со статусом государственного служащего. Данный вывод непосредственно определяет вектор педагогической работы с курсантами: формирование антикоррупционного поведения должно быть направлено не только на усвоение правовых норм, но и на воспитание внутренних ценностно-нормативных регуляторов, закрепляемых через систему профессиональных и этических стандартов офицерской службы.

С.В. Трифанцов дает следующее определение: «Антикоррупционное поведение – комплекс профессионально значимых действий должностного лица, осуществляемых в соответствии с антикоррупционным законодательством и нравственными ориентациями личности, направленных на предотвращение возникновения коррупционных ситуаций и отказ от коррупционных деяний» [178, с.9].

А.К. Севрюк и Э.Г. Мартиросян ввели в научный оборот понятие «антикоррупционная компетентность», обосновывая, что отсутствие данной компетенции делает выпускника профессионально непригодным. В своей работе авторы дают ей следующее развернутое определение:

«Антикоррупционная компетентность выпускника вуза МВД России представляет собой интегральное профессионально-личностное качество, обеспечивающее его способность и готовность к правомерному поведению в ситуациях коррупционного риска на основе сформированных антикоррупционных ценностных ориентаций, глубоких знаний антикоррупционного законодательства и уверенного владения практическими способами предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений» [159, с. 318]. Авторы подчеркивают, что эта компетентность состоит из трех блоков: когнитивного (знание нормативной базы), мотивационно-ценностного (неприятие коррупции, следование требованиям присяги и профессиональному долгу, антикоррупционные ценности) и деятельностного/поведенческого (готовность и способность реализовывать правомерные алгоритмы поведения в ситуациях коррупционного давления, в том числе при предложении взятки) [159, с. 318–319]. В научной литературе существуют разные подходы к трактовке понятия «антикоррупционное поведение».

В рамках правового и криминалистического подходов антикоррупционное поведение рассматривается как разновидность правомерного поведения, требующего соблюдения законов и стандартов.

1. Криминологический подход к определению антикоррупционного поведения представлен в работах В.В. Астанина, который определяет его как «строгое соблюдение установленных антикоррупционных стандартов, запретов, ограничений и требований к служебному поведению, а также активное противодействие любым попыткам склонения к совершению коррупционных правонарушений» [18]. Данная трактовка акцентирует не только нормативную, но и деятельностную составляющую антикоррупционного поведения, что созвучно пониманию антикоррупционной устойчивости как активной способности субъекта сопротивляться внешнему давлению и коррупционным соблазнам.

Т.Я. Хабриева, анализируя доктринальные подходы к противодействию коррупции, подчёркивает, что «правовые меры должны сочетаться с иными, неправовыми мерами противодействия коррупции, которые будут убеждать общество в её пагубности и разрушительной силе» [185, с. 8]. Автор также отмечает, что коррупция «представляет собой реальную социальную действительность» и «девиантное поведение» [185, с. 11], что требует не только юридической, но и психолого-педагогической работы по формированию антикоррупционного сознания. Данный подход коррелирует с задачами настоящего исследования, поскольку обосновывает необходимость интеграции воспитательных и образовательных мер в процесс подготовки будущих офицеров Росгвардии.

Социально-психологический подход помогает понять, как именно внутренние установки и ценности человека формируют его неприятие коррупции. Именно этот подход даёт возможность исследовать внутренние механизмы формирования антикоррупционной устойчивости, что является методологической основой для разработки структурно-функциональной модели в настоящем исследовании.

Как отмечает П.А. Кабанов, в качестве основных целей антикоррупционного просвещения должны выступать: «а) формирование антикоррупционного мировоззрения; б) формирование антикоррупционного поведения. В качестве дополнительных целей антикоррупционного просвещения следует выделить: а) повышение уровня правосознания, б) повышение уровня правовой культуры» [90, с. 47].

Педагогический и воспитательный подходы рассматривают антикоррупционное поведение как результат целенаправленного воспитания и образования.

Е.А. Акунченко, П.А. Вырва, И.А. Дамм и другие авторы учебного пособия «Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования» отмечают, что антикоррупционное поведение личности, её антикоррупционное мировоззрение, сознание и культура формируются

через целенаправленный процесс постоянного обучения, консультирования и антикоррупционного воспитания работников и обучающихся [139, с. 71]. При этом авторы подчёркивают, что «антикоррупционное образование служит одним из наиболее эффективных и перспективных направлений противодействия коррупции в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных органах и органах местного самоуправления» [139, с. 72–73]. Данное положение имеет непосредственное отношение к подготовке курсантов военных образовательных организаций Росгвардии, поскольку формирование антикоррупционного поведения будущих офицеров должно рассматриваться как неотъемлемая часть их профессионального становления.

Таким образом, согласно современным доктринальным подходам (Т.Я. Хабриева, В.В. Астанин, П.А. Кабанов), антикоррупционное поведение — это форма правомерного и социально полезного поведения личности, базирующаяся на антикоррупционном мировоззрении и выражающаяся в осознанном отказе от коррупционных практик, а также в готовности противостоять им законными методами. То есть антикоррупционное поведение проявляется в двух аспектах: пассивном и активном.

Пассивный аспект антикоррупционного поведения заключается в отказе от дачи взятки и отказе от использования служебного положения в личных целях.

Активный аспект заключается в активной личностной позиции, выражающейся в нетерпимости к коррупционному поведению, к коррупционным проявлениям, своевременном информировании правоохранительных органов о фактах вымогательства взятки, участии в общественном антикоррупционном контроле, а также в пресечении коррупционных действий коллег. Данное разграничение имеет принципиальное значение для формирования антикоррупционного поведения курсантов, поскольку позволяет дифференцировать цели педагогического воздействия: от выработки пассивного неприятия коррупции до активной готовности предупреждать и пресекать её проявления.

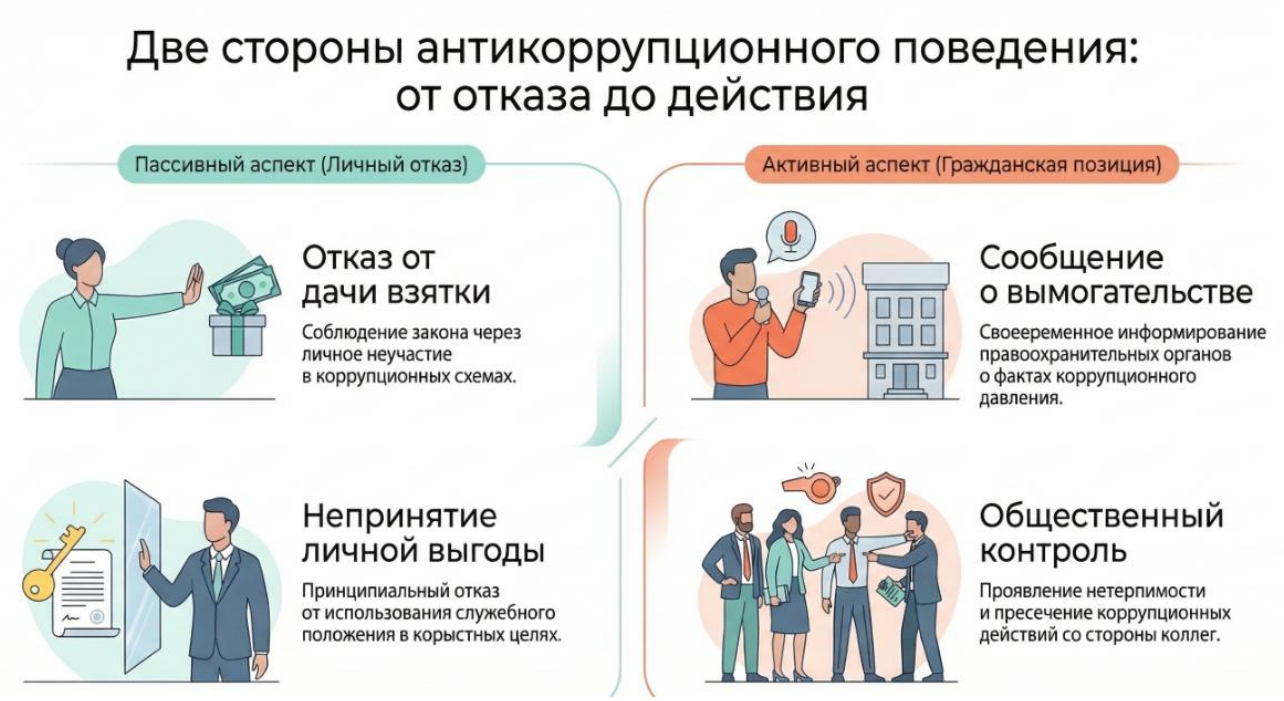

Рисунок 1.1 — Две стороны антикоррупционного поведения[4]

Ученые (А.В. Буданов [37], П.А. Кабанов [90; 91; 89], Е.В. Охотский [140]) сходятся во мнении, что исключительно репрессивные меры (страх уголовного преследования) не обеспечивают должного уровня противодействия коррупции. Более эффективным механизмом выступает антикоррупционная устойчивость, трактуемая как внутренний ценностно-нормативный регулятор поведения личности, своего рода «иммунитет» к коррупционным проявлениям. Данное качество представляет собой не пассивное соблюдение правовых норм, а активную способность субъекта противостоять внешнему давлению, коррупционным соблазнам, шантажу и деструктивному влиянию неформальных групповых норм («круговой поруки»), сохраняя приверженность профессиональному долгу и нравственным принципам.

Если обобщить научную литературу, этапы антикоррупционного поведения любого человека выглядят как лестница из четырех ступеней: знание, осознание риска (когнитивный компонент); отношение, взвешенный выбор (эмоционально-оценочный компонент); мотив, принятие решения

[4] Рисунок сгенерирован ИИ, автор Бурмакин В.М.

(ценностный компонент — честность, справедливость); действие, реализация выбранного решения (поведенческий/волевой компонент).

Рисунок 1.2 — Структура этапов антикоррупционного поведения[5]

Обобщая представленные научные подходы (социологические, психологические и педагогические), можно сделать вывод о том, как современная российская наука понимает коррупцию и методы противодействия ей. Лейтмотив всех исследователей заключается в том, что коррупцию нельзя победить исключительно юридическими (карательными) и экономическими мерами. Это фундаментальная проблема человеческой личности и состояния общества в целом.

Проанализировав научные подходы, предлагаем следующее определение антикоррупционного поведения. *Антикоррупционное поведение — это осознанная и целенаправленная активность личности, базирующаяся на правовой грамотности и твердых этических установках, которая выражается в практическом противодействии коррупции в рамках*

[5] Рисунок сгенерирован ИИ, автор Бурмакин В.М.

существующих организационных условий и сопровождается постоянной критической оценкой собственных действий и решений.

Социологи и психологи (А.Л. Журавлев [75], А.В. Юревич [200], С.В. Климовицкий [106]) считают, что главная угроза коррупции — ее институционализация и превращение в социальную норму. Общество начинает воспринимать взятки как естественный способ выживания. Это приводит к катастрофическим последствиям: разрушается доверие граждан к государству, усиливается социальное неравенство, подрывается национальная безопасность и наступает глубокий моральный кризис общества.

С точки зрения психологии и педагогики (М.М. Решетников [156] и др.), взятка — это лишь внешнее проявление внутренних проблем человека. В основе коррупции лежат эгоцентризм, подмена общественных интересов личной наживой и механизмы психологического самооправдания (когда человек легко договаривается с собственной совестью). Склонность к коррупционному поведению формируется в результате дефектов воспитания (в семье и школе), когда ребенку не прививаются базовые моральные принципы честности и правосознания.

Отказ от деяний коррупционного характера не происходит автоматически. Структура антикоррупционного поведения показывает, что для честных поступков человеку необходима слаженная работа трех элементов: разума, чувств и воли.

При этом анализ научной литературы в антикоррупционных исследованиях обозначает смену парадигмы: от репрессивной модели «борьбы с коррупционерами» исследователи переходят к конструктивной стратегии «формирования антикоррупционной среды», в которой правомерное поведение становится не результатом внешнего принуждения, а внутренне принятой и социально одобряемой нормой.

В этой связи для реального искоренения коррупции в современном обществе необходим комплексный подход, предполагающий, что

юридические санкции должны дополняться масштабной работой по оздоровлению нравственного климата общества.

Реализация данного подхода требует непрерывного антикоррупционного просвещения и воспитания — от дошкольных учреждений до программ подготовки высших государственных служащих и военных. Конечная цель такой системы — трансформация коррупции из просто наказуемого деяния в психологически неприемлемое и морально несовместимое с профессиональным статусом поведение.

Данный подход непосредственно определяет вектор настоящего исследования: формирование антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии, которое должно быть ориентировано не на информирование о санкциях, а на становление внутренней личностной позиции, в которой коррупция отторгается как нечто чуждое офицерской чести и долгу.

1.2. Антикоррупционная устойчивость как интегративное качество личности военнослужащего

Антикоррупционная устойчивость как интегративное качество — это сложное, многоуровневое свойство личности (а также организации или общества в целом), которое позволяет успешно противостоять коррупции, сохранять профессиональную и моральную объективность и не вовлекаться в коррупционные практики.

Называть это качество интегративным[6] правомерно, так как оно не сводится к одной лишь честности или знанию законов. Это сплав множества психологических, правовых, нравственных и социальных компонентов личности.

Рассмотрим структуру антикоррупционной устойчивости через призму ее составных компонентов, уровней и путей формирования.

---

[6] от лат. *integratio* - восстановление, восполнение, объединение частей в целое

Как интегративное качество, антикоррупционная устойчивость состоит из четырех взаимосвязанных компонентов:

Когнитивный (познавательный) компонент — предполагает знание антикоррупционного законодательства; понимание сущности коррупции, её скрытых форм и механизмов; осознание разрушительных социально-экономических последствий коррупции для общества и государства.

Ценностно-мотивационный (нравственный) компонент — включает наличие устойчивого внутреннего нравственного стержня; интериоризацию таких ценностей, как справедливость, честность, гражданский долг, профессиональная честь; формирование внутреннего неприятия коррупции как способа решения проблем и достижения целей.

Эмоционально-волевой компонент — включает способность противостоять внешнему давлению, коррупционным соблазнам и манипулятивным воздействиям; умение преодолевать страх (в частности, страх ухудшения отношений с руководством или коллегами при отказе от участия в коррупционной схеме); психологическую готовность и решимость дать твёрдый отказ от незаконных предложений.

Поведенческо-деятельностный компонент — предполагает практическое применение антикоррупционных знаний и убеждений в реальных ситуациях; устойчивые навыки правомерного служебного поведения; готовность информировать компетентные органы о фактах коррупционных проявлений.

Только единство всех четырех компонентов обеспечивает подлинную антикоррупционную устойчивость личности. Знание закона без нравственных оснований создаёт предпосылки для изощрённого коррупционного поведения; нравственные убеждения (мораль без силы воли) приводят к конформизму и пассивному соучастию в коррупционных практиках.

Антикоррупционная устойчивость военнослужащих — это интегральное качество личности и профессионального сознания,

выражающееся в способности сохранять верность правовым и нравственным нормам, противостоять коррупционному давлению и отвергать участие в коррупционных практиках в служебной деятельности. Данное качество формируется не только на уровне индивидуальных установок, но и под влиянием воинского коллектива, организационной культуры, системы воспитания, правового обучения, антикоррупционного образования и просвещения.

С научной точки зрения антикоррупционная устойчивость включает несколько взаимосвязанных компонентов: правосознание, нравственную зрелость, служебную дисциплину, готовность следовать уставным нормам и внутреннюю непримиримость к злоупотреблению служебным положением. Для военнослужащего это означает не просто отказ от личного участия в коррупционных сделках, но и способность сохранять нормативную позицию в условиях давления со стороны коллектива, начальства или сложившихся неформальных традиций.

К числу ключевых факторов формирования антикоррупционной устойчивости относятся правовое воспитание, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, личный пример командиров, а также уклад воинской службы, поддерживающий ценности чести, долга и ответственности. Как показывают исследования, устойчивость военнослужащего во многом зависит от морально-психологического климата в подразделении и от того, насколько в коллективе осуждаются или, напротив, нормализуются коррупционные практики. Следовательно, антикоррупционная устойчивость не сводится к юридической осведомлённости; она требует сформированной ценностной ориентации и устойчивых навыков поведения в ситуациях коррупционного риска.

Военная служба имеет ряд институциональных особенностей, объективно повышающих вероятность коррупционного поведения. К наиболее существенным из них относятся строгая иерархическая структура, закрытость организационной системы и принцип единоначалия.

Эти особенности, будучи функционально необходимыми для обеспечения управляемости, дисциплины и оперативности принятия решений, одновременно создают среду, в которой возрастает вероятность злоупотребления служебными полномочиями и формирования устойчивых коррупционных практик.

Иерархическая структура военной организации предполагает выраженную вертикаль подчинения, при которой решения о распределении ресурсов, назначениях, поощрениях, перемещениях по службе и дисциплинарных мерах концентрируются на уровне командования. Такая конфигурация власти усиливает зависимость подчинённых от непосредственного начальника и расширяет спектр возможностей для использования служебного статуса в личных интересах. В условиях, когда карьерное продвижение, доступ к благам, ресурсам и оценка служебной деятельности в значительной мере определяются усмотрением руководителя, возрастает риск неформального давления, фаворитизма, протекционизма и вымогательства.

Закрытость военной системы выступает самостоятельным коррупциогенным фактором. Необходимость соблюдения режима секретности, ограниченный внешний контроль и специфика служебной информации объективно снижают прозрачность внутренних процедур. Это, в свою очередь, затрудняет выявление нарушений, повышает латентность коррупционных деяний и ослабляет действенность как общественного, так и ведомственного контроля за распределением материальных и кадровых ресурсов. В результате формируется институциональная среда, в которой коррупционные действия могут сохраняться длительное время без должной проверки и правовой оценки.

Принцип единоначалия также способствует росту коррупционных рисков, поскольку объединяет в одном должностном лице значительный объём властных и распорядительных полномочий. С одной стороны, это

обеспечивает оперативность принятия решений, что принципиально важно для военной службы. С другой — концентрация полномочий при недостаточности эффективных ограничителей и механизмов подотчётности создаёт условия для злоупотреблений. В таких обстоятельствах решения могут приниматься в обход объективных критериев, а зависимость подчинённых от начальника становится дополнительным стимулом к коррупционному поведению.

Таким образом, иерархичность, закрытость и единоначалие не являются коррупцией по своей природе, однако при отсутствии достаточных механизмов контроля они формируют институциональную среду повышенного риска. Для военной организации данная ситуация представляет особую опасность, поскольку коррупция в данной сфере затрагивает не только вопросы служебной дисциплины и эффективности управления, но и напрямую влияет на боеспособность, устойчивость системы управления и военную безопасность государства.

Чувство чести, понимание своего долга и развитое правосознание, основанные на неприятии коррупции и твёрдой антикоррупционной позиции, составляют взаимосвязанный комплекс моральных и правовых ориентиров, обеспечивающий устойчивость военнослужащего к коррупционному поведению.

В профессиональной среде, особенно в сферах с высокой степенью служебной ответственности, эти категории выступают не только как элементы этического самоконтроля, но и как основания правомерного, добросовестного и социально ответственного поведения.

Честь в данном контексте понимается как внутренне усвоенное требование сохранять достоинство, профессиональную репутацию и верность нравственным нормам службы. Она задаёт личностный критерий допустимого поведения и делает коррупционное действие несовместимым

с образом офицера. Когда человек ориентируется на честь как на ценность, он не ограничивается страхом наказания, а соотносит свои поступки с эталонами профессиональной ответственности и нравственной порядочности.

Долг выражает обязанность действовать в интересах службы, общества и государства, даже при наличии личной выгоды от противоположного поведения. В антикоррупционном аспекте долг выполняет функцию нормативного барьера, поскольку побуждает выбирать правомерный вариант действий независимо от внешнего давления, соблазнов или неформальных ожиданий окружающих. Иначе говоря, именно долг переводит нравственную установку на уровень устойчивого поведенческого принципа.

Правосознание представляет собой систему знаний, оценок и установок по отношению к праву, законности и правоприменению. Оно обеспечивает осознание того, что коррупция не является «допустимой практикой», а выступает противоправным и социально разрушительным явлением, подрывающим доверие к государству и институтам власти. Развитое правосознание связывает личную моральную позицию с требованием соблюдения закона и формирует понимание неизбежности юридической ответственности за коррупционные действия.

Антикоррупционная устойчивость военнослужащего является результатом интеграции долга, чести и правосознания. Она выражается в устойчивой внутренней готовности отвергать коррупционные предложения, не участвовать в злоупотреблениях, не оправдывать их «служебной необходимостью» и активно поддерживать законные формы поведения. Такая позиция включает не только отказ от коррупции как формы поведения, но и оценочное неприятие коррупции как социальной нормы, что особенно важно для военной среды, где велико значение личного примера и служебной дисциплины.

Связь между указанными понятиями можно представить следующим образом: честь задаёт нравственный ориентир, долг закрепляет обязанность

следовать этому ориентиру, правосознание обеспечивает правовую осведомлённость и законопослушную интерпретацию служебных действий, а антикоррупционная позиция выступает практическим выражением их единства. При ослаблении хотя бы одного из этих компонентов возрастает вероятность оправдания коррупционных действий, снижения внутреннего самоконтроля и принятия компромиссных решений.

Таким образом, честь, долг и правосознание следует рассматривать как взаимодополняющие основания устойчивой антикоррупционной позиции личности военнослужащего. Их развитость повышает устойчивость к коррупционному давлению и формирует внутренний барьер, препятствующий вовлечению в коррупционные практики. В совокупности эти качества укрепляют служебную дисциплину и способствуют формированию профессиональной среды, ориентированной на законность, ответственность и моральную непримиримость к злоупотреблениям.

Антикоррупционная устойчивость военнослужащих представляет собой сложное личностно-профессиональное образование, которое выражается в способности сохранять верность правовым и нравственным нормам, противостоять коррупционному давлению и последовательно отвергать участие в любых формах злоупотребления служебным положением. В условиях военной службы данное качество приобретает особую значимость, поскольку оно связано не только с индивидуальной добросовестностью военнослужащего, но и с поддержанием дисциплины, управляемости, доверия внутри подразделения и, в конечном счёте, с обеспечением боеспособности и безопасности военной организации в целом. Формирование антикоррупционной устойчивости не возникает стихийно; оно является результатом длительного воздействия системы воспитания, правового обучения, антикоррупционного образования и просвещения, служебной среды и личного примера командиров. Именно сочетание этих факторов обеспечивает формирование способности будущего офицера к активному противодействию коррупции в профессиональной сфере.

С содержательной точки зрения антикоррупционная устойчивость включает несколько взаимосвязанных компонентов. Прежде всего, это правосознание, то есть осознание правовых норм, понимание противоправной сущности коррупции, знание возможных юридических последствий

и внутреннее принятие принципа верховенства закона. Кроме того, в её структуру входят нравственные установки, связанные с честностью, долгом, ответственностью и уважением к службе, а также готовность к правомерному поведению даже в ситуациях внешнего давления, соблазна или неформального ожидания со стороны окружающих. Важным элементом является и поведенческая составляющая — способность не только декларировать неприятие коррупции, но и реально избегать компрометирующих действий, не участвовать в сомнительных схемах и не оправдывать нарушения «служебной необходимостью».

Важнейшую роль в формировании антикоррупционной устойчивости играет морально-психологический климат воинского коллектива. Если в подразделении доминируют уважительные отношения, справедливость, требовательность, взаимная ответственность и осуждение любых проявлений нечестности, то у военнослужащего формируется более прочная внутренняя опора на нормы закона и служебной этики. Напротив, при наличии неформальных практик, терпимости к мелким злоупотреблениям, двойных стандартов или циничного отношения к служебным обязанностям коррупционные установки могут восприниматься как допустимые и даже «обычные». Таким образом, коллективная среда способна либо укреплять антикоррупционную позицию личности, либо, напротив, постепенно размывать её.

Существенное значение имеет и система подготовки военнослужащих, интегрирующая антикоррупционное образование (обучение и воспитание) и просвещение. Антикоррупционная подготовка военнослужащих не должна ограничиваться разовыми беседами или формальным ознакомлением

с нормативными документами. Она предполагает целенаправленное формирование правовой культуры, этической чувствительности, навыков распознавания коррупционных рисков и моделей поведения в коррупциогенных ситуациях. Особое место здесь занимает практическая подготовка, позволяющая моделировать реальные служебные эпизоды, в которых военнослужащий должен сделать выбор между личной выгодой и служебным долгом. Именно такой подход обеспечивает переход от абстрактного знания к устойчивой внутренней готовности действовать законно и принципиально.

Таким образом, антикоррупционная устойчивость военнослужащих является не просто личностным качеством, а интегральным результатом взаимодействия правового воспитания, нравственного развития, организационной культуры и профессиональной социализации. Она выступает важным условием формирования армии, ориентированной на законность, служебную честь и устойчивость к коррупционным рискам. В современных условиях значение данного качества возрастает, поскольку именно от уровня антикоррупционной устойчивости личного состава во многом зависит эффективность системы военного управления, авторитет командования и доверие общества к вооружённым силам.

Значение антикоррупционной устойчивости в военной сфере заключается в том, что она обеспечивает не только личную добросовестность военнослужащего, но и устойчивость всей системы военного управления, дисциплины и боеготовности. В условиях военного подразделения коррупция представляет особую угрозу, потому что затрагивает распределение ресурсов, кадровые решения, снабжение и исполнение приказов, а также снижает доверие к командованию. Поэтому антикоррупционная устойчивость выступает важным условием сохранения управляемости, законности и профессиональной надёжности воинского коллектива. Она непосредственно поддерживает боеготовность: если военнослужащие и

командиры ориентированы на закон, служебный долг и ответственность, снижается риск нецелевого использования ресурсов, формального исполнения обязанностей и принятия решений в личных интересах. Напротив, коррупционные практики ведут к ослаблению материального обеспечения, снижению качества подготовки, ошибкам в управлении и, как следствие, к падению эффективности выполнения служебно-боевых задач.

Антикоррупционная устойчивость укрепляет служебную дисциплину и доверие внутри воинского коллектива. В подразделениях, где сформирована нетерпимость к злоупотреблениям, у личного состава складывается уверенность в справедливости решений, прозрачности служебных процедур и равенстве требований ко всем военнослужащим. Это особенно значимо для военной организации, поскольку дисциплина и подчинение напрямую связаны с безопасностью, устойчивостью управления и исполнением приказов.

Антикоррупционная устойчивость способствует защите авторитета военной службы и доверия общества к вооружённым силам. Военная система воспринимается обществом как институт, основанный на чести, долге и ответственности, поэтому любые коррупционные нарушения наносят ущерб не только конкретному подразделению, но и престижу всей армии. Сильная антикоррупционная позиция личного состава, наоборот, демонстрирует высокие этические стандарты и профессиональную зрелость военнослужащих.

Данное качество имеет значение для профилактики служебных злоупотреблений. Оно формирует у военнослужащего внутренний барьер против искушения использовать полномочия в личных целях, принимать необоснованные решения или участвовать в неформальных схемах. Это снижает латентность правонарушений и поддерживает работу правовых и дисциплинарных механизмов в войсках.

Таким образом, антикоррупционная устойчивость военнослужащих является важнейшим условием эффективного функционирования военной

службы, поскольку обеспечивает соблюдение законности, поддержание дисциплины, сохранение боеготовности и доверия к командованию. Она препятствует злоупотреблению служебными полномочиями, укрепляет морально-психологический климат в подразделении и способствует сохранению авторитета вооружённых сил как института, основанного на чести, долге и ответственности.

Рассмотрение антикоррупционной устойчивости как интегративного качества личности имеет огромное практическое значение. Оно подтверждает, что противодействие коррупции не может ограничиваться исключительно карательными методами. Необходимо формировать целостную личность: просвещать ум (когнитивный аспект), воспитывать душу (ценности), тренировать волю и отрабатывать нравственно-правовые модели поведения. Только такой синтез создает надежный внутренний барьер, препятствующий вовлечению военнослужащего в коррупционные практики.

1.3. Процесс формирования антикоррупционного поведения в военных образовательных организациях

Моделирование процесса формирования антикоррупционного поведения в военном вузе представляет собой целенаправленную поэтапную систему педагогического воздействия на личность курсанта, ориентированную на развитие устойчивых правовых, нравственных и поведенческих установок, исключающих восприятие коррупции как допустимого способа решения служебных задач.

Процесс формирования антикоррупционного поведения в военном вузе строится на интеграции следующих компонентов:

– мотивационно-ценностного компонента (формирование устойчивых установок на честность, долг, служебную честь и неприятие коррупции как нравственно недопустимой практики);

– личностного компонента (развитие внутренней устойчивости, самоконтроля, ответственности и готовности к правомерному выбору в условиях давления или соблазна);

– когнитивного компонента (формирование знаний о правовых нормах, механизмах коррупции, её формах, последствиях и способах противодействия);

– поведенческого компонента (формирование (практическая отработка) навыков распознавания коррупциогенных и предкоррупционных ситуаций, принятия законных решений и демонстрации антикоррупционной позиции в моделируемых служебных сценариях);

– рефлексивного компонента (развитие способности к самоанализу, оценке собственных действий и корректировке поведения на основе нравственно-правовых критериев).

Такая интеграция обеспечивает переход от теоретических знаний к устойчивой внутренней готовности курсантов действовать законно и принципиально, укрепляя профессиональную идентичность будущего офицера.

Эффективность достигается за счёт участия преподавателей, командиров и органов курсантского самоуправления, интеграции антикоррупционной тематики в общую профессиональную подготовку и постоянного личного примера командного состава, что позволяет формировать у будущих офицеров не только знания, но и внутреннюю готовность к законопослушному поведению, укрепляя профессиональную идентичность, где честь, законность и ответственность выступают взаимосвязанными основаниями военной службы.

Роль дисциплинарной практики, воинских уставов и кодекса чести офицера в формировании антикоррупционного поведения военнослужащих заключается в создании системы многоуровневого регулирования, обеспечивающего переход от внешнего контроля к внутренне усвоенным нормам законопослушности и нравственной принципиальности.

Дисциплинарная практика выступает непосредственным механизмом поддержания уставного порядка, оперативного реагирования на нарушения и формирования привычки к ответственности за каждое отклонение от норм, что создаёт у военнослужащего устойчивую ассоциацию между коррупционным действием и неизбежными служебными последствиями.

Воинские уставы, как нормативная основа военной службы, чётко разграничивают допустимое и недопустимое поведение, устанавливая обязательность законопослушности, подчинения законным требованиям начальства и недопустимость использования служебного положения в личных целях, тем самым задавая объективные критерии оценки действий и исключая субъективные трактовки «служебной необходимости».

Воинские уставы предотвращают коррупцию в армии, выступая фундаментальной нормативной основой, которая устанавливает чёткие, однозначные и обязательные правила поведения, исключающие возможность произвольных трактовок служебных действий в личных интересах. Они создают систему жёстких запретов и предписаний, прямо регулирующих наиболее коррупциогенные сферы военной службы.

Во-первых, уставы чётко разграничивают полномочия на каждом уровне управления, исключая дублирование функций и субъективное распределение ресурсов. Например, Устав внутренней службы устанавливает строгие процедуры назначения, перемещения, поощрения и взыскания, делая невозможными неформальную «торговлю должностями» или «блат». Каждый кадровый или материальный вопрос должен рассматриваться в установленном порядке с обязательной документацией и контролем.

Во-вторых, уставы устанавливают принцип законности как высшую норму службы. Подчинённый обязан выполнять только законные приказы, а командир несёт ответственность за правомерность своих решений. Это исключает ситуации, когда начальник прикрывает подчинённого за «услуги» или подчинённый оправдывает нарушение «приказом сверху».

В-третьих, уставы регулируют материальное и служебное обеспечение, исключая произвол в распределении вещественного довольствия, жилья, транспорта, рабочих мест и прочих благ. Например, чёткие нормы снабжения, очерёдности предоставления отпусков и служебных помещений делают невозможным «продажу мест» или «ускорение» по знакомству.

В-четвёртых, уставы предусматривают механизмы внутреннего контроля. Регулярные проверки, рапорты, доклады и инспекции создают постоянный надзор за исполнением обязанностей. Нарушение уставного порядка само по себе является дисциплинарным проступком, что повышает ответственность за коррупционные действия.

Наконец, уставы формируют привычку к дисциплине. Ежедневное следование строгим правилам создаёт у военнослужащего устойчивую установку на законопослушность, при которой отклонение от нормы воспринимается как неприемлемое. Коррупция в такой системе становится не просто нарушением закона, а прямым пренебрежением уставом — фундаментальным документом военной службы.

Таким образом, воинские уставы обеспечивают объективную, прозрачную и контролируемую систему правил, при которой коррупционное действие требует сознательного, многократного нарушения установленных норм, что значительно усложняет его совершение и повышает вероятность выявления.

Кодекс чести офицера дополняет эти механизмы ценностно-нравственным измерением, формируя у будущего командира внутреннюю потребность в честности, беспристрастности и верности профессиональной этике, где коррупция воспринимается не только как нарушение закона, но и как предательство офицерского долга, чести и ответственности перед подчинёнными.

Взаимодействие этих элементов обеспечивает синергетический эффект: дисциплинарная практика гарантирует соблюдение норм, уставы — знание границ дозволенного, кодекс чести — моральную устойчивость; вместе они

формируют антикоррупционное поведение как неотъемлемую часть профессиональной идентичности офицера.

Антикоррупционное воспитание в армии и Росгвардии (как силовом ведомстве с военизированной структурой) имеет много общего: акцент на дисциплине, уставном порядке, коллективной ответственности и недопустимости злоупотреблений служебным положением. Оба института используют внутренние механизмы контроля, личный пример командиров и интеграцию антикоррупционных тем в профессиональную подготовку.

Но существуют и различия. Так, в Вооруженных силах РФ коррупция рассматривается как угроза боеготовности, дисциплине и национальной безопасности. Воспитание происходит через воинские уставы, кодекс офицерской чести и морально-психологическую подготовку. Акцент делается на корпоративной чести и ответственности перед товарищами. Ввиду закрытости системы действуют внутренние механизмы контроля (проверки, инспекции, офицерские собрания), а внешнее воздействие ограничено из-за секретности.

В Росгвардии (функционирующей ближе к полиции) фокус смещён на охрану общественного порядка, борьбу с экстремизмом, ОВД и лицензионно-разрешительную работу. Коррупция в Росгвардии угрожает доверию граждан и эффективности правоохранительных функций.

В Вооружённых силах РФ антикоррупционное воспитание — часть воинской дисциплины и корпоративной культуры, ориентированная на внутреннюю устойчивость коллектива. В Росгвардии оно сочетает военный порядок с полицейскими нормами подотчётности обществу, что делает акцент на индивидуальной ответственности и публичной прозрачности. Армия больше полагается на традиции и субординацию, Росгвардия — на правовые механизмы и внешний надзор.

В военных вузах России антикоррупционное образование (воспитание и обучение) курсантов реализуется в рамках государственной программы противодействия коррупции, а также приказов Минобороны РФ

и Росгвардии. Основные формы реализации: обязательные лекции, семинары, беседы с офицерами и включение тем о противодействии коррупции в программы дисциплин «Военная педагогика и психология», «Служебная этика» и «Правовая подготовка». Проводятся конкурсы, викторины, разборы кейсов из практики и инструктажи по заполнению деклараций о доходах. В учебный план интегрированы нормативные акты (Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в последней редакции); ведомственные приказы Министерства обороны РФ; приказы и распоряжения руководства Росгвардии; ФГОС ВО — федеральные государственные образовательные стандарты; Национальный план противодействия коррупции), а также положения приказов Генштаба о профилактике правонарушений.

Таблица 1.1 — Сравнительная таблица антикоррупционного обучения и воспитания в Минобороны и Росгвардии

Аспект	Минобороны	Росгвардия
Основная угроза коррупции	Боеготовность, субординация	Общественный порядок, доверие граждан
Ключевые документы	Воинские уставы, кодекс офицерской чести	Кодекс этики Росгвардии, устав внутренней службы
Методы воспитания	Коллективные собрания, уставные проверки	Тренинги, ролевые игры, внеучебная работа
Контроль	Внутренний (командование)	Внутренний + внешний (общество, прокуратура)
Ценности	Долг, честь, товарищество	Законность, ответственность перед гражданами
Специфика	Закрытая система, фокус на боевых задачах	Публичная деятельность, гражданский контакт

Антикоррупционная работа включена в годовые планы вузов, назначены ответственные должностные лица (заместитель начальника вуза по воспитательной работе). Офицеры-преподаватели проводят беседы на основе личного опыта службы.

Курсанты изучают законодательство, формы коррупции, ответственность по ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями),

290 (получение взятки), 286 (превышение должностных полномочий) УК РФ. Проводятся регулярные отчёты, проверки выполнения планов, иногда — анонимные опросы.

Основные недостатки и пробелы связаны с формализмом и поверхностным характером антикоррупционного воспитания. Лекции носят декларативный характер, без глубокого анализа причин возникновения коррупции и психологических механизмов ее развития. Отсутствует практическая отработка навыков поведения в коррупциогенных и предкоррупционных ситуациях (ролевые игры, кейсы). Применяется единый подход ко всем курсантам, без диагностики уровня правосознания, моральных установок или склонности к нарушениям. Не проводится работа с группами риска (курсанты из неблагополучных семей, с низкой мотивацией).

Курсантам дают знания о законах, но не учат распознавать давление, отказывать начальнику или сообщать о нарушениях. Отсутствует моделирование реальных служебных ситуаций (например, «командир предлагает «решить вопрос» за услугу»). Антикоррупционные темы подаются отдельно, а не через призму офицерской службы (например, анализ коррупции как угрозы боеготовности). Нет связи с уставной дисциплиной и кодексом офицерской чести. Нет критериев оценки сформированности антикоррупционной позиции (опросы носят формальный характер). Нет мониторинга изменений установок курсантов в процессе обучения.

Таким образом, текущая практика обеспечивает базовый уровень правовых знаний, но не формирует устойчивой антикоррупционной позиции. Нужен переход от формального информирования к глубокому воспитанию через практику, личный пример и постоянный контроль.

Необходимо внедрить диагностику исходного уровня правосознания и моральных установок (анкетирование, тестирование).

Реализовать практическую отработку: ролевые игры, бизнес-кейсы, моделирование ситуаций «давления командира», «предложения взятки».

Анализировать коррупционные ситуации через призму устава, офицерской чести и боеготовности, а также развивать условия для предотвращения возникновения коррупционных деяний.

Регулярно проводить работу с личным составом преподавателей: повышать их компетентность в вопросах психологии коррупции и механизмов её развития.

Таблица 1.2 — Сводная таблица выявленных пробелов в антикоррупционном обучении и воспитании курсантов

Наличествует	Дефицит
Лекции о законах	Навыки отказа в коррупциогенных ситуациях
Викторины, конкурсы	Диагностика склонности к нарушениям
Инструктажи	Моделирование реальных служебных кейсов
Отчёты о работе	Оценка изменений установок курсантов
Приказы сверху	Личный пример офицеров-преподавателей

Проводить мониторинг эффективности воспитательных антикоррупционных мероприятий, антикоррупционных образовательных программ (курсы, рабочие программы, учебные модули) через повторное тестирование курсантов, анализ изменений установок.

1.4. Критерии, показатели и уровни сформированности антикоррупционного поведения

Формирование антикоррупционного поведения — сложный процесс, который обычно рассматривается в педагогике, психологии и социологии через систему критериев, показателей и уровней (степени развития качества).

Анализ исследований Н.В. Коршуновой [115, 69] и соавторов (В.К. Довгяло, М.А. Винокуровой) позволяет заключить, что генезис антикоррупционного поведения субъектов образовательного процесса

неразрывно связан с институционализацией антикоррупционных стандартов и развитием правовой культуры академического сообщества. В рамках данной концептуальной модели поведенческий паттерн субъекта (педагога, обучающегося) структурируется совокупностью взаимодополняющих элементов:

Нормативно-правовой элемент, отражающий уровень когнитивно-правовой грамотности актора и детерминирующий неукоснительное следование системе установленных антикоррупционным законодательством запретов, ограничений и обязанностей (в частности, превентивным мерам, закрепленным в ст. 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Этико-деонтологический компонент, базирующийся на интериоризации принципов профессионального долга и норм академической честности;

он предписывает безусловное исполнение положений кодексов профессиональной этики, нивелируя риски проявления фаворитизма, непотизма и субъективизма в контрольно-оценочных процедурах.

Процедурно-регулятивный элемент, характеризующий готовность и способность субъекта к практической реализации нормативно заданных алгоритмов действий в условиях коррупциогенных рисков (включая процедуру предупреждения и урегулирования конфликта интересов, а также соблюдение регламента уведомления уполномоченных лиц о фактах склонения к противоправным деяниям).

Правовоспитательный (трансляционный) элемент, выражающийся в активной субъектной позиции по культивированию атмосферы нулевой толерантности к любым формам коррупции в образовательной среде и формированию уважения к правовым институтам посредством педагогического дискурса.

Чаще всего в научных работах выделяют три основных критерия, которые охватывают знания, ценности и реальные действия человека.

1. Когнитивный (информационно-познавательный) критерий, который отражает полноту и глубину знаний человека о социально-правовом явлении — коррупции — и способах противодействия ей.

2. Мотивационно-ценностный (аксиологический) критерий, который отражает внутреннее отношение личности к коррупции, моральные установки и принципы.

3. Поведенческо-деятельностный (практический) критерий, который отражает готовность и способность человека действовать в соответствии со своими антикоррупционными убеждениями в реальных ситуациях.

Хотя классическая триада (когнитивный, мотивационно-ценностный и поведенческий компоненты) является базовой, многие отечественные исследователи в области педагогики, психологии и криминологии расширяют структуру антикоррупционного поведения. Они доказывают, что для реального противостояния коррупции одних знаний и ценностей недостаточно — нужны воля, эмоции, умение общаться и анализировать себя.

Ниже представлена классическая научно обоснованная структура оценки сформированности антикоррупционного поведения личности.

В отечественных диссертационных исследованиях и монографиях сформировалась общепринятая четырехкомпонентная структура антикоррупционного поведения личности (обучающегося, специалиста, должностного лица), включающая когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой и деятельностно-поведенческий блоки.

А.Р. Хамдеев, Е.М. Ибрагимова определяют когнитивный компонент как информационный базис культуры субъекта, формирующий систему понятий о сущности и деструктивности коррупции, а также механизмах её преодоления [84].

С.В. Трифанцов выделяет когнитивный критерий как объем правовых знаний и умение распознавать коррупциогенные факторы [177].

Мотивационно-ценностный компонент В. В. Киселев рассматривает как ядро антикоррупционной направленности, объединяющее систему просоциальных мотивов, ориентацию на честный труд и отказ от манипулятивных стратегий обогащения [101].

О.В. Ванновская относит ценностно-смысловой уровень к главному барьеру антикоррупционной устойчивости личности, блокирующему соблазн незаконной выгоды [44].

О.В. Ванновская подробно раскрывает регулятивно-волевой компонент в концепции антикоррупционной устойчивости: способность личности к автономии от влияния коррупциогенной среды и волевой регуляции поведения [44].

В.В. Киселев доказывает, что сформированность эмоционально-волевой саморегуляции определяет способность субъекта сознательно противостоять стрессу и искушению в коррупциогенной обстановке [101].

М.А. Винокурова, Н.В. Коршунова [50] обосновывают институциональный и поведенческий стандарт: антикоррупционное поведение реализуется через соблюдение локальных нормативных актов, кодексов этики и строгое исполнение алгоритмов урегулирования конфликта интересов.

С.Л. Алексеев, Ю.С. Сергеева, Р.Н. Шайдуллин [10] связывают этот компонент с освоением кейс-технологий и практических моделей правомерных действий в вузовской среде.

Ниже приведены другие важные компоненты, которые выделяли ученые в своих исследованиях.

Необходимость включения оценочно-рефлексивного (контрольно-оценочного) компонента в структуру исследуемого процесса научно обоснована в фундаментальных трудах В.А. Сластенина, Ю.К. Бабанского и А.К. Марковой, где рефлексия и самооценка рассматриваются как ключевой механизм поддержания обратной связи и коррекции субъектного опыта.

В.А. Сластенин [162] обосновал необходимость выделения контрольно-оценочного (рефлексивного) компонента в структуре педагогической деятельности, обеспечивающего анализ хода процесса, обратную связь и оценку результатов.

А.К. Маркова [125] (психолого-педагогический подход) обосновала рефлексивно-оценочные действия как обязательный элемент структуры профессиональной компетентности и регуляции поведения.

Включение социально-коммуникативного компонента в структуру антикоррупционного поведения опирается на положения компетентностного подхода (И.А. Зимняя [79]), а также на исследования Э.Э. Сыманюк, А.А. Печеркиной и Е.А. Шумиловой [171], где социально-коммуникативные умения, готовность к диалогу и конструктивному взаимодействию рассматриваются как неотъемлемый фактор успешной профессиональной и личностной реализации.

Нормативно-правовой компонент в системе противодействия коррупции опирается на труды и концепции ведущих российских криминологов П.А. Кабанова и И.И. Бикеева. Нормативно-правовой компонент включает не просто понимание, что «коррупция — это плохо», а четкое владение правовым инструментарием. Это сформированное правосознание, умение составлять жалобы, заявления, понимание разницы между статьями УК РФ (коммерческий подкуп, дача/получение взятки, посредничество), знание регламентов работы госслужащих [29; 90; 91; 89].

Интенциональный (установочный) компонент, опирающийся на теорию установок Д.Н. Узнадзе, в контексте коррупции разрабатывается психологами А.Л. Журавлевым и А.В. Юревичем. Этот компонент находится между ценностями и реальным поведением как готовность действовать. Он включает предрасположенность личности к определенной реакции в коррупциогенной ситуации еще до того, как эта ситуация наступила. Если установка сформирована, человек не тратит время на раздумья, его психика уже настроена на законный вариант решения проблемы [73; 74].

На основе проявления описанных выше критериев выделяют три уровня сформированности (от низшего к высшему).

Уровни сформированности антикоррупционного поведения классифицируют как оптимальный (высокая устойчивость), допустимый (средний) и критический (низкий).

Таблица 1.2 — Уровни сформированности антикоррупционного поведения

Уровни	Знания	Ценности	Поведение
Низкий (критический) уровень	Поверхностные, фрагментарные. Человек не разбирается в законах и не понимает реального вреда коррупции.	Толерантное или равнодушное отношение к коррупции. Человек считает ее нормой жизни, неизбежным злом или даже удобным инструментом для решения личных проблем.	В коррупциогенной ситуации легко поддается давлению или сам выступает инициатором взятки. Не готов отстаивать свои права законным путем.
Средний (допустимый) уровень	Базовые ценности, человек знает, что коррупция — это преступление, осведомлен об ответственности.	В теории осуждает коррупцию, признает важность честности. Однако допускает «двойные стандарты».	Старается действовать по закону, но в критической ситуации может пойти на коррупционный компромисс. Сам не участвует в коррупционных деяниях (взятки не предлагает), но факты коррупционных деяний/ правонарушений третьих лиц, замалчивает, так как «не хочет проблем».

Высокий (оптимальный) уровень	Глубокие и системные. Отличное знание законов, своих прав и алгоритмов действий при столкновении с коррупцией.	Стойкое, принципиальное отторжение коррупции при любых обстоятельствах. Ярко выраженная гражданская ответственность и развитое правосознание.	Строгое соблюдение законов. Способность уверенно противостоять вымогательству. Человек готов активно действовать: сообщать в компетентные органы, привлекать внимание общественности, защищать свои права исключительно в правовом поле.

Выводы по 1-й главе

С психолого-педагогической точки зрения коррупция — это системная нравственно-психологическая деформация личности, выражающаяся в подмене общественных ценностей корыстными мотивами, а также следствие дефектов правового и морального воспитания.

Теоретический анализ показал, что антикоррупционное поведение курсанта Росгвардии представляет собой сложное личностное образование, ядром которого выступает нравственно-ценностная позиция («внутренний стержень»). Специфика задач войск национальной гвардии (лицензионно-разрешительная работа, охрана порядка) создает уникальное поле коррупционных рисков, требующее особой методики подготовки.

Основываясь на компетентностном и аксиологическом подходах, мы определили, что процесс формирования антикоррупционной устойчивости должен включать не только правовое просвещение, но и активные формы обучения (тренинги, решение ситуационных задач), направленные на выработку навыков противодействия коррупционному давлению в реальных условиях службы.

Антикоррупционное поведение — это осознанная и целенаправленная активность личности, базирующаяся на правовой грамотности и твердых

этических установках, которая выражается в практическом противодействии коррупции в рамках существующих организационных условий и сопровождается постоянной критической оценкой собственных действий и решений.

Антикоррупционное поведение — сложная поведенческая модель субъекта, представляющая собой единство: нетерпимости к злоупотреблениям властью и высоких моральных идеалов; личностной психологической устойчивости; понимания правовых норм и механизмов; активного правомерного действия (или бездействия) по недопущению коррупции; опирающегося на легальные инструменты и процедуры внутри организации; с обязательным последующим анализом эффективности и этичности собственных поступков.

Таким образом, антикоррупционное поведение курсантов военных образовательных организаций в авторской трактовке рассматривается не как пассивное соблюдение запретов, а как проактивная, этически обусловленная и интеллектуально обеспеченная позиция личности, реализуемая в конкретной институциональной среде и непрерывно совершенствуемая через саморефлексию.

Особенности военной службы — жёсткая иерархия, закрытость системы и принцип единоначалия — выступают значимыми факторами риска коррупционного поведения, поскольку усиливают зависимость подчинённых от командиров, снижают прозрачность управленческих процессов и концентрируют власть в руках должностных лиц, создавая условия для злоупотребления служебными полномочиями.

ГЛАВА 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ

2.1. Потенциал гуманитарных дисциплин и его реализация в процессе формирования антикоррупционного поведения курсантов

Борьба с коррупцией исключительно силовыми и карательными методами — это борьба с последствиями. Профилактика коррупции направлена на устранение причин, которые кроются в человеческом сознании, культуре и социальных нормах.

«Научные дисциплины различаются по объекту, предмету и методам исследования, однако их задачи могут пересекаться — например, социология, психология и политология изучают причины и факторы распространения коррупции. При этом одни науки могут выступать вспомогательными по отношению к другим» [40, с. 55].

Дисциплины гуманитарного цикла — психология, педагогика, история и др. — обладают значительным превентивным потенциалом в сфере формирования антикоррупционного поведения. Их изучение содействует развитию соответствующего мировоззрения, правовой культуры, а также закреплению отрицательного отношения к коррупции как к социально и морально неприемлемому явлению. Воздействуя на когнитивные, ценностно-мотивационные и поведенческо-волевые компоненты личности, данные дисциплины стимулируют мотивацию к этичному поведению, повышают правовую грамотность и интегрируют знания о последствиях коррупции, что в совокупности укрепляет гражданскую позицию и профессиональную ответственность будущих офицеров.

Обществознание закладывает фундамент правовой грамотности и гражданского самосознания. Главная задача дисциплины в контексте профилактики — преодолеть правовой нигилизм (неуважение к закону)

и политическую отчужденность. В рамках дисциплины разбираются понятия гражданской ответственности и неотвратимости наказания, показывается, что общество имеет легальные рычаги влияния на власть — независимые СМИ, общественные организации, петиции, выборы. У обучающихся формируется убеждение: «Я способен повлиять на ситуацию правовыми методами».

В курсе «Психология» формируется внутренний стержень человека, разбираются мотивы поведения человека. Психология помогает перевести человека с низшего уровня морали («не беру взятку, потому что боюсь тюрьмы») на высший («не беру, потому что это противоречит моим внутренним принципам справедливости»). Коррупционные практики (деяния) часто питаются стадным инстинктом («все несут врачу конфеты, деньги, и я понесу»). Психология учит критическому мышлению, самостоятельности и умению противостоять давлению группы. Психологические тренинги позволяют отработать навыки коммуникации: как уверенно, без агрессии, но твердо сказать «нет» на предложение дать или взять взятку. Это напрямую формирует социально-коммуникативный и эмоционально-волевой компоненты поведения.

Психология вскрывает механизмы самооправдания коррупционеров («это не взятка, а благодарность», «от меня ничего не зависит», «у меня зарплата маленькая, мне можно»). Понимание этих ловушек мышления защищает личность от сделок с совестью.

Педагогика отвечает на вопрос, как именно транслировать антикоррупционные ценности, чтобы они стали частью личности (интериоризировались), а не остались просто заученными фразами для экзамена. Обычная лекция «Коррупция — это плохо» не работает. Педагогика предлагает кейс-методы, ролевые игры (например, симуляцию суда над коррупционером), дебаты и проектную деятельность. Это вовлекает курсанта эмоционально. Среда воспитывает сильнее слов. Если в учебном заведении процветают списывание, любимчики, блат, продажа оценок или

принудительные «поборы» на ремонт — никакие уроки о вреде коррупции не сработают. Педагогика требует создания прозрачной, справедливой и демократичной образовательной среды.

Через изучение литературы и истории, через воспитательные часы педагогика прививает понятия чести, долга, справедливости, патриотизма.

Педагогика разрабатывает методы работы с родителями, так как именно в семье часто закладываются первые бытовые коррупционные установки («нужно занести шоколадку, чтобы лучше относились»).

Интеграция антикоррупционной проблематики в гуманитарные дисциплины — это один из самых эффективных и глубоких способов профилактики. Сухие законы и кодексы часто не вызывают эмоционального отклика. Гуманитарные же науки позволяют пропустить проблему через чувства, эмпатию и личностный выбор.

Включение антикоррупционных тем через моральные дилеммы позволяет уйти от скучных нотаций «взятка - это плохо» и перевести процесс обучения в режим активного размышления, где нет простых ответов.

Интеграция антикоррупционной проблематики в существующие образовательные программы предполагает включение соответствующих тем в содержание дисциплин гуманитарного и профессионального циклов:

- в курсе этики — через изучение этических дилемм (например, конфликт профессионального долга и личной выгоды);
- в курсе истории — через анализ исторических примеров коррупционных скандалов и мер противодействия им в различные эпохи;
- в курсе литературы — через разбор художественных произведений, отражающих моральные конфликты.

Данный подход обеспечивает междисциплинарную связь правовых, исторических и философских концепций, формируя у обучающихся целостное представление о социальной природе и моральной недопустимости коррупции, а также способствуя укреплению антикоррупционной культуры.

Литературные произведения раскрывают коррупцию не только как правонарушение, но и как духовную болезнь, разрушающую личность и общество [143].

Так описание коррупционной среды и взяточничества встречаем в произведениях:

– «Повесть о Шемякином суде» (XVII век);

– В.В. Капнист «Ябеда» (1798);

– А.С Грибоедов, «Горе от ума»;

– И.А. Крылов басни «Лисица и сурок», «Рыльце в пуху»;

– Н.В. Гоголя «Ревизор», «Мертвые души»;

– А. Н. Островского «Доходное место», «Волки и овцы», «Гроза», «Бешеные деньги»;

– М.Е. Щедрин «История одного города», «Помпадуры и помпадурши», сказки «Медведь на воеводстве», «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»;

– А.П. Чехов «Справка», «Совет», «Единственное средство»;

– А.С. Пушкин «Дубровский»

– Н.А. Некрасов «Размышления у парадного подъезда» и др.

Русская литература не просто фиксировала факты взяточничества, но и анализировала его как систему, глубоко укоренённую в государственном аппарате и общественной психологии. От сатиры XVII века до чеховских рассказов прослеживается эволюция темы, от изображения отдельных «злодеев» до понимания того, что коррупция — это порочная система, где честный человек обречён на нищету, а мздоимец — на общественное порицание, но не на наказание.

Можно также предложить курсантам дискуссии в исторических контекстах:

– В Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.) впервые появляется термин «посул» как незаконное вознаграждение за осуществление властных полномочий. Иван III и Судебник 1497 года заложил основы

централизованного правосудия. За умышленное неправосудие за взятку (получение «посула») виновный должен был возместить истцу сумму иска в двойном размере и понести наказание по усмотрению государя. Эволюция понятия: как то, что было традицией, стало преступлением?

– эпоха Петра I и Александра Меншикова. При Петре I за коррупцию были казнены сибирский губернатор Матвей Гагарин (повешен) и обер-фискал Алексей Нестеров (четвертован). Ирония в том, что Нестеров сам занимался борьбой с коррупцией и изобличил Гагарина, но при этом брал взятки. Дилемма Петра Великого: лучший друг и гениальный сотрудник пойман на крупном воровстве из казны. Казнить или простить. Что делать?

– Канцлер Бестужев-Рюмин получал 7 тысяч рублей в год за службу империи, но 12 тысяч — от британской короны в качестве «агента влияния». В 1915–1916 гг. контрразведка вскрыла крупные коррупционные преступления в Земгоре (Земском союзе) и военно-промышленных комитетах, связанные с поставками для армии. Близкие ко двору люди, такие как Г.Е. Распутин и А.А. Вырубова, были замешаны в финансовых махинациях. В 1995–1996 годах федеральный центр направил 57 млрд неденоминированных рублей на восстановление экономики Чечни, но эти средства были расхищены. Бывший мэр Грозного был приговорён к 6 годам за хищение бюджетных средств. В 1994 году правительство обвиняло в падении рубля «спекулянтов», однако, по данным СМИ, само получало от спекуляций от 400 до 500 млн в день. Можно ли победить коррупцию только страхом и массовыми казнями чиновников (как это делали в разные эпохи)?

Историческая ретроспектива показывает, что коррупция видоизменялась вместе с государством, но неизменно оставалась одной из самых острых и трудноразрешимых его проблем.

В рамках учебных модулей и программ по этике и философии формируется теоретический каркас понятий добра и зла. Этика дает инструменты для нравственного анализа. На уроках этики курсанты могут

анализировать коррупционные ситуации через разные философские концепты.

Антикоррупционные квесты, дебаты и хакатоны, через геймификацию позволяют моделировать коррупциогенные ситуации. На хакатонах курсанты могут разрабатывать приложения для анонимного информирования о поборах или алгоритмы выявления плагиата.

Совместный просмотр и разбор фильмов, в которых коррупция показана как сложный внутренний процесс выбора. Например:

- «Майор»[7] (2013, реж. Юрий Быков);
- «Левиафан»[8] (2014, реж. Андрей Звягинцев);
- «Один настоящий день»[9] (Россия – 2023);
- «Проклятый чиновник»[10] (Россия – 2025) и др.;
- «Тренировочный день»[11] (2001 – США).

Таким образом, интеграция антикоррупционной составляющей в гуманитарные курсы работает как моральная вакцинация, в ходе которых курсант заранее формирует свою аксиологическую (ценностную) позицию. И когда с подобным выбором он столкнется в реальной жизни, у него уже будет выработан «иммунитет» и алгоритм правильного нравственного решения.

Исследования подтверждают эффективность гуманитарного образования в профилактике коррупции через формирование антикоррупционной культуры, компетентности и ценностных установок. Эмпирические данные показывают положительную динамику в уровнях

---

[7] История полицейского, который пытается замять случайное убийство, чтобы спасти свою карьеру. Фильм показывает, как коррупция и круговая порука внутри правоохранительных органов ломают человека изнутри

[8] История простого человека, у которого продажные власти отнимают дом и землю.

[9] История о следователе, который привык к компромиссам. Приказ фальсифицировать дело становится для него последней каплей

[10] Комедия. Жуликоватого чиновника проклинает бабушка, и он теряет способность брать взятки накануне получения самой крупной в жизни

[11] История молодого полицейского, который проходит первый день службы под началом коррумпированного и жестокого наставника. Коррупция здесь — это не просто деньги, а полная моральная деградация.

осведомленности и устойчивости к коррупции среди студентов после внедрения таких программ.

Эффективность оценивается по следующим критериям: мотивационному (установки), эмоциональному (стрессоустойчивость), когнитивному (знания) и деятельностному (поведение). В диссертации Д.М. Вахитова (2024) [46] педагогическая модель для курсантов показала значительный рост антикоррупционной компетентности в экспериментальной группе. При этом Д.М. Вахитов отметил, что «необходимо устранить и расширить спектр навыков будущих офицеров в области противодействия коррупции» [46, с. 56; 43].

Гуманитарное образование обеспечивает долгосрочную профилактику, формируя устойчивый «антикоррупционный иммунитет» у студентов и служащих, в отличие от чисто юридических мер. Оно повышает гражданскую активность и готовность сообщать о нарушениях, усиливая общественный контроль.

Военная образовательная организация — это последний и самый важный этап социализации курсанта перед выходом в профессиональную среду. Именно в высшей школе формируется будущая офицерская элита. Если курсант в вузе привыкает «покупать» зачеты или скачивать курсовые, он переносит эту модель поведения во взрослую жизнь. Коррупция в вузе страшна не самими взятками, а выпуском некомпетентных специалистов. Поэтому антикоррупционное воспитание в высшей школе выполняет две глобальные задачи: повышает правовую культуру (формирует внутренний стержень) и снижает институциональные риски (создает среду, где дать взятку невозможно физически).

Современный подход строится на двух мощных опорах: просветительских мерах (работа с сознанием) и цифровизации (работа с системой).

Правовая культура курсанта — это не просто знание статей УК РФ. Это уважение к закону и умение защищать свои права легальными способами.

Курсантам часто кажется, что «закон — что дышло», а все проблемы решаются через связи. Задача вуза — доказать обратное, показав неотвратимость наказания и ценность честной конкуренции.

Правовая культура тесно связана с кодексами чести. Будущий офицер, военный юрист или психолог должен понимать, что коррупция — это предательство профессии. Риск коррупции на будущих рабочих местах снижается, если курсант усвоил принцип: «Моя репутация стоит дороже любой взятки».

Никакие лекции о морали не сработают, если система позволяет легко «договориться». Цифровизация устраняет главную причину коррупции — человеческий фактор и закрытость процессов. Умная IT-инфраструктура вуза делает коррупцию технически невозможной. Если все лекции, задания и дедлайны фиксируются в системе, преподаватель не может сказать: «Ты мне ничего не сдавал», а студент не может принести курсовую задним числом. Все оценки прозрачны и оставляют цифровой след.

Во время онлайн-экзаменов система (или независимый проктор) следит за взглядом студента, шумами и экраном, исключая списывание. А при «слепом» оценивании письменных работ преподаватель проверяет зашифрованные файлы, не зная фамилии курсанта. Это исключает предвзятость, наличие «любимчиков» и возможность заплатить за оценку.

Необходимо создание защищенных электронных сервисов или чат-ботов на портале вуза, куда курсант может анонимно отправить аудиозапись или скриншот переписки, если преподаватель вымогает взятку или навязывает покупку своей монографии ради зачета.

Формирование антикоррупционного поведения (антикоррупционной грамотности и воспитания) в военной образовательной организации достигает максимального эффекта только тогда, когда антикоррупционное образование (обучение, воспитание, просвещение и цифровая антикоррупционная среда вуза, а также использование действующих методов

цифровых технологий — цифровизации) работает комплексно, системно и синхронно.

Данный антикоррупционный комплекс формирует внутренний запрет: «Я не хочу давать взятку, потому что я уважаю себя, свою профессию и закон». Цифровизация формирует внешний барьер: «Я не могу дать взятку, потому что система прозрачна, и это сразу станет известно».

Такая синергия обеспечивает выпуск из вуза офицеров с высокой правовой культурой, готовых трансформировать государственные и бизнес-структуры на принципах честности.

2.2. Интерактивные педагогические технологии формирования антикоррупционного иммунитета

Интерактивные педагогические технологии считаются одним из самых результативных инструментов формирования антикоррупционного поведения, потому что переводят антикоррупционные знания в личный опыт, решение задач и поведенческий выбор. В исследованиях чаще всего выделяют деловые игры, кейс-метод, дискуссии, брейншторминг, фасилитационные сессии и ролевое моделирование.

Авторы методических материалов и исследований отмечают, что антикоррупционное поведение формируется не через лекции, а через активное обсуждение реальных жизненных ситуаций, анализ причин и последствий коррупционного поведения. Именно поэтому в программах рекомендуют использовать кейсы, разбор судебных материалов, дискуссии и групповые формы работы.

Ниже представлены самые эффективные форматы.

1. Симуляционные и ролевые технологии (проживание опыта). Эти методы затрагивают эмоционально-волевой компонент. Они учат справляться со стрессом, страхом и социальным давлением.

Приведем некоторые примеры.

Технология «Антикоррупционное айкидо» (тренинг ассертивности).

Задача заключается в отработке речевых модулей и поведения при столкновении с вымогательством. Курсанты разбиваются на пары. Один играет роль начальника/преподавателя/чиновника, который «мягко», но настойчиво склоняет к коррупционному действию («Ну, ты же понимаешь, надо отблагодарить комиссию...», «Подпиши акт приемки, иначе лишу премии»). Задача второго — используя техники уверенного отказа (без агрессии, ссылаясь на закон, регламент или личные принципы), выйти из ситуации. Данная технология снимает страх перед статусом вымогателя. Человек получает готовый речевой шаблон на случай реальной угрозы.

Технология «Имитационные суды». Ее задача — в реконструкции судебного заседания по реальному (или литературному) коррупционному делу. Распределяются роли: обвиняемый чиновник, прокурор, адвокат, свидетели, присяжные. Адвокат должен найти аргументы для защиты (система виновата, маленькая зарплата, шантаж), а прокурор — разбить их. Присяжные (остальная группа) выносят вердикт. Технология наглядно демонстрирует принцип неотвратимости наказания и понимание того, как жалко звучат оправдания коррупционера в суде.

2. Аналитические технологии (тренировка критического мышления). Эти технологии направлены на когнитивный компонент. Они развивают умение распознавать скрытую коррупцию (конфликт интересов, кумовство, откаты), которая часто маскируется под «дружбу» или «подарок».

Приведем некоторые примеры.

Метод «Серых кейсов». Ставится задача проанализировать ситуацию, где нет очевидного нарушения УК РФ, но есть этическая ловушка. Пример кейса: вы — молодой хирург. К вам в отделение устраивается на работу сын главврача. Он некомпетентен, и вы видите, что он совершает ошибки, опасные для пациентов. Главврач намекает, что если вы будете его прикрывать, то получите повышение. Ваши действия? В процессе

реализации данной технологии происходит разрушение иллюзии, что коррупция — это только передача конверта с деньгами, и вырабатывается навык анализа последствий.

Технология «Аквариум» (разбор моральных дилемм). 4–5 курсантов садятся в центр аудитории («в аквариум») и вслух обсуждают сложную дилемму, пытаясь прийти к консенсусу. Остальная группа молча наблюдает за их логикой, фиксируя, в какой момент участники пошли на сделку с совестью. Затем роли меняются.

3. Дискуссионные технологии (трансформация ценностей) направлены на разрушение стереотипов и когнитивных искажений («все воруют», «в России по-другому нельзя»).

Приведем некоторые примеры.

Дебаты в формате Карла Поппера. Это строго регламентированный спор двух команд. Преподаватель дает провокационный тезис (например: «Коррупция в развивающихся странах полезна, так как ускоряет бюрократические процессы»). Команды тянут жребий. Самое ценное — когда идейному противнику коррупции выпадает защищать этот тезис. Поиск аргументов «за» заставляет глубоко изучить механику проблемы и осознать слабость этих оправданий.

Технология «Мировое кафе» — это мозговой штурм в неформальной обстановке. Аудитория делится на несколько «столиков», за каждым обсуждается конкретный вопрос (например, «Как искоренить списывание в нашем вузе?» или «Что делать, если инспектор ДПС просит взятку?»). Участники перемещаются от стола к столу, дополняя идеи предыдущих групп.

4. Проектные и креативные технологии (проактивная позиция) переводят курсанта из позиции критика в позицию творца институциональных правил.

Приведем некоторые примеры.

Форсайт-сессии проектируют будущее. Курсантам предлагается спроектировать «Город без коррупции 2050» или «Идеальный университет». Они должны разработать системы комплаенса, цифрового контроля, мотивации чиновников/преподавателей, которые сделают коррупцию невозможной. В ходе реализации данной технологии происходит понимание того, что коррупция побеждается не только тюрьмами, но и умным дизайном системы управления (цифровизацией, прозрачностью, достойной оплатой труда).

Создание социального медиаконтента. Курсантам дается задание разработать сценарий вирусного антикоррупционного ролика, серию мемов, инфографику для соцсетей или плакат. Таким образом происходит перевод сложных юридических концепций на язык молодежи. Тот, кто создал классный антикоррупционный продукт, уже психологически не сможет сам стать коррупционером (возникнет когнитивный диссонанс).

Важнейшим условием реализации вышеперечисленных технологий является дебрифинг (рефлексия). Сама по себе игра или кейс — это лишь 30% успеха. 70% успеха формирования антикоррупционного поведения закладывается на этапе дебрифинга — подробного разбора полетов после окончания интерактива.

Преподаватель (выступая как фасилитатор[12]) должен задать вопросы: что вы чувствовали, когда на вас давили в ролевой игре? (осознание эмоций); почему вы согласились/отказались пойти на компромисс? (анализ мотивов); как этот опыт поможет вам в реальной профессии? (перенос навыка в жизнь).

Интерактивные технологии превращают антикоррупционные знания из абстрактных в поведенческий рефлекс. Курсант, прошедший через симуляцию вымогательства, дебаты и защиту антикоррупционного проекта, выходит в жизнь с мощной психологической «прививкой» и четким алгоритмом действий.

---

[12] помогает налаживать и регулировать коллективные обсуждения.

2.3. Коллективистские взаимоотношения как компонент антикоррупционной среды

Курсантское самоуправление и коллектив играют ключевую роль в создании антикоррупционной среды в военных образовательных учреждениях, обеспечивая внутренний контроль, сплочение и практическое воспитание этических норм. Они формируют атмосферу нулевой толерантности к коррупции через совместную ответственность и социальное давление в пользу честности.

Курсантское самоуправление выполняет регулятивно-поведенческие, управленческо-воспитательные и профессионально-ориентационные функции: оно стимулирует самовоспитание, отслеживает нарушения и организует мероприятия по профилактике. В моделях формирования антикоррупционной компетентности самоуправление интегрируется в воспитательный модуль, включая коллективные акции и обмен информацией о рисках.

Главная роль самоуправления заключается в создании среды, где коррупция становится не просто противозаконной, но и социально неприемлемой, постыдной и технически невозможной.

Рассмотрим подробно, как именно коллектив и самоуправление формируют эту среду.

Коллектив формирует негласные правила игры. В социологии есть понятие «спираль молчания»: если честному человеку кажется, что все вокруг дают взятки и считают это нормой, он будет молчать и подстраиваться. Задача здорового коллектива — сломать эту спираль с помощью социальной стигматизации[13] (осуждения) коррупции.

[13] Стигматизация — это формирование негативного отношения к отдельному человеку или группе людей на основании каких-то психологических, физических, интеллектуальных и других особенностей. Процесс ведет к социальному неодобрению.

В токсичной среде курсант, «купивший» сложный экзамен, воспринимается как герой («молодец, выкрутился»). В здоровой антикоррупционной среде такой поступок вызывает брезгливость, остракизм и воспринимается как кража чужого успеха. Главное оружие коллектива — это институт репутации.

В коррумпированных коллективах действует принцип ложной солидарности: «мы своих не сдаем» (даже если «свой» — взяточник). Здоровый коллектив трансформирует это правило в другое: «мы не терпим тех, кто паразитирует на нашем труде». Коллектив устанавливает тренд на честный труд. Когда списывание, плагиат и шпаргалки презираются самими курсантами, потребность в покупке оценок или должностей отпадает на базовом уровне.

Коллектив создает антикоррупционную культуру через сплочение на основе общих ценностей — честности и профессионализма, устраняя конфликты и негативные настроения на ранних стадиях. Успех зависит от лидерства: когда старшие курсанты и командиры подают пример, коллектив формирует неприятие коррупции и коррупционного поведения и готовность требовать соблюдения норм от всех.

Самоуправление организует аудиторные и внеаудиторные формы: дебаты, мониторинг среды, отчеты о рисках.

Коллектив усиливает эффект через групповое воздействие: поощрение этичного поведения и изоляцию нарушителей.

В экспериментах (например, в военных институтах) это повышает компетентность на 20–30% по мотивационным и деятельностным критериям.

Если коллектив создает атмосферу, то органы самоуправления (советы молодых ученых, профсоюзы и др.) дают этой атмосфере реальную власть и легальные инструменты. Самоуправление выступает буфером и защитником между рядовым участником и административной машиной.

Коррупция возникает там, где один человек единолично принимает решения о дефицитных ресурсах. Курсантское самоуправление забирает эту

монополию. Когда решения о повышенных стипендиях, путевках или грантах принимаются коллегиально (с обязательным участием представителей актива курсантов), возможность деканата или ректората «продать» эти блага сводится к нулю.

Курсанту-одиночке очень страшно заявить на коррумпированного преподавателя или офицера — он боится отчисления или травли. Орган самоуправления берет удар на себя. Он может выступать анонимным агрегатором жалоб, проводить независимые опросы о качестве преподавания и официально выносить проблему на уровень ректора или правоохранительных органов от лица всех курсантов.

Представители самоуправления должны входить в дисциплинарные комиссии с правом решающего голоса. Суд «равных над равными» (когда курсанта за плагиат или попытку дать взятку отчисляют при поддержке самих курсантов) имеет колоссальный воспитательный эффект. Это воспринимается не как кара администрации, а как отторжение самим коллективом.

Помимо утилитарных функций контроля, самоуправление имеет мощнейший педагогический потенциал для самих его участников.

Когда человек сам участвует в написании правил (например, разрабатывает Этический кодекс курсанта) и сам следит за их исполнением, у него пропадает желание их нарушать. Формируется чувство хозяина. Человек понимает: «Это мой вуз, и я не позволю здесь воровать».

Кодексы чести курсантов и суды чести служат ключевыми механизмами внутреннего контроля и этического воспитания в военных учебных заведениях, способствуя созданию антикоррупционной среды через коллективную ответственность. Они фиксируют нормы поведения, исключающие коррупцию, и обеспечивают публичное обсуждение нарушений.

Кодексы представляют собой добровольные документы, принятые курсантскими сообществами, с правилами вроде добросовестного обучения,

отказа от взяток, уважения к коллегам и запрета на нецензурную брань или дискриминацию. Они подчеркивают самодисциплину, поддержку товарищей и неприятие финансовых отношений с преподавателями, напрямую противодействуя коррупционным рискам.

Суды чести — это выборные органы из 7–9 членов, созданные в воинских частях и военных образовательных организациях для разбора проступков, роняющих честь (включая коррупцию, обман или аморальное поведение). Они выносят предупреждения, выговоры или ходатайства о наказании (снижение звания, увольнение) с правом обжалования; исторически восходят к советским товарищеским судам.

Опыт работы в честном, демократичном и прозрачном совете курсантов — это репетиция жизни в правовом государстве. Выпускник, научившийся отстаивать права своего коллектива законными методами, перенесет этот навык на госслужбу или в политику.

Рассмотрим, что конкретно может делать студенческий актив или профсоюз. Например: создание «горячих линий» и ящиков доверия (в том числе цифровых ботов) для сбора информации о поборах или конфликтах интересов; организация независимого мониторинга сессий (создание корпуса общественных наблюдателей из числа самих курсантов за ходом экзаменов); инициирование антикоррупционных хартий; добровольное публичное подписание деклараций о честности группами, курсами или факультетами; первокурсникам об опасности взяток и правилах честной учебы рассказывают не скучные лекторы или полиция, а авторитетные старшекурсники. Это вызывает гораздо больше доверия.

Конечно, сильная администрация и строгие законы могут лишь наказать за коррупцию. Но только сильное самоуправление и здоровый коллектив способны ее предотвратить.

Антикоррупционная среда возникает тогда, когда на попытку дать или взять взятку реагирует не камера видеонаблюдения и не прокурор, а ближайшее окружение — с недоумением, презрением и немедленным

пресечением этой попытки. Создание такой саморегулируемой системы — высшая цель любого антикоррупционного воспитания.

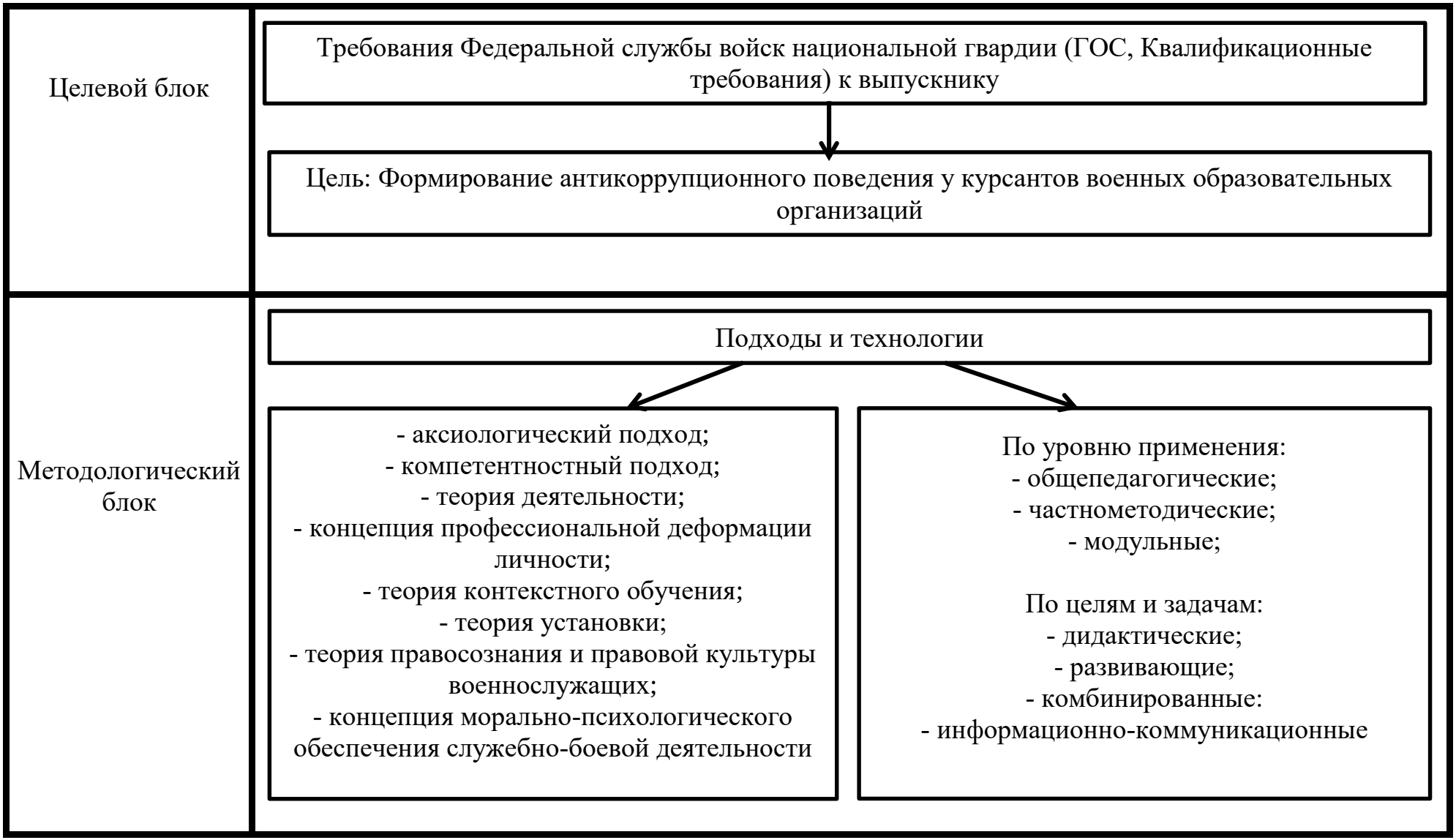
2.4. Модель формирования антикоррупционного поведения

Формирование антикоррупционного поведения — это комплексный многоуровневый процесс, который затрагивает знания, убеждения, психологические установки и практические навыки курсантов.

Рисунок 2.2 — Структура компонентов формирования антикоррупционного поведения[14]

[14] Рисунок сгенерирован ИИ, автор Бурмакин В.М.

Целевой блок
Требования Федеральной службы войск национальной гвардии (ГОС, Квалификационные требования) к выпускнику
Цель: Формирование антикоррупционного поведения у курсантов военных образовательных организаций
Методологический блок
Подходы и технологии
- аксиологический подход;
- компетентностный подход;
- теория деятельности;
- концепция профессиональной деформации личности;
- теория контекстного обучения;
- теория установки;
- теория правосознания и правовой культуры военнослужащих;
- концепция морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности
По уровню применения:
- общепедагогические;
- частнометодические;
- модульные;
По целям и задачам:
- дидактические;
- развивающие;
- комбинированные:
- информационно-коммуникационные

Содержательный блок
Компоненты
Мотивационно-ценностный
Личностный
Когнитивный
Рефлексивный
Институционально-средовой (организационный)
Поведенческий
Организационный блок
Этапы формирования
Формы обучения
Методы обучения
Информационно-познавательный;
Ценностно-смысловой
Установочно-целевой
Практико-ориентированный
Поведенческий
Рефлексивно-закрепляющий
По охвату аудитории:
– индивидуальные;
– групповые
По регулярности:
– базовые;
– периодические;
– внеплановые
По формату среды:
– очные;
– дистанционные
– Лекции и брифинги;
– Электронные курсы;
– Наглядные пособия;
– Тестирование;
– Анализ конкретных ситуаций;
– Групповые дискуссии и дебаты;
– Ролевые игры;
– Тренинги ассертивности и др.

Рисунок 2.1 — Структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов

На рисунке 2.1 представлена структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов.

Выделение шести предложенных компонентов позволяет рассмотреть феномен формирования антикоррупционного поведения со всех сторон: от внутренних психологических установок курсанта до внешней среды, в которой он действует.

Ниже представлена подробная характеристика каждого компонента.

1. Мотивационно-ценностный компонент — это фундаментальный, смыслообразующий стержень. Он отвечает на вопрос: «Почему человек решает действовать честно?». Этот компонент связан с переходом от внешней мотивации (страха наказания) к внутренней (искреннему убеждению в недопустимости коррупции). Суть мотивационно-ценностного компонента — интернализация (присвоение) антикоррупционных ценностей, когда честность становится не просто требованием закона, а внутренней потребностью.

При сформированном антикоррупционном поведении в иерархии ценностей духовные, профессиональные и гражданские преобладают над узкокорыстными и материальными интересами. Обострено чувство справедливости, профессионального долга, чести и достоинства. Демонстрируется принципиальное внутреннее отторжение коррупции во всех ее проявлениях как явления, разрушающего общество. Гражданская позиция заключается в осознании своей ответственности за благополучие организации, общества и государства в целом.

2. Личностный компонент определяет психологическую способность выстоять в ситуации коррупционного соблазна или давления.

Ядром компонента выступают индивидуально-психологические качества и черты характера личности курсанта.

Личностный компонент характеризует склонность человека брать ответственность за свои поступки на себя, а не перекладывать ее на обстоятельства («все так делают», «жизнь заставила», «начальник приказал»). Это умение твердо отстаивать свою позицию, не поддаваться манипуляциям, давлению авторитетов или мнению толпы; способность сохранять самообладание в критических ситуациях (например, при угрозах или, наоборот, при предложении огромной выгоды), а также управлять своими эмоциями (страхом, жадностью, симпатией к просящему).

3. Когнитивный компонент.

Это информационно-интеллектуальная база. Чтобы не совершать коррупционных правонарушений (в том числе по незнанию), человек должен обладать соответствующим объемом знаний.

В основе когнитивного компонента лежит правовая грамотность и понимание механизмов коррупции. Это знание Уголовного и Административного кодексов, законов о государственной службе и противодействии коррупции. Четкое понимание того, что такое взятка, подкуп, конфликт интересов, фаворитизм, непотизм[15], подарок, и чем подарок отличается от взятки. Понимание последствий коррупционного поведения, знание о юридической, дисциплинарной, финансовой и репутационной ответственности, а также понимание глобального социально-экономического вреда от коррупции.

4. Институционально-средовой (организационный) компонент.

Этот компонент признает, что человек существует в социальной среде. Даже высоконравственная личность может сломаться в токсичной, насквозь коррумпированной среде.

Успешность сформированности данного компонента определяют внешние условия, корпоративная культура и организационные механизмы,

[15] Непотизм (от лат. nepos, род. п. nepotis — «внук, племянник») — вид фаворитизма, заключающийся в предоставлении привилегий родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств

которые стимулируют честное поведение и делают коррупцию невозможной или крайне рискованной.

Институционально-средовой (организационный) компонент формируется через личный безупречный пример руководства, четкие регламенты, исключающие «серые зоны», автоматизацию принятия решений (чтобы исключить субъективный фактор должностного лица), наличие рабочих, безопасных (и анонимных) каналов связи для информирования о коррупционных нарушениях, гарантии того, что санкции применяются ко всем нарушителям без исключения, невзирая на ранги, а также достойную оплату труда и прозрачную систему карьерного роста, снижающие экономическую потребность во взятках.

5. Поведенческий компонент.

Это практическая реализация всех предыдущих компонентов — то, что человек непосредственно делает (или не делает) в реальной жизни. Это конкретные действия, навыки и алгоритмы поведения в коррупционно-опасных ситуациях; умение грамотно, безапелляционно и безопасно отказаться от получения или дачи взятки; практическое умение вовремя выявить конфликт интересов, составить уведомление (декларацию) и взять самоотвод от принятия решения; строгое следование должностным инструкциям и антикоррупционным регламентам в повседневной работе; реальное осуществление сообщения работодателю, в службу безопасности или в правоохранительные органы о фактах склонения к коррупции.

6. Рефлексивный компонент отвечает за самоконтроль, анализ собственного опыта и коррекцию своего поведения. Это механизм обратной связи внутри личности, включающий способность к самоанализу, критическому осмыслению своих действий и прогнозированию их последствий. Он подразумевает постоянную сверку своих действий с внутренним моральным компасом («Не перехожу ли я черту?», «Правильно ли я поступаю?»), способность посмотреть на ситуацию со стороны («Как это выглядит для проверяющих органов?», «Может ли эта невинная просьба

перерасти в шантаж?»), извлечение уроков из собственных ошибок или из действий других людей, адаптацию своего поведения для недопущения подобных ситуаций в будущем, а также понимание истинных мотивов своих поступков и способность честно признаться себе в наличии соблазна или страха, чтобы вовремя их нейтрализовать.

Таким образом, антикоррупционное поведение эффективно только тогда, когда все шесть компонентов взаимодействуют: человек знает правила (когнитивный), верит в их правильность (мотивационно-ценностный), обладает волей им следовать (личностный), обдумывает свои шаги (рефлексивный), поступает правильно (поведенческий) и находится в системе, которая его защищает и поддерживает (институционально-средовой). Исключение хотя бы одного звена резко повышает риск коррупционного правонарушения.

Процесс формирования антикоррупционного поведения курсантов военного вуза строится на интеграции следующих взаимосвязанных компонентов:

- **мотивационно-ценностный компонент** — формирование устойчивых установок на честность, долг, служебную честь и неприятие коррупции как нравственно недопустимой практики;
- **когнитивный компонент** — освоение знаний о правовых нормах, механизмах коррупции, её формах, последствиях и способах противодействия;
- **эмоционально-волевой компонент** — развитие внутренней устойчивости, самоконтроля, способности противостоять давлению и соблазнам;
- **поведенческо-деятельностный компонент** — практическая отработка навыков распознавания коррупциогенных и предкоррупционных ситуаций, принятия правомерных решений и демонстрации антикоррупционной позиции в моделируемых служебных сценариях;

– **рефлексивный компонент** — способность к самоанализу, оценке собственных действий.

Психолого-педагогические условия формирования антикоррупционного поведения курсантов

Эффективность формирования антикоррупционного поведения обеспечивается реализацией следующих условий:

1. **Нормативно-правовое обеспечение** — наличие чётких антикоррупционных стандартов, закреплённых в локальных нормативных актах вуза, регламентирующих служебное поведение курсантов и профессорско-преподавательского состава.

2. **Личный пример командиров и преподавателей** — демонстрация образцов правомерного и этичного поведения, исключающих двойные стандарты и неформальные привилегии.

3. **Благоприятный морально-психологический климат в подразделении** — среда, в которой коррупционные проявления встречают осуждение, а правомерное поведение получает социальное одобрение.

4. **Система контроля и обратной связи** — наличие прозрачных механизмов информирования о нарушениях и защиты сообщающих о них лиц.

Структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов

Целевой блок — формирование антикоррупционной устойчивости/антикоррупционного поведения

Содержательный блок — когнитивный, мотивационно-ценностный, поведенческо-деятельностный, рефлексивный компоненты.

Процессуальный блок — методы и формы работы (лекции, тренинги, кейсы, деловые и ролевые игры).

Педагогические условия:

– институционально-средовой фактор (нормативная база, личный пример, морально-психологический климат, система контроля);

– методическое обеспечение (учебные программы, диагностический инструментарий);

– кадровое обеспечение (подготовленность офицеров-воспитателей и преподавателей).

Результативный блок — уровни сформированности антикоррупционного поведения (пороговый, базовый, высокий).

Формирование антикоррупционного поведения — это не одномоментный акт (нельзя просто прочитать лекцию и ожидать, что человек изменится), а длительный, поэтапный процесс. Он представляет собой эволюцию от простого получения информации до выработки устойчивой жизненной привычки.

Логика этого процесса строится на переходе от внешнего воздействия к внутреннему убеждению и автоматизму действий. Выделяют шесть основных этапов формирования антикоррупционного поведения.

Этап 1. Информационно-познавательный (ознакомительный)

Заключается в создании базового фундамента знаний. На этом этапе человек переходит от состояния «я что-то слышал о коррупции» к состоянию «я четко знаю правила». На данном этапе происходит изучение правовых норм, внутренних регламентов организации, кодексов этики. Человек знакомится с определениями (что такое взятка, конфликт интересов, подарок), изучает виды ответственности и механизмы наказания.

По итогам информационно-познавательного этапа происходит формирование правовой грамотности (когнитивный компонент). Человек предупрежден о границах дозволенного.

Этап 2. Ценностно-смысловой (интернализация)

Это этап превращения сухих знаний во внутреннее убеждение. На этом этапе формируется ответ на вопрос: «Почему я не должен этого делать?». Переход от состояния «я знаю закон» к состоянию «я разделяю эти ценности».

На ценностно-смысловом этапе происходит осознание разрушительных последствий коррупции для общества, экономики, своей семьи и собственной судьбы. Преодоление стереотипов («все берут, и я беру»). Пробуждение чувства гражданского и профессионального долга.

В результате формируется «нулевая терпимость» к коррупции. Страх наказания сменяется внутренним моральным запретом.

Этап 3. Установочно-целевой (формирование готовности) — это психологическая подготовка к возможным вызовам. Переход от пассивного непринятия коррупции к состоянию «я морально готов противостоять ей».

На данном этапе происходит формирование внутреннего локуса контроля. Человек принимает принципиальное решение (установку) действовать честно до того, как столкнется с реальным коррупционным соблазном. Происходит осознание своих слабых мест и оценка потенциальных рисков на своей должности. Мобилизация воли (личностный компонент). Человек психологически защищен от манипуляций.

Этап 4. Практико-ориентированный (тренировочный)

На данном этапе происходит отработка конкретных навыков в безопасной среде. Знать и хотеть поступить правильно — мало, нужно уметь это сделать. Состояние: «я знаю, как именно нужно действовать». Курсант учится распознавать завуалированные взятки, тренируется говорить твердое «нет», изучает алгоритм декларирования конфликта интересов и правила сообщения о склонении к коррупции (куда звонить, как писать служебную записку). В результате формируется алгоритм поведения на случай ЧП. Снижается значимость фактора внезапности и растерянности.

Рисунок 1.4 — Этапы формирования антикоррупционного поведения[16]

Этап 5. Поведенческий (реализация в реальной среде)

Это этап применения накопленного потенциала в реальной профессиональной или бытовой деятельности. Присвоение состояния «я поступаю честно на практике».

Происходит столкновение с реальными ситуациями выбора. Курсант самостоятельно разрешает конфликты интересов, отказывается от сомнительных предложений, сообщает о нарушениях по каналам «горячей линии», строго соблюдает регламенты. Совершает реальные правомерные антикоррупционные поступки (поведенческий компонент).

На этом этапе критически важен институционально-средовой компонент. Если система не защитит курсанта, который сообщил о коррупции, или руководство само нарушает правила, процесс откатится назад.

Этап 6. Рефлексивно-закрепляющий (укоренение / привычка) — это анализ пройденного опыта и превращение честного поведения в

[16] Рисунок сгенерирован ИИ, автор Бурмакин В.М.

автоматическую привычку. Состояние «для меня это естественно, по-другому я не мыслю».

Антикоррупционное поведение становится неотъемлемой частью профессиональной идентичности. Более того, на этом этапе курсант сам становится транслятором этих ценностей.

Результатом данного этапа является стабильная антикоррупционная позиция (рефлексивный компонент), появление «иммунитета» к коррупционному поведению и коррупционным деяниям.

Важно отметить, что формирование антикоррупционного поведения — задача непрерывная. Даже опытный сотрудник должен периодически возвращаться к этапам информирования (при изменении законов) и тренировки (для освежения навыков).

Обучение антикоррупционному поведению кардинально отличается от обычного профессионального обучения. Здесь недостаточно просто передать знания (ознакомить с законами) — необходимо изменить установки человека и научить его действовать в стрессовых ситуациях.

Поэтому процесс строится на сочетании различных форм (как организовано обучение) и методов (с помощью каких инструментов оно проводится).

Формы определяют масштаб и регулярность образовательного процесса.

По охвату аудитории формы могут быть:

– Индивидуальные: например, вводный инструктаж при приеме на работу, наставничество, персональная беседа руководителя с сотрудником при его назначении на коррупционно-опасную должность.

– Групповые: например, семинары и тренинги для отдельных подразделений.

– Массовые: например, общие вебинары, рассылки, единые онлайн-курсы для всех сотрудников организации.

По регулярности проведения формы могут быть:

– Базовые (первичные): при поступлении на службу.

– Периодические (плановые): ежегодное подтверждение знаний.

– Внеплановые (целевые): при изменении законодательства, переходе на новую должность или после выявления коррупционного инцидента.

По формату среды проведения формы могут быть:

Очные (офлайн): например, тренинги, лекции, деловые игры.

Дистанционные (онлайн): например, тестирование, вебинары на официальном портале.

Для эффективного формирования антикоррупционного поведения методы воздействия принято делить на три группы — от пассивных (передача знаний) к активным (формирование навыков). Рассмотрим основные методы формирования антикоррупционного поведения по группам.

1. Информационно-репродуктивные методы используют с целью передачи знаний. Формируют когнитивный компонент. К ним относятся: лекции и брифинги**,** рассказ о нормах закона, видах ответственности и внутреннем кодексе этики, электронные курсы, интерактивные слайды с озвучкой, схемами и инфографикой. Репродуктивные методы: наглядные пособия, памятки, чек-листы, раздаточные материалы (например, «Алгоритм действий при склонении к коррупции» или «Памятка: как отличить подарок от взятки»), а также тестирование — проверка теоретических знаний с автоматическим подсчетом баллов.

Все вышеперечисленные методы подходят для массового ознакомления.

2. Интерактивные и дискуссионные методы призваны изменить ценности курсанта. Они формируют мотивационно-ценностный и рефлексивный компоненты. К ним относятся:

– анализ конкретных ситуаций, когда участникам дается реальная история и ставится задача — разобрать, где была допущена ошибка, к чему это привело и как нужно было поступить;

– групповые дискуссии и дебаты, обсуждение неоднозначных морально-этических дилемм (например, «Коллега берет откаты, но пускает их на нужды подразделения. Сообщите ли вы об этом?»). Метод разрушает стереотипы и способствует формированию устойчивой антикоррупционной позиции;

– сторителлинг[17] — рассказ поучительных историй о реальных сломанных судьбах людей, поддавшихся соблазну; просмотр и обсуждение видеоматериалов, демонстрация документальных фильмов или специально снятых корпоративных роликов с последующей рефлексией.

3. Практико-ориентированные методы применяются для отработки навыков. Они формируют поведенческий и личностный компоненты. К ним относятся: ролевые игры (симуляции), моделирование ситуаций в парах или группах. Один участник играет роль «провокатора» (настойчиво предлагает взятку, давит на жалость, угрожает), второй должен грамотно отказать, не провоцируя конфликт, но и не оставляя надежды; тренинги ассертивности (уверенности), психологические упражнения, обучающие твёрдо говорить «нет» вышестоящему руководству, коллегам или сослуживцам при попытке вовлечь в незаконную схему; интерактивные сценарные тесты (тренажеры) — онлайн-симуляции, где курсанту дается ситуация и варианты действий. В зависимости от выбора сюжет развивается по-разному (как в компьютерной игре); мастер-классы по процедурам (практикумы) — практическое выполнение бюрократических процедур. Например, участники на практике заполняют реальные бланки «Уведомления о конфликте интересов» на основе предложенных легенд.

4. Современные и нестандартные методы применяются для увлечения процессом и облегчения восприятия. К ним относятся, например, геймификация, настольные или онлайн-игры антикоррупционной направленности. В игровой форме курсанты гораздо легче усваивают

[17] Сторителлинг (англ. storytelling — «рассказывание историй») — термин, который означает приём, который помогает донести информацию через рассказ или историю.

сложный правовой материал и расстаются с психологическими барьерами; микрообучение, где вместо часовой лекции раз в год — короткие касания в мессенджере MAX или короткое тестирования в LMS Moodle. Это формирует постоянную настороженность и поддерживает тему в фокусе внимания; каскадное обучение (трансляция сверху вниз) — обучение проводит не внешний тренер или офицер, а непосредственный руководитель для своих подчиненных. Это критически важно, так как, сотрудники видят, что их руководитель лично разделяет эти ценности.

Идеальная программа обучения антикоррупционному поведению должна работать по принципу: «от общего к частному, от теории к практике». Сначала целесообразно дать базовый электронный курс (лекция/тест). Затем в рамках аудитории обсуждать, почему это важно (дискуссия/кейсы). В конце — отрабатывать ситуации, характерные именно для их должности (ролевые игры/практикум).

Под психолого-педагогическими условиями понимается целенаправленно созданная совокупность мер, обстоятельств, среды и методов, которые обеспечивают успешное достижение образовательной или воспитательной цели. Поскольку формирование антикоррупционного поведения — это не просто передача знаний, а воспитание личности и изменение ее ценностных установок, успешность этого процесса зависит от соблюдения ряда специфических условий. Их можно разделить на пять основных групп:

1. Организационно-средовые (институциональные) условия.

В учебном заведении (или организации) должна культивироваться атмосфера нетерпимости к любым формам коррупции (списывание, плагиат, покупка оценок, фаворитизм). Невозможно воспитать антикоррупционное поведение в среде, где процветает несправедливость, двойные стандарты или блат. Преподаватели, наставники и руководители должны демонстрировать безупречное этическое поведение. Расхождение между тем, что

транслируется на лекциях, и реальным поведением педагогов полностью разрушает воспитательный эффект.

Антикоррупционное просвещение не должно ограничиваться разовыми акциями (например, лекцией к 9 декабря — Международному дню борьбы с коррупцией). Это должен быть системный процесс, пронизывающий весь период обучения или профессиональной подготовки.

2. Содержательно-методические условия связаны с тем, что именно преподаем и как это делаем.

Тема противодействия коррупции не должна существовать в вакууме. Она должна органично вплетаться в изучение права, истории, экономики, обществознания, профессиональной этики и профильных дисциплин. Должен сместиться акцент в сторону отказа от сугубо назидательных, скучных лекций в пользу активных форматов: использование кейс-метода, ролевых игр, дебатов, сторителлинга. Обучающиеся должны сами приходить к выводам,

а не получать их в готовом виде.

Контент должен быть релевантным: курсантам — о коррупции в образовании и на старте карьеры; госслужащим — о конфликте интересов и завуалированных взятках.

3. Психолого-педагогические (ценностные) условия направлены на внутренний мир курсанта, его мотивацию и эмоции. Обучающийся должен быть не пассивным слушателем, а равноправным участником диалога. Важно создать психологически безопасную атмосферу, где можно открыто обсуждать моральные дилеммы, сомневаться и задавать неудобные вопросы без страха осуждения. Формирование антикоррупционных установок должно затрагивать не только разум, но и чувства. Важно вызывать эмпатию к жертвам коррупции, чувство гражданского достоинства и стыд за нечестные поступки. Обучение должно стимулировать привычку анализировать информацию, противостоять манипуляциям, не поддаваться

конформизму («все берут, и я возьму») и брать ответственность за свои решения на себя.

4. Деятельностно-практические условия заключаются в том, что ценности становятся убеждениями только тогда, когда они применяются на практике.

Целесообразно участие обучающихся в волонтерстве, социальном проектировании, учебном самоуправлении. Это формирует активную гражданскую позицию и понимание того, что от действий одного человека зависит благополучие общества.

Необходимо создание педагогических ситуаций, где курсант должен совершить моральный выбор и аргументированно отклонить коррупционное предложение. Требуется переход от теории («я знаю законы») к навыку («я умею сказать «нет»»). Поощрение антикоррупционных инициатив. Поддержка студенческих или корпоративных проектов, направленных на повышение прозрачности процессов (например, разработка памяток, участие в антикоррупционных конкурсах, внедрение электронных систем контроля).

5. Кадровые условия зависят от уровня подготовки самих трансляторов знаний, компетентности педагогов. Лица, проводящие антикоррупционное обучение, должны хорошо разбираться не только в педагогике, но и в основах антикоррупционного законодательства, психологии конфликта и механизмах работы коррупционных схем.

Необходима методическая поддержка преподавателей. Наличие современных учебно-методических комплексов, сценариев деловых игр, актуальных баз судебной и служебной практики.

Таким образом, формирование антикоррупционного поведения будет успешным только при комплексном соблюдении этих условий. Если использовать передовые интерактивные методы, но делать это в коррумпированной среде, или обучение проводят люди с сомнительной

репутацией, результата не будет — это приведет лишь к развитию цинизма и лицемерия у курсантов.

Оценка того, сформировано ли у курсанта антикоррупционное поведение, — задача крайне сложная. Проблема заключается в социально желательных ответах: на прямой вопрос «Возьмете ли вы взятку?» 99% людей ответят: «Нет».

Поэтому оценивать нужно не декларативные заявления, а конкретные параметры личности. Критерии оценки напрямую вытекают из тех самых компонентов антикоррупционного поведения, которые мы рассматривали ранее.

Для комплексной диагностики принято выделять пять основных критериев и соответствующие им показатели (индикаторы).

1. Когнитивный (информационный) критерий оценивает полноту, точность и системность знаний в сфере противодействия коррупции. Оценивается через знание норм антикоррупционного законодательства и видов юридической ответственности, умение четко разграничивать понятия (например, понимать разницу между обычным подарком и взяткой, фаворитизмом и конфликтом интересов), знание внутренних антикоррупционных регламентов (кодекс этики, уставные инструкции и др.), знание алгоритмов действий: куда звонить, кому писать и как оформлять документы при столкновении с коррупцией.

Для измерения применяют: тестирование, правовые диктанты, решение теоретических задач.

2. Мотивационно-ценностный критерий оценивает внутреннее отношение человека к коррупции и систему его моральных координат.

Индикаторами данного критерия выступают: степень неприятия коррупции (наличие искренней «нулевой терпимости», а не просто страха наказания); осознание разрушительного влияния коррупции на общество, экономику и личную репутацию; доминирование общественных и профессиональных ценностей (долг, честь, репутация) над

узкокорыстными мотивами; наличие внутренней потребности действовать в соответствии с совестью.

Для измерения используют психологические опросники на выявление ценностных ориентаций, эссе на заданную тему, анализ аргументации в дискуссиях.

3. Личностно-психологический критерий оценивает психологическую готовность и волевые качества, необходимые для сопротивления коррупционному давлению. Проявляется через готовность брать ответственность за свои поступки на себя, а не оправдывать их обстоятельствами («зарплата маленькая», «все так делают» и др.); ассертивность: уверенность в себе, способность не поддаваться давлению руководства, коллег или клиентов; стрессоустойчивость: способность сохранять самообладание и трезвость мысли в ситуации провокации или шантажа.

Измеряется стандартизированными психологическими тестами (на локус контроля, уровень конформизма), а также в ходе наблюдения при проведении ролевых игр.

4. Поведенческий (деятельностный) критерий оценивает реальные или смоделированные действия человека в критической ситуации.

Проявляется через умение распознать скрытую угрозу (завуалированное предложение взятки); умение твердо, однозначно и бесконфликтно отказать в коррупционной сделке; готовность и умение на практике задекларировать личную заинтересованность (конфликт интересов); готовность к обращению в службу безопасности или к руководству при выявлении фактов правонарушений.

Оценивается в ходе решения практических кейсов, симуляций, деловых игр и др.

5. Рефлексивно-оценочный критерий оценивает способность к самоконтролю и критическому анализу.

Индикаторами выступают: умение предвидеть коррупционные риски в своей работе до того, как они наступят; способность критически оценивать свои действия со стороны («Как мой поступок выглядит для проверяющих?»); готовность признавать свои ошибки в этических вопросах и корректировать поведение.

Оценивается в ходе анализа решения моральных дилемм, интервью по компетенциям, самоотчетов.

На основе оценки этих пяти критериев можно определить, на каком уровне находится курсант (или подразделение в целом).

1. Низкий (пассивно-конформистский, критический) уровень — знания фрагментарны или отсутствуют. Поведение зависит от внешнего контроля: человек не нарушает закон только потому, что боится наказания. При отсутствии контроля легко поддастся соблазну. Склонен к конформизму. Перекладывает ответственность на систему («система такая, я пешка»).

2. Средний (ситуативно-нормативный, допустимый) уровень — курсант хорошо знает законы и регламенты.

Внутренне не одобряет коррупцию, но может испытывать сомнения в сложных моральных дилеммах. Сам взятки не берет и не дает, старается работать честно, но занимает пассивную позицию. Если он увидит, что коррупцией занимаются коллеги, он промолчит (не станет сообщать руководству), чтобы не портить отношения. Откажется от взятки, но не оформит об этом служебную записку.

3. Высокий (активно-ценностный, оптимальный) уровень — курсант обладает глубокими знаниями, сочетающимися с твердым внутренним убеждением. Честность является внутренним стержнем личности, не зависящим от наличия видеокамер или контроля начальства. Курсант умеет уверенно противостоять давлению. Обладает проактивной позицией. Он не только сам не участвует в коррупции, но и пресекает ее вокруг себя (сообщает о нарушениях, помогает выстроить прозрачные процессы, декларирует конфликты интересов). Является ролевой моделью для коллег.

Формирование антикоррупционного поведения курсантов — это системный процесс, эффективность которого обеспечивается тремя ключевыми факторами:

1. Психолого-педагогической базой — применением структурных моделей, которые синхронизируют внутренние установки курсанта (мотивацию, ценности, рефлексию) с этапами принятия решений в ситуациях риска.

2. Образовательным инструментарием — максимальным использованием превентивного потенциала гуманитарных дисциплин в сочетании с интерактивными методами обучения, превращающими абстрактные знания в личный поведенческий опыт.

3. Социально-институциональной средой — опорой на курсантский коллектив и самоуправление, которые обеспечивают внутренний контроль и формируют атмосферу «нулевой терпимости» к коррупции.

В совокупности эти элементы гарантируют формирование высоких моральных качеств и устойчивой правовой культуры будущего офицера.

Таким образом, формирование антикоррупционного поведения курсантов представляет собой сложную многоуровневую систему, требующую интеграции психологических, образовательных и институциональных факторов. Исследование доказывает, что воспитание будущего офицера с устойчивым неприятием коррупции достигается через поэтапное развитие личности (от осознания рисков до рефлексии), мощный мировоззренческий потенциал гуманитарных дисциплин, применение интерактивных технологий обучения и активное вовлечение курсантского коллектива и самоуправления в процесс создания здоровой этико-правовой среды.

Выводы по 2-й главе

Формирование антикоррупционного поведения — это комплексный многоуровневый процесс, который затрагивает знания, убеждения, психологические установки и практические навыки курсанта.

В диссертационном исследовании предложена структурно-психологическая модель этапов антикоррупционного поведения (1. Осознание риска; 2. Оценка выбора; 3. Принятие решения; 4. Реализация решения), а также структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения курсантов, включающая следующие компоненты: мотивационно-ценностный, личностный, когнитивный, институционально-средовой (организационный), поведенческий и рефлексивный.

Выделенная система ключевых компонентов воздействует на внутренний мир и внешние проявления личности курсанта. Важное место в этой схеме занимают мотивация, ценности и личные качества, формирующие моральный облик будущего офицера. Кроме того, модель охватывает когнитивные и поведенческие аспекты, помогая закрепить теоретические знания на практике. Институциональная среда и способность к самоанализу завершают структуру, обеспечивая целостный подход к профилактике правонарушений. В совокупности эти элементы направлены на создание устойчивого неприятия коррупционного поведения, коррупции в профессиональной деятельности.

В исследовании также отмечена роль дисциплин гуманитарного цикла (таких как психология, педагогика, юриспруденция, обществознание и др.), обладающих колоссальным превентивным потенциалом. Они формируют антикоррупционное мировоззрение, воздействуя на когнитивные, ценностные и волевые компоненты поведения. Гуманитарные дисциплины формируют этические ценности, правовую культуру и гражданскую позицию курсантов.

Интерактивные педагогические технологии считаются одним из самых результативных инструментов формирования антикоррупционного поведения, потому что переводят антикоррупционные знания в личный опыт, решение задач и поведенческий выбор.

Курсантское самоуправление и коллектив играют ключевую роль в создании антикоррупционной среды в военных образовательных учреждениях, обеспечивая внутренний контроль, сплочение и практическое воспитание этических норм.

Таким образом, успешное формирование антикоррупционного поведения у курсантов возможно только при реализации системного и целостного подхода, объединяющего внутренние психологические механизмы личности с комплексным педагогическим и средовым воздействием.

Предложенные в исследовании модели доказывают, что воспитание будущего офицера с устойчивым неприятием коррупции требует последовательного прохождения этапов от осознания риска до реализации решения. Этот процесс должен опираться на синтез мотивационно-ценностных, когнитивных и поведенческих компонентов. При этом ключевыми инструментами формирования такой позиции выступают дисциплины гуманитарного цикла, закладывающие мировоззренческий фундамент, и интерактивные образовательные технологии, переводящие теорию в практический опыт. Важнейшим условием закрепления антикоррупционных установок является институциональная среда, где курсантское самоуправление и здоровый коллектив выступают гарантами практического усвоения этических и правовых норм.

ГЛАВА 3. ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА ПО ПРОВЕРКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

3.1 Организация и методы исследования

Целью исследования являлась проверка эффективности психолого-педагогических условий формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций.

Для организации исследования были сформированы две группы курсантов 4-5 курсов: экспериментальная группа (ЭГ) — курсанты Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации» в количестве 120 человек (40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» — 68 курсантов и 37.05.02 «Психология служебной деятельности» — 52 курсанта) и контрольная группа (КГ) — курсанты Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации» — 135 курсантов.

Задачи исследования:

1) определение цели и гипотезы исследования; формирование репрезентативной выборки, включающей ЭГ и КГ; подбор психодиагностического инструментария; проведение констатирующей диагностики респондентов; реализация программы формирования антикоррупционного поведения курсантов; проведение контрольной диагностики выбранных параметров антикоррупционного поведения; анализ динамики полученных результатов и оформление выводов.

Таблица 3.1 — Диагностический инструментарий измерения компонентов антикоррупционного поведения курсантов

Компонент	Методика	Направленность	Уровни		
			Высокий	Средний	Низкий
Мотивационно-ценностный компонент	Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина)[18]	Выявление направленности личности (на альтруизм или эгоизм, на процесс или результат, на свободу или власть, на труд или деньги). Преобладание ориентаций «на деньги» и «на власть» при низком «альтруизме» может быть маркером коррупционного риска.	Высокие: Альтруизм, Труд, Результат (общественно полезный), Власть (как ответственность). Низкие: Деньги, Эгоизм.	Высокие: Процесс (инертность), Деньги (нехватка средств). Низкие: Результат, Альтруизм.	Высокие: Деньги, Эгоизм, Власть, Результат. Низкие: Альтруизм, Труд.
	Методика диагностики уровня правового сознания (Л.А. Ясюкова)[19]	Оценка сферы правосознания (бытовое, профессиональное, гражданское). Позволяет понять, воспринимает ли	Зрелое (Демократическое) правосознание	Правовой инфантилизм	Правовой прагматизм (Цинизм) Правовой нигилизм

[18] Потемкина О.Ф. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – С. 641–648.

[19] Ясюкова. Л. А. Прогноз и профилактика проблем обучения, социализация и профессиональное самоопределение старшеклассников [Текст]: методическое руководство: методика Л. А. Ясюковой / Госстандарт России, Комплексное обеспечение психологической практики, ИМАТОН. – Изд. 3-е. – Санкт-Петербург: ИМАТОН, 2017- Кн. 1. – 2017. – 237с.

		курсант закон как абсолютную ценность или как инструмент, который можно обойти.			
	Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной[20]	Оценка терминальных ценностей в различных жизненных сферах (включая профессиональную).	«Материальное» < «Духовное»	«Материальное» = «Духовное»	«Материальное» > «Духовное»
Личностный компонент (предрасположенность)	Шкала макиавеллизма (Mach-IV в адаптации В.В. Знакова)[21]	Оценка склонности к манипулированию людьми. Высокий уровень макиавеллизма часто коррелирует с пренебрежением моральными нормами ради выгоды («цель оправдывает средства»), что является основой коррупционного поведения.	ниже 60 баллов	60–100 баллов	выше 100 баллов
Когнитивный компонент (знания)	Тест «Правовые основы противодействия коррупции в военной среде»	Разработан авторами с учетом специфики военной службы, Федерального закона «О противодействии коррупции» и	13-15	9-12	8 и менее

[20] Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей: Руководство по применению. Методическое пособие. – Самара: Изд-во СамИКП – СНЦ РАН, 2002. – 49 с.

[21] Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 5. – С. 16–22.

	(С.Н.Сорокоумов, П.А. Гордеева)	Уголовного кодекса РФ. Его можно использовать как часть диагностического инструментария в диссертационном исследовании или в воспитательной работе			
Рефлексивный компонент	Методика диагностики уровня развития рефлексивности (А.В. Карпов)[22]	Позволяет определить, насколько человек склонен анализировать свои действия (прошлые, настоящие и будущие)	8-10 стенов	4-7 стенов	0-3 стена
	Методика «Справедливость – забота» (С.В. Молчанов)[23]	Направлена на выявление уровня осознания своих нравственных качеств	(Высокая Справедливость + Высокая Забота)		(Низкие показатели по обеим шкалам)
Институционально-средовой (организационный) компонент	Шкала организационной справедливости (Дж. Гринберг, Дж. Колкитт) [24]	Дистрибутивная (распределения благ) справедливость Процедурная справедливость (прозрачность принятия решений).	Высокие баллы по шкалам «Распределительная» и «Процедурная» справедливость		Низкие баллы по шкалам «Распределительная» и «Процедурная» справедливость

[22] Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики // Психологический журнал. 2003. – Т.24. – №5 – С.45-57.

[23] https://studfile.net/preview/2780552/page:9/

Молчанов, С.В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте : автореферат дис. ... кандидата психол.наук : 19.00.13 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 31 с.

[24] Colquitt, J. A. (2001). On the dimensionality of organizational justice: A construct validation of a measure. Journal of Applied Psychology, 86(3), 386–400.

		Информационная справедливость (честность руководства).			
Поведенческий компонент	Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел)	Шкала «Склонность к деликвентному поведению» может показать готовность нарушать нормы.	Т < 40 баллов	40 – 60 баллов	Т > 60 баллов
Контроль искренности	Шкала социальной желательности (Д. Марлоу — Д. Кроун)[25]	Если по этой шкале завышенный балл, результаты остальных методик (особенно про честность) можно считать недостоверными (курсант пытается казаться лучше, чем он есть).	14 – 20 баллов	6 – 13 баллов	6 – 13 баллов

[25] Ханин Ю.Л. Шкала Марлоу—Кроуна для исследования мотивации одобрения. Л.: НИИ ФК, 1976.

3.2. Диагностика исходного уровня антикоррупционной устойчивости курсантов

Контроль искренности

В ходе проведения диагностики среди курсантов ЭГ и КГ был проведен контроль искренности, что позволило не учитывать результаты респондентов, намеренно пытавшихся давать социально желательные ответы.

Таблица 3.2 — Результаты контроля искренности курсантов ЭГ и КГ по шкале мотивации одобрения Д. Марлоу – Д. Кроуна

Уровни	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	2	1,67	4	2,96
Средний	87	72,50	103	76,30
Низкий	31	25,83	28	20,74
Всего	120	100,00	135	100,00

Высокий уровень по шкале мотивации одобрения выявлен у 6 курсантов выборки. Эти курсанты сознательно или неосознанно искажают информацию о себе, стараясь выглядеть «идеальным офицером», и отрицают наличие у себя любых недостатков. Результаты других тестов (особенно тестов на склонность к коррупции, макиавеллизм и делинквентность) у этих курсантов будут считаться недостоверными.

Таким образом, в ЭГ рассматриваются результаты – 118 курсантов, в КГ – 131 курсанта.

Мотивационно-ценностный компонент

Мотивационно-ценностный компонент определяет внутреннюю направленность личности на соблюдение этических норм, даже когда внешний контроль отсутствует.

Для исследования мотивационной направленности курсантов была использована методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере, разработанная О.Ф. Потемкиной [147]. Методика позволяет выявить степень выраженности таких установок, как «Альтруизм – Эгоизм», «Процесс – Результат», «Свобода – Власть», «Труд – Деньги», что является ключевым для понимания антикоррупционной устойчивости личности.

Таблица 3.3 — Диагностика мотивационной направленности курсантов ЭГ и КГ

Ориентация на:	Уровни	ЭГ		КГ	
		абс.	%	абс.	%
Процесс	Высокий	37	31,36	45	34,35
	Средний	56	47,46	58	44,27
	Низкий	25	21,19	28	21,37
Результат	Высокий	31	26,27	33	25,19
	Средний	66	55,93	78	59,54
	Низкий	21	17,80	20	15,27
Альтруизм	Высокий	29	24,58	35	26,72
	Средний	62	52,54	68	51,91
	Низкий	27	22,88	28	21,37
Эгоизм	Высокий	15	12,71	13	9,92
	Средний	71	60,17	80	61,07
	Низкий	32	27,12	38	29,01
Свобода	Высокий	8	6,78	7	5,34
	Средний	97	82,20	106	80,92
	Низкий	13	11,02	18	13,74
Власть	Высокий	16	13,56	15	11,45
	Средний	77	65,25	91	69,47
	Низкий	25	21,19	25	19,08
Труд	Высокий	35	29,66	44	33,59
	Средний	60	50,85	62	47,33
	Низкий	23	19,49	25	19,08
Деньги	Высокий	14	11,86	13	9,92
	Средний	74	62,71	85	64,89
	Низкий	30	25,42	33	25,19
Всего		118	100,00	131	100,00

Полученные результаты, представленные в таблице 3.3, показывают высокую степень однородности ЭГ (n = 118) и КГ (n = 131). Процентное распределение по всем восьми шкалам мотивационной направленности практически идентично (разница составляет 1–3%), что свидетельствует о репрезентативности выборок и позволяет в дальнейшем оценивать чистоту планируемого эксперимента.

Наиболее выраженными шкалами мотивационной направленности (имеющими самые высокие показатели) в обеих группах являются следующие:

– ориентация на процесс (31,36% ЭГ и 34,35% КГ). У значительной части испытуемых интерес к самой деятельности превалирует над результатом. Это курсанты, склонные получать удовольствие от работы, не дожидаясь результата деятельности.

– ориентация на труд (29,66% ЭГ и 33,59% КГ). Труд воспринимается как ценность сам по себе. Это свидетельствует о высокой работоспособности и вовлеченности респондентов.

– ориентация на результат (26,27% ЭГ и 25,19% КГ). Четверть выборки ориентирована на достижение цели, что в сочетании с ориентацией на процесс дает сбалансированный тип личности.

По шкале «Альтруизм — Эгоизм» наблюдается перевес в сторону альтруизма. Высокий уровень альтруизма зафиксирован у ~25% респондентов, в то время как высокий уровень эгоизма — лишь у ~10–12%. При этом средний уровень эгоизма довольно высок (60–61%), что говорит о здоровом балансе интересов, но с общей установкой на помощь окружающим и общественную пользу.

Интересно распределение по шкалам, которые традиционно считаются «стимульными»:

Ориентация на деньги (высокий уровень) выявлена среди курсантов ЭГ — 9,92% и КГ — 11,86%. Деньги не являются главным мотивом для большинства опрошенных. Это может указывать либо на идеалистический

склад личности испытуемых, либо на то, что профессиональная деятельность для них — это способ самореализации, а не только заработка.

Рассмотрим ориентацию на власть. Высокий уровень: ЭГ — 11,45% и КГ — 13,56%. Потребность в доминировании и руководстве выражена слабо. Большинство (более 65%) имеют средний уровень, что говорит о готовности работать в команде, а не подавлять других.

По шкале «Ориентация на свободу» высокий уровень выявлен у 5,34% курсантов ЭГ и 6,78% курсантов КГ. При этом 81–82% имеют средний уровень. Это может интерпретироваться как высокая законопослушность, готовность работать в рамках установленных правил и норм, отсутствие выраженного стремления к «независимости любой ценой».

Таким образом, по всем шкалам подавляющее большинство испытуемых (от 44% до 82%) демонстрирует средний уровень выраженности ориентаций. Это классическое нормальное распределение, указывающее на психологическую устойчивость выборки и отсутствие крайних акцентуаций в мотивационной сфере.

Самый «сплоченный» показатель — «Свобода» (свыше 80% средних значений), что говорит о конформности и предсказуемости поведения респондентов в социальной среде.

Соотношение «Процесс — Результат» и «Альтруизм — Эгоизм» находится в здоровом балансе с легким уклоном в сторону созидательной и социально-полезной активности.

Низкие показатели «эгоизма» и «власти» в сочетании с высокими показателями «труда» делают данные группы очень благоприятными для педагогического или психологического воздействия, так как участники не демонстрируют жесткого сопротивления или деструктивного лидерства.

Таблица 3.4 — Определение профилей коррупционного риска курсантов ЭГ и КГ

Профили риска	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Коррупционный профиль[26]	14	11,86	13	9,92
Профиль профессионального выгорания[27]	31	26,27	33	25,19
Антикоррупционный профиль[28]	73	61,86	85	64,89
Всего	118	100,00	131	100,00

Таблица 3.4 отражает распределение респондентов по трем ключевым профилям риска. Качественный анализ данных позволяет сделать следующие выводы.

Подавляющее большинство участников в обеих группах (61,86% в ЭГ и 64,89% в КГ) относятся к антикоррупционному профилю. Это свидетельствует о присутствии у большей части выборки твердых морально-этических установок, правового сознания и неприятия коррупционных практик. Данная категория лиц является «фундаментом» организационной стабильности и обладает высоким уровнем психологической резистентности к внешним соблазнам или давлению.

«Профессиональное выгорание» – второй по численности показатель (26,27% в ЭГ и 25,19% в КГ). Каждый четвертый респондент находится в состоянии эмоционального истощения или деперсонализации. В психологии труда выгорание часто рассматривается как предвестник перехода в «коррупционный профиль». Когда ресурс личности истощен, снижается уровень самоконтроля и этической бдительности. Таким образом, эта группа (около 25–26%) представляет собой потенциальный резерв рисков, требующий профилактических мер и психологической поддержки.

Наименьшую, но значимую часть выборки составляют лица с коррупционным профилем (11,86% в ЭГ и 9,92% в КГ). Примерно каждый

[26] Коррупционный профиль - Высокие: Деньги, Эгоизм, Власть, Результат и Низкие: Альтруизм, Труд.
[27] Профиль профессионального выгорания - Высокие: Процесс (инертность), Деньги (нехватка средств) и Низкие: Результат, Альтруизм.
[28] Антикоррупционный профиль - Высокие: Альтруизм, Труд, Результат (общественно полезный), Власть (как ответственность), и Низкие: Деньги, Эгоизм.

десятый участник исследования демонстрирует склонность к нарушению этических норм ради личной выгоды или имеет установки, оправдывающие коррупционное поведение.

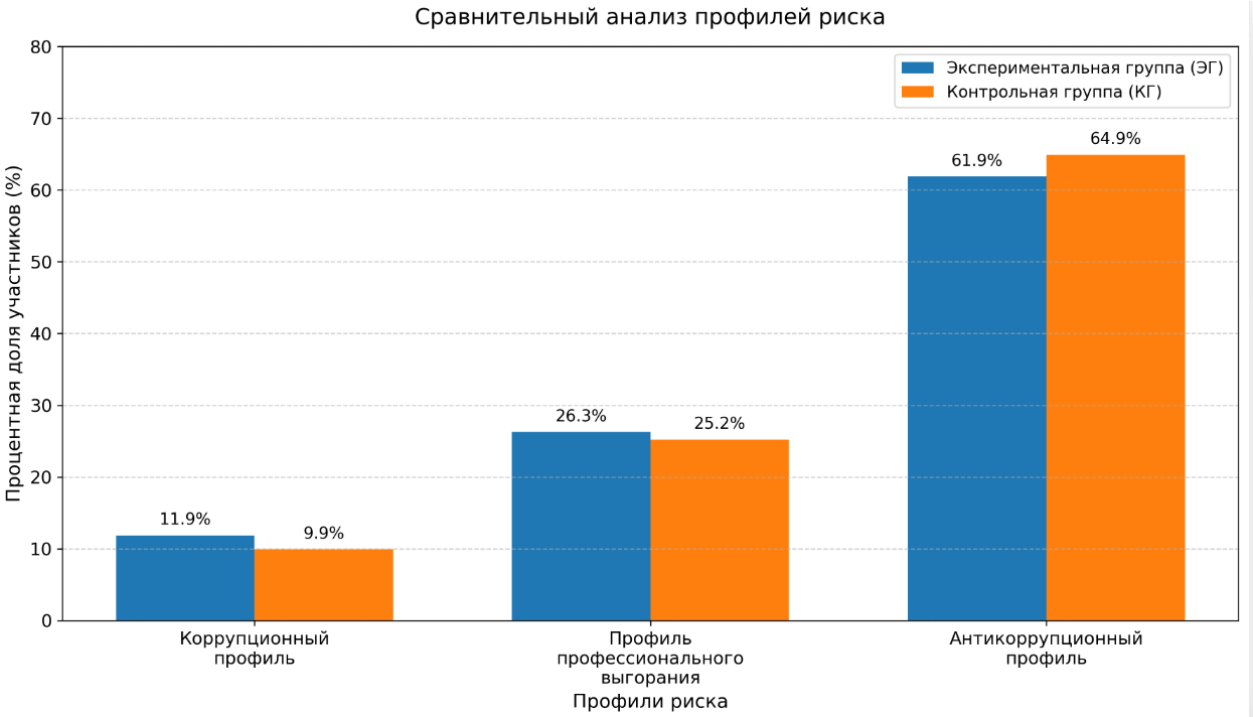

Рисунок 3.1 — Определение профилей коррупционного риска курсантов ЭГ и КГ

В ЭГ этот показатель чуть выше (на 1,94%), чем в КГ, что может быть связано с индивидуальными особенностями респондентов.

Данные ЭГ и КГ демонстрируют высокую степень идентичности. Разница по всем трем профилям не превышает 3%. Это подтверждает, что группы были подобраны корректно, они статистически однородны, и любые последующие изменения в ЭГ (после проведения эксперимента или обучения) можно будет считать результатом целенаправленного воздействия, а не случайного фактора.

В целом выборка характеризуется как этически здоровая (преобладание антикоррупционного профиля). Особое внимание следует уделить группе «выгорающих» (≈25%), так как именно за счет их коррекции можно существенно снизить общие риски организации. Работа с ними должна быть направлена на восстановление ресурсов и профилактику стресса.

Для «коррупционного профиля» (≈10–12%) требуются жесткие меры контроля и административного мониторинга, в то время как для «антикоррупционного» — программы поощрения и развития лидерских качеств.

Таблица 3.5 — Диагностика уровня правового сознания курсантов ЭГ и КГ

Блок	Типы правосознания	ЭГ		КГ	
		абс.	%	абс.	%
Бытовая сфера	Правовой нигилизм	0	0,00	0	0,00
	Правовой инфантилизм	1	0,85	1	0,76
	Правовой прагматизм (Цинизм)	1	0,85	2	1,53
	Зрелое (Демократическое) правосознание	116	98,31	128	97,71
Профессио-нальная деятельность	Правовой нигилизм[29]	1	0,85	2	1,53
	Правовой инфантилизм[30]	1	0,85	1	0,76
	Правовой прагматизм[31] (Цинизм)	0	0,00	0	0,00
	Зрелое (Демократическое) правосознание[32]	116	98,31	128	97,71
Гражданская сфера	Правовой нигилизм	1	0,85	1	0,76
	Правовой инфантилизм	2	1,69	2	1,53
	Правовой прагматизм (Цинизм)	2	1,69	3	2,29
	Зрелое (Демократическое) правосознание	113	95,76	125	95,42
Всего		118	100,00	131	100,00

Анализ результатов диагностики уровня и типов правового сознания в ЭГ и КГ группах по трём ключевым сферам жизнедеятельности позволяет сформулировать следующие качественные выводы:

[29] Высокая вероятность совершения преступлений. Человек искренне не понимает, почему «нельзя, если очень хочется». В армии — риск хищений ГСМ, имущества.

[30] Исполнитель чужой воли. Сам схему не придумает, но деньги передаст, если прикажут. Позиция: «Мне сказали — я сделал, я человек маленький».

[31] Самый опасный тип для коррупции высокого уровня. Он знает законы, но использует их как инструмент. Берет взятки аккуратно, создает коррупционные схемы. Внешне может казаться очень лояльным.

[32] Основа антикоррупционного поведения. Человек понимает ценность правил (инструкций) и договоренностей.

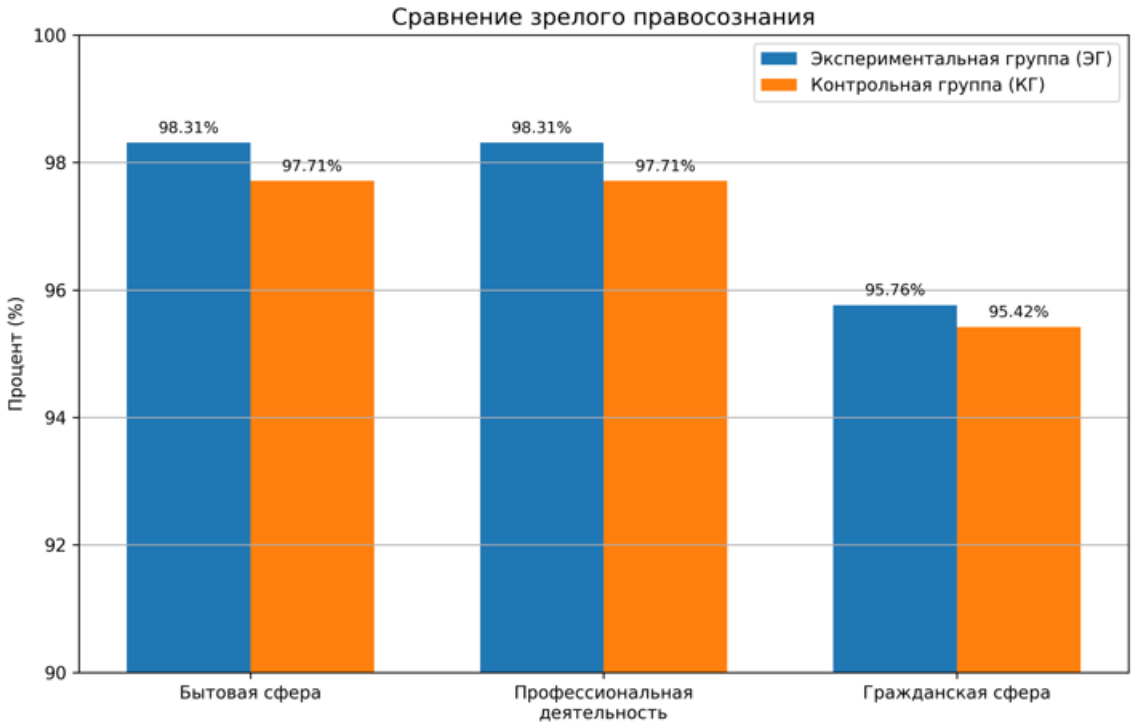

Рис. 3.2 — Сравнение зрелого правосознания курсантов ЭГ и КГ

Главной особенностью обеих выборок является исключительно высокий уровень правовой культуры. Доля респондентов со зрелым правосознанием во всех сферах превышает 95% (колеблется от 95,42% до 98,31%). Такой результат характеризует испытуемых как законопослушных, социально ответственных граждан с высоким уровнем правовой грамотности. Закон воспринимается ими не как внешняя принудительная сила, а как естественный регулятор общественных отношений, гарантирующий стабильность и справедливость.

Деструктивные типы правосознания — правовой нигилизм, инфантилизм и прагматизм (цинизм) — выражены на уровне статистической погрешности (не более 1–3 человек на всю группу). Правовой нигилизм (активное отрицание ценности права) практически отсутствует. В бытовой сфере зафиксировано 0% проявлений, в профессиональной и гражданской — менее 1,6%. Правовой инфантилизм (пассивное, незрелое отношение к праву, незнание своих прав и обязанностей) и правовой прагматизм

(потребительское, циничное использование законов исключительно в корыстных целях) также носят единичный характер.

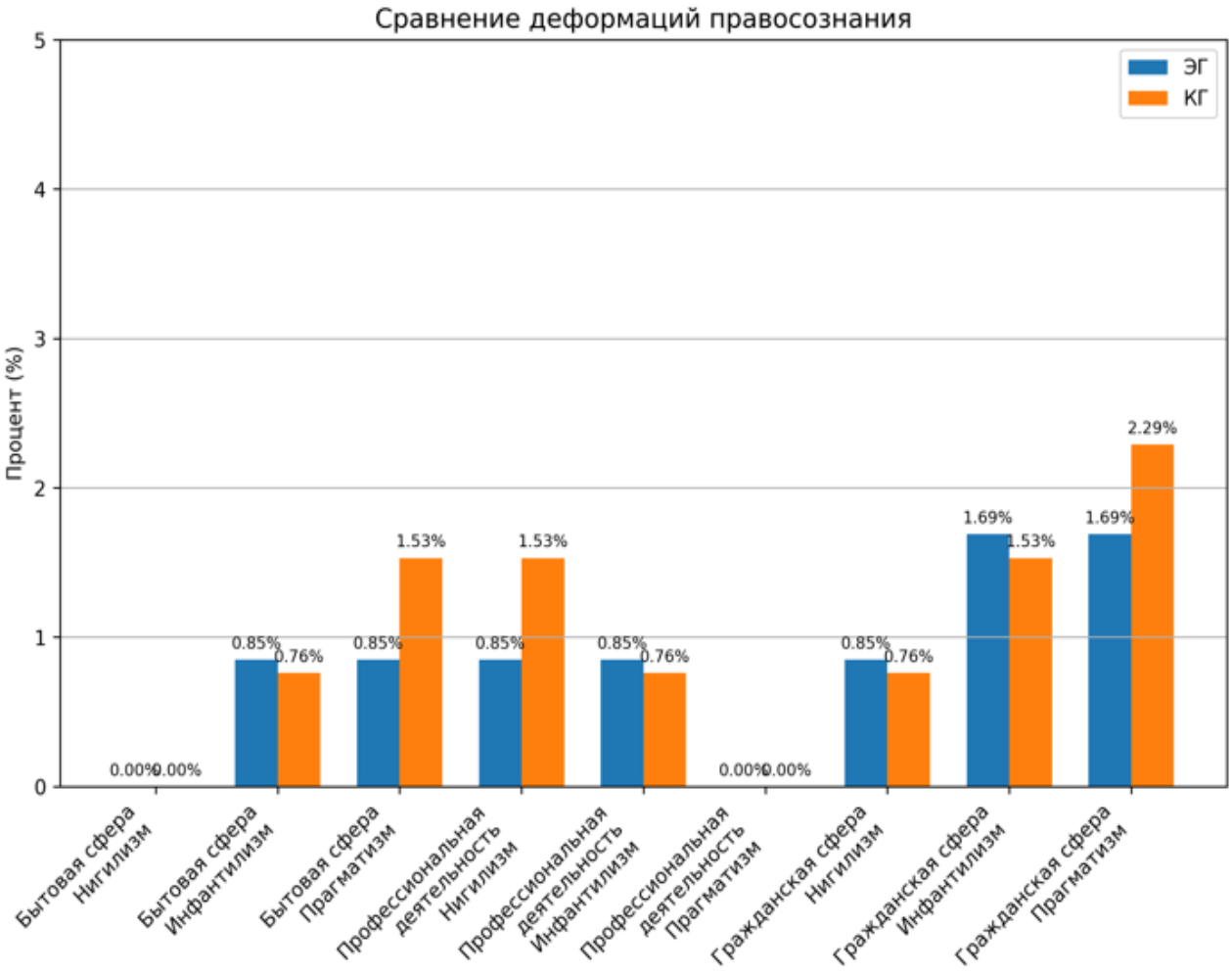

Рис. 3.3 — Сравнение деструктивных типов правосознания курсантов ЭГ и КГ

Несмотря на общие высокие показатели, прослеживается легкая дифференциация правосознания в зависимости от контекста.

Бытовая сфера и профессиональная деятельность демонстрируют максимальные показатели зрелости (~98% в обеих группах). Это указывает на то, что в повседневной жизни курсанты абсолютно четко ориентируются в правовом поле и руководствуются им.

Гражданская сфера имеет чуть более низкие показатели зрелости правосознания — около 95,5% (за счет незначительного увеличения доли инфантилизма и прагматизма до 1,5–2,3%). Это объясняется тем, что

гражданская сфера затрагивает более масштабные, макросоциальные связи. Тот факт, что здесь уровень зрелости ниже, может быть связан с ощущением некоторой дистанции между отдельным гражданином и государственной правовой системой, что иногда порождает легкие элементы прагматизма или инфантильности.

Для исследования данные результаты несут важный методический вызов, известный как «эффект потолка». Поскольку исходный уровень зрелости правосознания в обеих группах уже находится на высокой отметке (близкой к 100%), зафиксировать статистически значимый рост правосознания в ходе дальнейшего эксперимента будет затруднительно, так как количественно расти показателям практически некуда. В данном случае качественная ценность исследования смещается в сторону подтверждения стабильности и устойчивости уже сформированного высокого уровня правовой культуры курсантов.

Таблица 3.6 — Результаты диагностики жизненных ценностей курсантов ЭГ и КГ

Индекс антикоррупционный	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Индекс> 1 — прогноз благоприятный	101	85,59	110	83,97
Индекс <1 — преобладает материальная мотивация (риск)	17	14,41	21	16,03
Всего	118	100,00	131	100,00

Представленные в таблице 3.6 эмпирические данные отражают состояние ценностно-смысловой сферы курсантов ЭГ и КГ через призму антикоррупционного индекса.

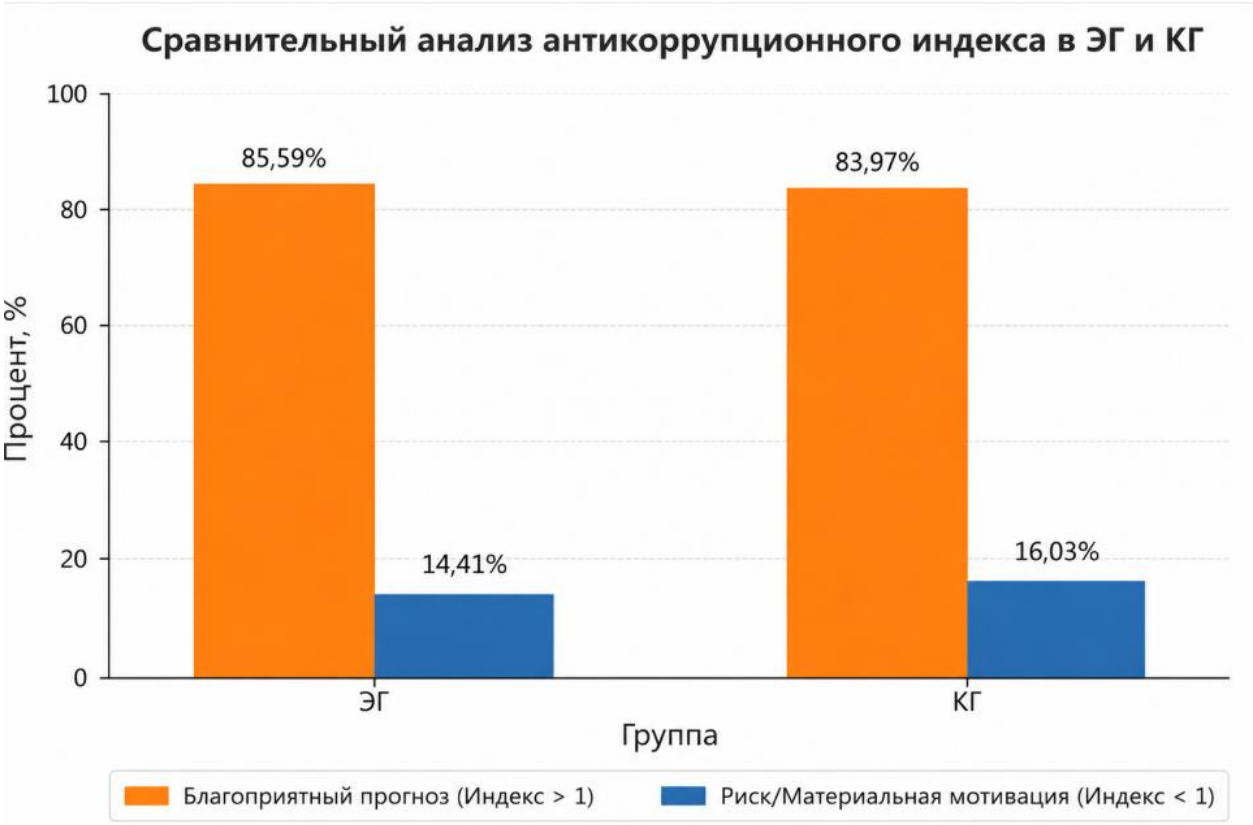

Рисунок 3.4 — Результаты диагностики жизненных ценностей курсантов ЭГ и КГ

Данный индекс является важным психологическим предиктором профессиональной надежности будущего военнослужащего. Он рассчитывается как отношение значимости духовно-нравственных, профессиональных ценностей (служение долгу, законность, общественная польза) к значимости сугубо прагматических, материальных ориентиров (высокий доход, личный комфорт, роскошь).

В обеих исследуемых группах наблюдается выраженное преобладание благоприятного прогноза (85,59% в ЭГ и 83,97% в КГ). Данный результат указывает на то, что для абсолютного большинства будущих специалистов приоритетными являются нематериальные ценности — профессиональный долг, законность, патриотизм и социальная ответственность. Личностный фундамент большинства курсантов характеризуется устойчивостью к коррупционным соблазнам, поскольку материальный фактор для них не является ведущим мотивом жизнедеятельности.

Столь высокие показатели свидетельствуют о качественном предварительном отборе кандидатов на обучение и об эффективности общей системы воспитательной работы в ведомственном вузе, которая транслирует традиционные ценности государственной службы.

Несмотря на позитивную общую картину, в обеих группах присутствует стабильный сегмент курсантов, у которых преобладает материальная мотивация (14,41% в ЭГ и 16,03% в КГ). Доминирование материальных ценностей над профессионально-нравственными у будущих сотрудников силовых ведомств или государственной службы выступает ключевым фактором риска. В условиях реальной профессиональной деятельности (связанной с властными полномочиями и доступом к ресурсам) такие специалисты могут быть более уязвимы к коррупционному давлению, поскольку личное обогащение и финансовое благополучие стоят в их внутренней иерархии выше требований закона и служебной этики.

В абсолютных цифрах группа риска составляет 17 человек в ЭГ и 21 человек в КГ. В масштабах будущей профессиональной деятельности это достаточно весомый показатель (примерно каждый шестой-седьмой курсант), требующий адресного психолого-педагогического внимания.

Различия между группами на данном этапе не носят радикального характера, что вполне объяснимо природой объекта исследования. Жизненные ценности — это наиболее глубокие структуры личности, которые формируются годами под влиянием семьи, микросреды и личного опыта. Они обладают высокой ригидностью и крайне трудно поддаются изменению в рамках краткосрочных или среднесрочных программ.

Если сопоставить результаты этой диагностики с общим уровнем правосознания курсантов (где показатели зрелого правосознания нередко достигают 95–99%), можно сделать важный качественный вывод.

Курсант может безупречно знать законодательство, искренне разделять демократические ценности на когнитивном уровне (высокий уровень правосознания) и понимать недопустимость коррупции. Однако

на глубинном мотивационном уровне (уровне жизненных ценностей) у него все ещё может доминировать стремление к материальному превосходству.

Это подтверждает, что одного лишь правового просвещения недостаточно для формирования антикоррупционной устойчивости. Работа должна затрагивать более глубокий — ценностно-смысловой и мотивационный уровень личности.

Выявленная группа риска (14–16% курсантов) нуждается в индивидуальном психолого-педагогическом сопровождении. Стандартных лекций о вреде коррупции для данной категории недостаточно; необходимы интерактивные методы работы (тренинги личностного роста, разбор морально-этических дилемм, формирование альтернативных источников нематериальной самореализации).

Личностный компонент (предрасположенность)

Личностный компонент антикоррупционного поведения — это совокупность индивидуально-психологических особенностей, которые определяют устойчивость человека к коррупционным соблазнам.

Таблица 3.7 — Результаты диагностики склонности к манипулированию людьми по шкале макиавеллизма среди курсантов ЭГ и КГ

Уровень макиавеллизма	Баллы	ЭГ		КГ	
		абс.	%	абс.	%
Высокий	выше 100	13	11,02	13	9,92
Средний	60–100	44	37,29	48	36,64
Низкий	ниже 60	61	51,69	70	53,44
Всего		118	100,00	131	100,00

Для оценки склонности испытуемых к манипулятивному поведению, цинизму и прагматизму в межличностных отношениях был проведен сравнительный анализ уровней макиавеллизма в ЭГ, (n=118) и КГ, (n=131) группах. Полученные количественные данные представлены в таблице 3.7.

Анализ распределения испытуемых по уровням макиавеллизма демонстрирует схожую тенденцию в обеих выборках.

Так низкий уровень макиавеллизма является доминирующим как в ЭГ (51,69%), так и в КГ (53,44%). Это указывает на то, что более половины респондентов в обеих группах склонны к бескорыстному взаимодействию, доверяют окружающим, ориентированы на искренность в общении и не склонны использовать манипулятивные стратегии для достижения личных целей.

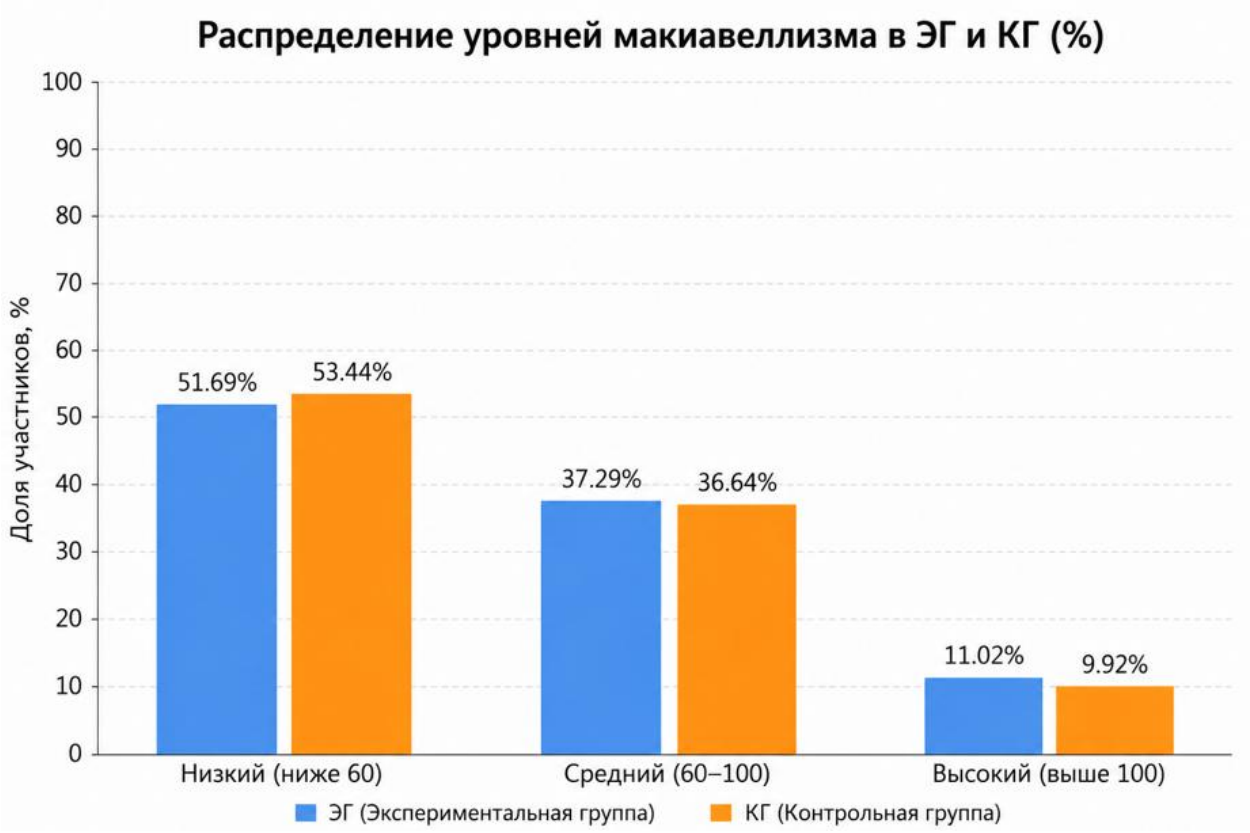

Рисунок 3.5 — Результаты диагностики склонности к манипулированию людьми по шкале макиавеллизма среди курсантов ЭГ и КГ

Средний уровень выявлен у трети выборки: 37,29% в ЭГ и 36,64% в КГ. Данный результат свидетельствует о наличии умеренной, адаптивной гибкости в поведении участников. Такие курсанты способны балансировать между здоровым прагматизмом и сохранением этических норм в общении, не злоупотребляя манипуляциями.

Высокий уровень макиавеллизма зафиксирован у наименьшего числа участников: 11,02% в ЭГ и 9,92% в КГ. Эти испытуемые характеризуются выраженной циничностью, склонностью к инструментальному использованию других людей, скрытому управлению чужим поведением ради собственной выгоды и эмоциональной отстраненностью. Малая доля таких ответов согласуется с общепопуляционными нормами, согласно которым выраженные макиавеллистические черты (как часть «Тёмной триады» личности) свойственны лишь относительно небольшому числу людей.

Сопоставление данных ЭГ и КГ позволяет сделать важный методологический вывод об их высокой однородности (эквивалентности) на этапе констатирующего эксперимента. Подобное распределение свидетельствует о сопоставимости исследуемых групп по данному психологическому признаку, что обеспечивает надежную основу для проведения дальнейшего формирующего этапа эксперимента и гарантирует внутреннюю валидность исследования.

Поведенческий компонент

Поведенческий компонент — это самый сложный для измерения элемент, так как он касается реальных действий или конкретных намерений человека.

Таблица 3.8 — Результаты диагностики склонности к отклоняющемуся поведению

Шкалы	Уровни	ЭГ		КГ	
		абс.	%	абс.	%
Установка на социальную желательность (Служебная ложь)	Высокий	2	1,69	2	1,53
	Средний	94	79,66	102	77,86
	Низкий	22	18,64	27	20,61
Склонность к преодолению норм и правил (Делинквентность)	Высокий	15	12,71	21	16,03
	Средний	72	61,02	80	61,07
	Низкий	31	26,27	30	22,90
Склонность к аддиктивному поведению	Высокий	8	6,78	7	5,34
	Средний	83	70,34	91	69,47

	Низкий	27	22,88	33	25,19
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	Высокий	11	9,32	9	6,87
	Средний	79	66,95	87	66,41
	Низкий	28	23,73	35	26,72
Склонность к агрессии и насилию	Высокий	18	15,25	22	16,79
	Средний	70	59,32	78	59,54
	Низкий	30	25,42	31	23,66
Волевой контроль эмоциональных реакций	Высокий	15	12,71	18	13,74
	Средний	81	68,64	85	64,89
	Низкий	22	18,64	28	21,37
Всего		118	100	131	100

На основе представленных в таблице 3.8 количественных данных выполнен качественный анализ результатов диагностики склонности курсантов к отклоняющемуся поведению (по методике СОП А.Н. Орла). Профили ЭГ и КГ по всем измеряемым параметрам имеют схожую структуру. Отсутствие резких контрастных различий между ними указывает на сопоставимость групп и их репрезентативность.

Шкала «Установка на социальную желательность / Служебная ложь» предназначена для оценки искренности испытуемых и их стремления приукрасить свои ответы. В обеих группах преобладает средний уровень (79,66% в ЭГ и 77,86% в КГ). Доля лиц с высоким уровнем минимальна (1,69% в ЭГ и 1,53% в КГ), а низкий уровень зафиксирован у 18,64% в ЭГ и 20,61% в КГ.

Преобладание средних значений указывает на то, что подавляющее большинство участников обеих групп отвечали на вопросы достаточно искренне, не пытаясь умышленно исказить результаты с целью казаться социально одобряемыми. Низкий уровень показателей также свидетельствует об открытости респондентов. Низкий процент высоких баллов говорит об отсутствии выраженной фальсификации результатов. Таким образом, данные по остальным шкалам можно охарактеризовать как достоверные и пригодные для качественного анализа.

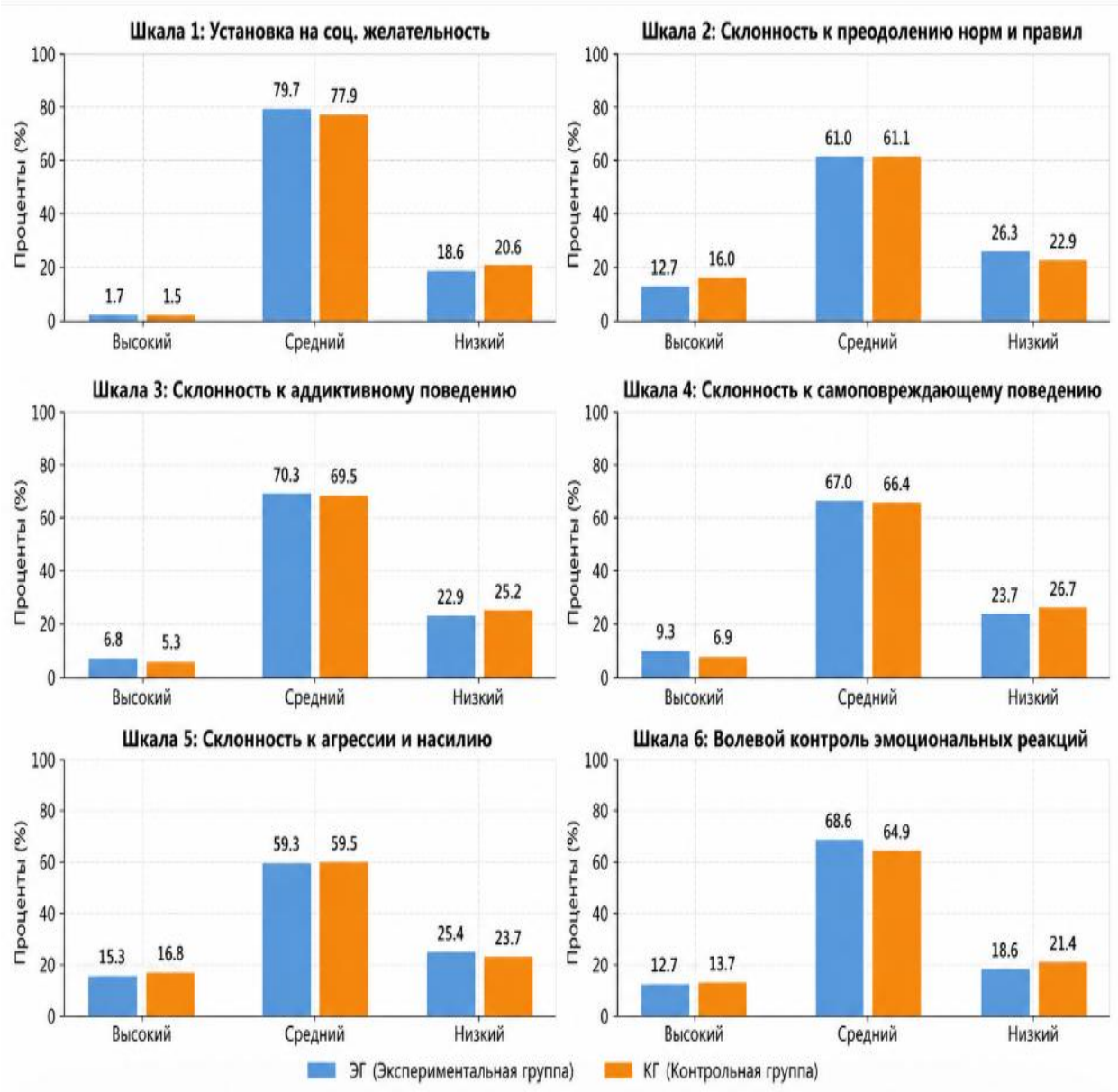

Рисунок 3.6 — Результаты диагностики склонности курсантов к отклоняющемуся поведению

Шкала «Склонность к преодолению норм и правил (делинквентность)» отражает границы готовности курсанта нарушать общепринятые правила и социальные требования. Средний уровень выражен у 61,02% (ЭГ) и 61,07% (КГ). Высокий уровень склонности к нарушениям отмечен у 12,71% в ЭГ и 16,03% в КГ. Низкий уровень зафиксирован у 26,27% в ЭГ и 22,90% в КГ.

То есть большинство респондентов демонстрируют взвешенное, умеренное отношение к правилам. Около четверти опрошенных имеют

низкий показатель, что указывает на склонность к компромиссам, конформизм и бережное отношение к традициям и нормам.

Шкала «Склонность к аддиктивному поведению» измеряет готовность к реализации различных видов зависимого поведения (химических или нехимических аддикций). Большая часть выборки находится в зоне среднего уровня (70,34% в ЭГ и 69,47% в КГ). Доля респондентов с высоким уровнем риска относительно мала (6,78% в ЭГ и 5,34% в КГ). Низкий уровень имеют 22,88% (ЭГ) и 25,19% (КГ).

Склонность к зависимостям не является ведущим фактором риска в данных группах. Подавляющее число респондентов демонстрируют умеренный (естественный) уровень уязвимости. Тем не менее небольшая группа участников (до 7% в ЭГ) требует профилактического внимания со стороны психологов.

Шкала «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» оценивает склонность к риску, аутоагрессии, пренебрежению личной безопасностью и ценностью жизни. Высокий уровень склонности к аутодеструкции выявлен у 9,32% в ЭГ и 6,87% в КГ. Средний уровень преобладает в обеих группах (~66-67%). Низкий уровень — у 23,73% в ЭГ и 26,72% в КГ. Большинство участников обладают достаточным инстинктом самосохранения и адаптивными механизмами совладания. При этом в ЭГ доля лиц с высокими показателями аутодеструкции выражена чуть сильнее (9,32%). Это может свидетельствовать о наличии скрытых личностных кризисов, повышенном уровне тревоги или склонности к экстремальному поведению у части испытуемых данной группы.

Шкала «Склонность к агрессии и насилию» диагностирует предрасположенность к агрессивному реагированию и использованию силы для решения конфликтов. Высокий уровень агрессивности обнаружен у 15,25% в ЭГ и 16,79% в КГ. Средний уровень зафиксирован у 59,32% (ЭГ) и 59,54% (КГ). Низкий уровень наблюдается у 25,42% в ЭГ и 23,66% в КГ.

Данный показатель — один из самых высоких в структуре девиаций обеих выборок (наряду со склонностью к нарушению норм). Примерно каждый шестой респондент склонен решать конфликтные ситуации с позиции давления и силы. Это указывает на то, что агрессивные тенденции представляют собой одну из ключевых потенциальных проблем социального взаимодействия в исследуемых группах.

Шкала «Волевой контроль эмоциональных реакций» имеет обратный характер. Это означает, что высокий уровень свидетельствует о слабости волевого контроля, а низкий уровень указывает на жесткий, подавляющий самоконтроль. Высокий уровень (слабый контроль) выявлен у 12,71% в ЭГ и 13,74% в КГ. Средний уровень контроля эмоциональной сферы наблюдается у 68,64% в ЭГ и 64,89% в КГ. Низкий уровень зафиксирован у 18,64% в ЭГ и 21,37% в КГ.

Таким образом, около 13% участников в обеих выборках испытывают трудности с саморегуляцией и сдерживанием сильных чувств, что повышает риск импульсивных девиантных поступков. При этом порядка 20% респондентов склонны к чрезмерному сдерживанию и подавлению своих эмоциональных проявлений. Основная же часть опрошенных (более 64%) обладает достаточными, гибкими механизмами эмоционально-волевого контроля.

В обеих группах наиболее выраженными девиантными рисками выступают склонность к агрессии и насилию (15,25% и 16,79%), а также склонность к преодолению норм и правил (12,71% и 16,03%). Данные тенденции часто подкрепляются сниженным волевым контролем эмоциональных реакций (у ~13% опрошенных).

Полученные результаты указывают на целесообразность проведения целенаправленной психопрофилактической работы в обеих группах. Основными мишенями для работы могут стать:

– обучение методам конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и снижения агрессивности;

– развитие навыков осознанной эмоциональной саморегуляции (для снижения импульсивных поведенческих реакций);

– формирование ценности правопослушного поведения.

Когнитивный компонент (знания)

Это совокупность знаний человека о коррупции, понимание правовых норм, осознание коррупционных рисков и способность распознать коррупционную ситуацию в реальности.

В таблице 3.9 представлены результаты диагностики усвоения правовых основ противодействия коррупции в военной среде.

Таблица 3.9 — Результаты диагностики усвоения правовых основ противодействия коррупции в военной среде

Уровень правовой грамотности	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	7	5,93	9	6,87
Средний	110	93,22	120	91,60
Низкий	1	0,85	2	1,53
Всего	118	100,00	131	100,00

Представленные в таблице 3.9 данные позволяют провести качественный и количественный анализ уровня правовой (антикоррупционной) грамотности курсантов ЭГ и КГ.

Суммарный объем выборки составляет 249 курсантов (118 человек — ЭГ и 131 человек — КГ). Распределение показателей в обеих группах демонстрирует высокую степень однородности. В обеих выборках подавляющее большинство испытуемых находится на среднем уровне правовой грамотности (93,22% в ЭГ и 91,60% в КГ).

Подавляющее большинство курсантов обладают базовыми правовыми знаниями. Они понимают общественную опасность коррупции, знают о недопустимости получения прямой денежной взятки и осознают неизбежность наказания за очевидные правонарушения. Однако качественные дескрипторы этого уровня указывают на наличие серьезных зон риска. Курсанты путают смежные юридические понятия

и детали законодательства (например, градацию сумм взяток, конкретные виды дисциплинарных и уголовных взысканий).

Существует когнитивный дефицит в понимании скрытых форм коррупции: предоставление услуг неимущественного характера или получение иных выгод часто не воспринимаются ими как правонарушение. Они могут испытывать трудности при оценке сложных юридических конструкций (например, квалификации посредничества во взяточничестве или процедурных механизмов увольнения в связи с утратой доверия).

Основная опасность для курсантов, показавших в ходе тестирования средний уровень, — совершение коррупционных правонарушений «по неосторожности» или вследствие недостаточной правовой осведомленности в ситуациях со сложным юридическим контекстом.

Высокий уровень выявлен у ЭГ — 5,93% (7 чел.), КГ — 6,87% (9 чел.). Курсанты этой группы обладают сформированным антикоррупционным мировоззрением и детальными правовыми знаниями. Они способны ориентироваться в юридических тонкостях, четко квалифицируют посредничество, понимают основания для конфискации имущества, осознают юридическое значение деятельного раскаяния. Для них коррупция — это не просто абстрактное «взяточничество», а системное правонарушение, включающее оказание услуг и получение неявных выгод. Но данный процент крайне мал для будущих сотрудников правоохранительных органов или государственной службы, что актуализирует необходимость целенаправленной образовательной работы.

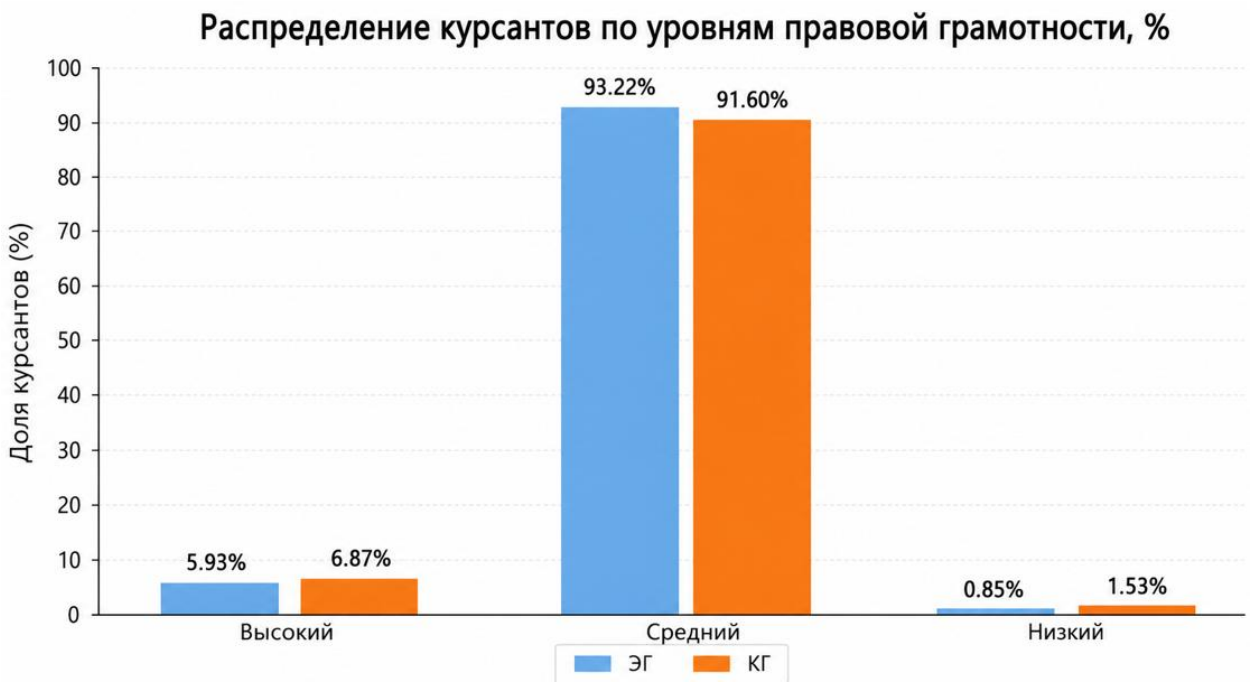

Рисунок 3.7 — Результаты диагностики уровня правовой антикоррупционной грамотности курсантов ЭГ и КГ

Низкий уровень показали: ЭГ — 0,85% (1 чел.), КГ — 1,53% (2 чел.). Они продемонстрировали критически низкий уровень знаний. Для этой категории характерны элементы правового нигилизма, непонимание общественной опасности так называемой «бытовой коррупции» и неологизмы в трактовке служебного долга. В отношении данных курсантов необходима индивидуальная профилактическая и разъяснительная работа со стороны командного и профессорско-преподавательского состава для коррекции их правосознания.

Для перевода курсантов из средней группы в высокую в ходе дальнейшей образовательной/экспериментальной работы рекомендуется:

Внедрить в учебный процесс разбор реальных юридических прецедентов, связанных с тонкими механизмами квалификации (посредничество, конфликт интересов, получение услуг под видом подарков).

Уделить особое внимание изучению антикоррупционных процедур: порядку уведомления о склонении к совершению правонарушения, механизмам увольнения в связи с утратой доверия и т. д.

Провести точечные беседы с курсантами, показавшими низкий результат, для выявления причин правовых пробелов и их оперативного устранения.

Результаты констатирующего эксперимента подтверждают гипотезу о необходимости модернизации процесса правовой подготовки курсантов. Основным вектором дальнейшей педагогической работы должно стать смещение фокуса с пассивного усвоения общих юридических норм на практико-ориентированное обучение, направленное на преодоление пробелов в знаниях и перевод обучающихся из категории «среднего» уровня в категорию «высокого» уровня правовой грамотности.

Рефлексивный компонент

Это способность человека осознавать свои внутренние психические акты, критически оценивать свои мотивы и соотносить свои поступки с моральными идеалами и правовыми нормами.

Таблица 3.10 — Результаты диагностики уровня развития рефлексии курсантов ЭГ и КГ

Уровень рефлексивности	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	6	5,08	8	6,11
Средний	81	68,64	85	64,89
Низкий	31	26,27	38	29,01
Всего	118	100,00	131	100,00

Анализ процентного соотношения результатов уровней рефлексивности курсантов ЭГ и КГ показывает схожую структуру распределения в обеих выборках. Средний уровень является преобладающим в обеих группах. В ЭГ он выявлен у 68,64% курсантов, а в КГ — у 64,89%.

Низкий уровень рефлексивности занимает второе место по численности. В ЭГ этот показатель составляет 26,27%, в КГ — 29,01%.

Высокий уровень зафиксирован у наименьшего числа участников в обеих выборках. В ЭГ высокий уровень рефлексии продемонстрировали всего 5,08%, в КГ — 6,11%.

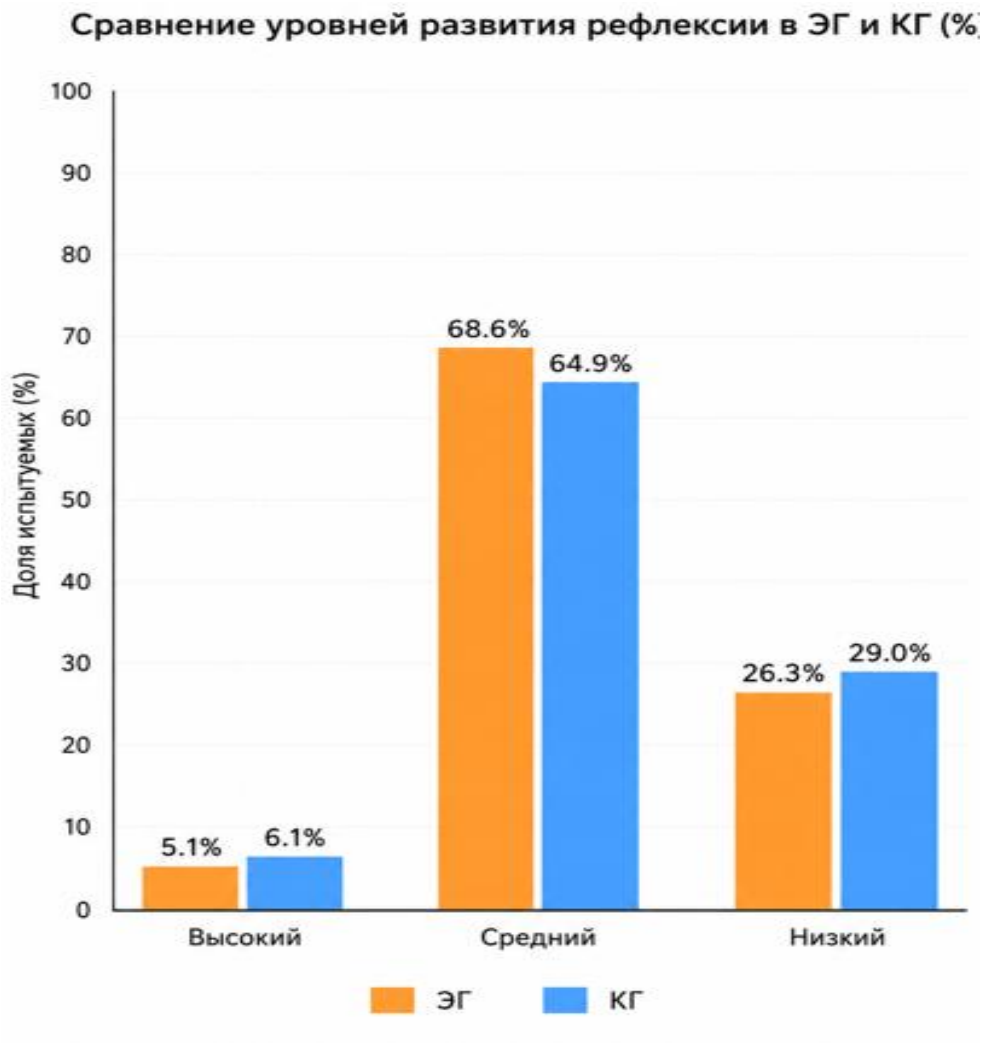

Рисунок 3.8 — Результаты диагностики уровня развития рефлексии курсантов ЭГ и КГ

Визуально распределения в группах выглядят практически идентичными, с незначительными отклонениями в пределах нескольких процентов.

В таблице 3.11 представлены результаты диагностики (типологии) курсантов ЭГ и КГ, исходя из уровня развития моральных суждений.

Результаты анализируются по двум шкалам: «Справедливость» и «Забота». Но важна не только высота баллов по этим шкалам, но и их соотношение.

Таблица 3.11 – Результаты типологии курсантов ЭГ и КГ

Типология (сочетание шкал)	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Сбалансированный тип[33]	26	22,03	25	19,08
Автономный (справедливый) тип[34]	19	16,10	23	17,56
Альтруистический (заботящийся) тип[35]	42	35,59	45	34,35
Прагматический тип[36]	31	26,27	38	29,01
Всего	118	100,00	131	100,00

На основе представленных в таблице 3.11 данных можно провести качественный анализ распределения личностно-профессиональных типов среди курсантов ЭГ и КГ.

Представленные типы отражают различные стратегии принятия решений и уровень этической зрелости, что имеет критическое значение для будущих специалистов в области права.

При анализе обеих групп (ЭГ и КГ) отчетливо выделяются две наиболее многочисленные категории:

– альтруистический (заботящийся) тип является преобладающим в обеих выборках:35,59% в ЭГ и 34,35% в КГ. Почти у трети будущих юристов превалирует стремление к сохранению отношений и конформизм;

– прагматический тип занимает второе место по численности: 26,27% в ЭГ и 29,01% в КГ. Более чем у четверти курсантов мотивация строится вокруг личной выгоды.

Суммарно эти два типа, несущие в себе повышенные профессиональные риски (конформизм или эгоистический интерес), составляют более 60% выборки как в ЭГ (61,86%), так и в КГ (63,36%).

[33] (Высокая Справедливость + Высокая Забота)
[34] (Высокая Справедливость + Низкая Забота)
[35] (Низкая Справедливость + Высокая Забота)
[36] (Низкие показатели по обеим шкалам)

Данный факт указывает на выраженную потребность в целенаправленной психолого-педагогической работе с курсантами.

Показатели групп имеют схожую общую структуру.

В ЭГ доля курсантов, имеющих «сбалансированный» тип, несколько выше: 22,03% против 19,08% в КГ. Данный тип характеризует курсантов, способных сочетать букву закона с человечностью и гибкостью.

Автономный тип в КГ выражен чуть сильнее: 17,56% против 16,10% в ЭГ. Курсанты этого типа обладают высокой антикоррупционной устойчивостью, однако склонны к бескомпромиссности, что может усложнять межличностное взаимодействие в коллективе.

Для качественной оценки будущей профессиональной деятельности курсантов можно разделить выявленные типы на условные зоны надежности.

Зона профессиональной надежности и устойчивости: это сбалансированный + автономный типы (ЭГ — 38,13%; КГ — 36,64%). Курсанты этой группы ориентированы на соблюдение правил и закона. В «автономном» варианте упор делается на жесткую нормативность, что хорошо для исполнительских и контролирующих функций, но несет риск профессионального выгорания и конфликтов. В «сбалансированном» варианте проявляется наиболее зрелая профессиональная позиция, позволяющая принимать взвешенные решения в сложных, нестандартных юридических ситуациях.

Зона потенциального конформного риска: ЭГ — 35,59%; КГ — 34,35%. Это наиболее многочисленная группа в исследовании. Парадокс «альтруистического» типа для военного юриста заключается в том, что внешне положительные качества (забота, эмпатия, стремление помочь) в условиях профессиональной деформации или группового давления превращаются в уязвимость. Из-за страха испортить отношения или ложно понятого чувства корпоративной солидарности эти курсанты могут оказаться ведомыми и допустить компромисс с совестью или законом.

Зона высокого коррупционного и девиантного риска (прагматический тип): ЭГ — 26,27%; КГ — 29,01% (38 человек). Курсанты, у которых слабо развиты как шкала справедливости, так и шкала заботы. Их ведущим мотивом выступает целесообразность и личная выгода. В юридической практике этот тип представляет наибольшую опасность, так как закон и профессиональный долг могут восприниматься ими лишь как инструменты для достижения личных целей.

Рисунок 3.9 — Типология курсантов ЭГ и КГ

Общий профиль выборки свидетельствует о необходимости усиления воспитательной и психологической подготовки курсантов. Преобладание конформно-альтруистических и прагматических ориентаций (суммарно более 60%) требует корректирующих мер.

В отношении «альтруистического» типа психологическую работу целесообразно направить на развитие суверенности личности, навыков противостояния групповому давлению (умение сказать «нет») и понимания

того, что истинная помощь человеку в правовом поле часто требует твердого следования закону, а не потакания слабостям.

В отношении «прагматического» типа важен жесткий внешний контроль, формирование четкого понимания неотвратимости наказания за правонарушения, а также развитие правосознания через демонстрацию долгосрочных рисков девиантного поведения для их собственной карьеры.

В отношении «автономного» типа полезно развивать гибкость, эмоциональный интеллект и навыки разрешения конфликтов, чтобы их приверженность правилам не приводила к деструктивному поведению в коллективе.

Институционально-средовой (или организационный) компонент

Институционально-средовой (или организационный) компонент — это «внешний контур» антикоррупционного поведения. Он измеряет не саму личность, а то, насколько среда (организация, ведомство) способствует честному поведению или, наоборот, провоцирует коррупцию. Измерение этого компонента требует сочетания объективных данных и субъективных оценок.

Таблица 3.12 — Результаты диагностики организационной справедливости курсантами ЭГ и КГ

Шкала	Уровень	ЭГ		КГ	
		абс.	%	абс.	%
Распределительная справедливость[37]	Высокий	36	30,51	43	32,82
	Низкий	82	69,49	88	67,18
Процедурная справедливость	Высокий	49	41,53	51	38,93
	Низкий	69	58,47	80	61,07
Межличностная справедливость	Высокий	77	65,25	86	65,65
	Низкий	41	34,75	45	34,35
Информационная справедливость	Высокий	71	60,17	74	56,49
	Низкий	47	39,83	57	43,51
Всего		118	100,00	131	100,00

[37] Для антикоррупционного мониторинга критически важными являются блоки Процедурной и Распределительной справедливости. Если баллы по ним ниже 3.0, среда в организации считается коррупциогенной.

Распределительная справедливость отражает субъективную оценку курсантами справедливости распределения ресурсов, учебной нагрузки, поощрений, взысканий и оценок. В обеих группах доминирует низкий уровень (69,49% в ЭГ и 67,18% в КГ). Большинство курсантов-юристов испытывают неудовлетворенность тем, как именно распределяются результаты их деятельности. Они могут воспринимать систему оценивания, распределения нарядов, поощрений или учебной нагрузки как субъективную, не соответствующую их реальному вкладу и усилиям. Это наиболее критическая зона, требующая внимания руководства.

Процедурная справедливость оценивает справедливость самих правил и процедур, используемых для принятия решений в образовательной организации, а также возможность курсантов влиять на эти процессы. По шкале «Процедурная справедливость» преобладает низкий уровень (58,47% в ЭГ и 61,07% в КГ), хотя показатели несколько лучше, чем в распределительной справедливости. Больше половины курсантов считают, что процедуры принятия решений (например, при назначении на должности, переводе, наложении дисциплинарных взысканий) недостаточно прозрачны, непоследовательны или не дают возможности высказать свое мнение. Тем не менее около 40% респондентов оценивают процедуры позитивно, что указывает на наличие определенного регламентированного порядка, который воспринимается ими как стабильный.

Межличностная справедливость отражает отношение к курсантам со стороны руководства (офицеров, преподавателей): проявление уважения, вежливости, сохранение достоинства при взаимодействии. Здесь наблюдается выраженное преобладание высокого уровня (65,25% в ЭГ и 65,65% в КГ). Данный показатель является наиболее благополучным. Большинство курсантов чувствуют уважительное отношение к себе как к личности со стороны командного и преподавательского состава. Межличностные коммуникации строятся на принципах вежливости и соблюдения субординации без ущемления личного достоинства, что крайне

важно для специфики военизированных или ведомственных учебных заведений.

Информационная справедливость определяет качество, своевременность и полноту объяснений со стороны руководства относительно принимаемых решений и правил. Большинство курсантов демонстрируют высокий уровень восприятия (60,17% в ЭГ и 56,49% в КГ). Курсанты в целом удовлетворены качеством информирования. Руководство и преподаватели стремятся разъяснять причины тех или иных решений (например, изменения в расписании, требования к зачетам, введение новых правил). Информация доводится вовремя и в доступной форме, что снижает уровень неопределенности в коллективе.

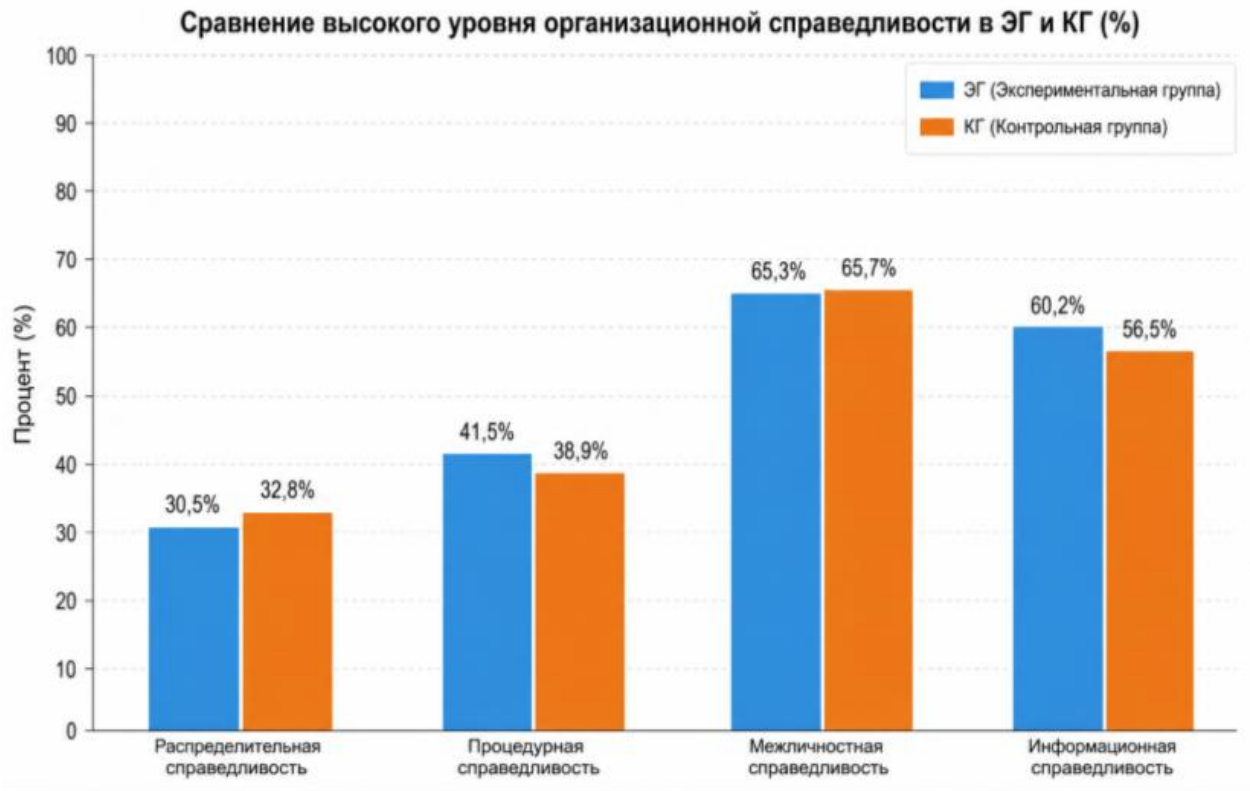

Рисунок 3.10 — Результаты диагностики организационной справедливости курсантами ЭГ и КГ

Анализ профиля организационной справедливости позволяет разделить ее компоненты на две условные группы.

Социально-коммуникативный блок (межличностная и информационная справедливость) находится на высоком уровне (свыше 55–65%). Это свидетельствует о развитой культуре общения, открытости информационных каналов и уважительном отношении к курсантам. Командный и преподавательский состав умеет находить общий язык с подчиненными и доступно объяснять свои требования.

Институционально-процессуальный блок (распределительная и процедурная справедливость) находится на преимущественно низком уровне (58–69% неудовлетворенных). Это указывает на то, что «слабым местом» организационной среды являются сами механизмы распределения благ и нагрузки, а также жесткость и непрозрачность процедур принятия решений. Курсанты могут уважать конкретных руководителей (высокая межличностная справедливость), но при этом считать саму систему распределения обязанностей или оценок несправедливой.

Для повышения общего уровня организационной справедливости целесообразно направить усилия на формализацию и объективизацию критериев оценки, разработку максимально прозрачных и понятных правил при распределении нарядов, поощрений, рейтинговых баллов, создать каналы, через которые курсанты могли бы цивилизованно выражать свое мнение по поводу организационных процессов, не нарушая при этом уставных требований.

3.3. Реализация комплекса мероприятий по формированию нетерпимости к коррупции

Предлагаемая программа формирования антикоррупционного поведения курсантов рассчитана на 3 года обучения и соответствует модели формирования антикоррупционного поведения курсантов, описанной в параграфе 2.4. Структурно она разделена на пять взаимосвязанных блоков:

целевой, методологический, содержательный, организационный и оценочно-результативный.

В каждый блок интегрированы шесть ключевых компонентов личностного развития курсантов: когнитивный, мотивационно-ценностный, личностный, рефлексивный, поведенческий и институционально-средовой (организационный).

1. ЦЕЛЕВОЙ БЛОК

Целевой блок определяет общую направленность программы, ее задачи и планируемые ориентиры развития личности курсантов.

Цель программы: формирование устойчивой готовности курсантов к антикоррупционному поведению в будущей профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Задачи программы:

1. Сформировать систему правовых и этических знаний о природе коррупции и мерах противодействия ей (когнитивный компонент).

2. Формировать внутреннюю нетерпимость к любым проявлениям коррупции, коррупционному поведению и уважение к служебному долгу (мотивационно-ценностный компонент).

3. Развить волевые качества, психологическую стойкость к манипуляциям и этическую устойчивость должностного лица (личностный компонент).

4. Обучить навыкам самоанализа и выявления скрытых рисков (включая личную заинтересованность и конфликт интересов) (рефлексивный компонент).

5. Сформировать устойчивые практические навыки отказа от взятки, соблюдения запретов и урегулирования споров исключительно в правовом поле (поведенческий компонент).

6. Обеспечить здоровую, прозрачную и антикоррупционную среду в образовательной организации (институционально-средовой компонент).

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК

Методологический блок описывает теоретико-методологическую основу, на которой строится образовательный и воспитательный процесс.

Методологический блок выступает концептуальным фундаментом программы, определяющим теоретическую базу, подходы к обучению и классификацию применяемых педагогических технологий.

1. Теоретико-методологические подходы и концепции:

Аксиологический подход рассматривает формирование антикоррупционного поведения через призму ценностных ориентаций личности. Антикоррупционная устойчивость позиционируется не как внешнее требование, а как внутренний ценностный ориентир, органически связанный
с понятиями чести, достоинства и верности присяге (*мотивационно-ценностный компонент*).

Компетентностный подход направлен на формирование конкретных профессиональных компетенций в сфере противодействия коррупции. Результатом обучения становится не просто набор знаний, а способность оперативно применять правовые нормы и этические стандарты
в нестандартных служебных ситуациях (*когнитивный и поведенческий компоненты*).

Теория деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) исходит из принципа, что личность и её профессиональное сознание формируются и проявляются непосредственно в процессе активной целенаправленной деятельности. Обучение строится на активных действиях курсантов (решение практических задач, моделирование процедур) (*поведенческий компонент*).

Концепция профессиональной деформации личности позволяет своевременно прогнозировать, выявлять и профилактировать негативные изменения личностных качеств курсантов (цинизм, правовой нигилизм, деформация ценностей), возникающие под воздействием специфики будущей правоохранительной службы (*личностный компонент*).

Теория контекстного обучения (А.А. Вербицкий) предполагает последовательное моделирование в учебном процессе реального предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности курсанта. Переход от учебной деятельности к профессиональной осуществляется через систему квазипрофессиональных ситуаций (разбор кейсов, ролевые игры) (*поведенческий и рефлексивный компоненты*).

Теория установки (Д.Н. Узнадзе) направлена на формирование у курсантов бессознательной внутренней готовности (установки) к безусловному отвержению любых коррупционных предложений. Установка формируется через многократное моделирование и закрепление правильных поведенческих алгоритмов в процессе тренингов (*личностный и поведенческий компоненты*).

Теория правосознания и правовой культуры военнослужащих служит основой для формирования уважения к закону, понимания социальной ценности права и правовых норм, регулирующих прохождение государственной службы, а также личной ответственности за соблюдение законности (*когнитивный и мотивационно-ценностный компоненты*).

Концепция морально-психологического обеспечения (МПО) служебно-боевой деятельности обеспечивает подготовку курсантов к выполнению задач в условиях повышенных психологических нагрузок и морального давления, формируя у них высокую психологическую устойчивость, готовность противодействовать манипуляциям и способность сохранять верность долгу в экстремальных условиях (*личностный и институционально-средовой компоненты*).

Реализация программы опирается на систему методов и технологий, распределенных по уровням применения и по решаемым целям и задачам.

Таблица 3.13 — Классификация педагогических технологий и методов программы

<table>
<tr><td colspan="4">Классификация педагогических технологий программы</td></tr>
<tr><td colspan="4">По уровню применения:</td></tr>
<tr><td>Общепедагогические</td><td>Частнометодические</td><td colspan="2">Модульные</td></tr>
<tr><td>Создание среды;
Личностный пример;
Прозрачность требований</td><td>Тренинги отказа;
Разбор судебных кейсов</td><td colspan="2">Спецкурс «Основы антикоррупционного безопасности правоохранительной деятельности»</td></tr>
<tr><td colspan="4">По целям и задачам:</td></tr>
<tr><td>Дидактические</td><td>Развивающие</td><td>Комбинированные</td><td>Информационно-коммуникационные</td></tr>
<tr><td>Лекции;
Семинары;
Тесты;
Законодательные акты</td><td>Тренинг воли;
Разбор моральных дилемм</td><td>Симуляции;
Деловые игра;
Стажировки;
Практики</td><td>Создание видеороликов;
Компьютерные тесты;
Базы данных</td></tr>
</table>

Общепедагогические технологии охватывают весь образовательно-воспитательный процесс вуза, формируя общую культуру законности: создание бескоррупционной вузовской среды (*институционально-средовой компонент*); трансляцию личного примера командного состава; внедрение кодексов этики, открытость процедур оценивания и распределения поощрений.

Частнометодические технологии направлены на решение локальных задач антикоррупционного воспитания в рамках отдельных тем и дисциплин:

1) технологии проведения специализированных тренингов по бесконфликтному отказу от взятки;

2) методики юридического и психологического анализа коррупционных правонарушений на практических занятиях по уголовному праву и криминалистике.

Модульные технологии направлены на организацию учебного материала в виде автономных, завершенных блоков (модулей), усвоение которых контролируется на каждом этапе, и построение спецкурса «Основы антикоррупционной безопасности военной и правоохранительной службы» в виде системы модулей (например, Модуль 1: «Правовые рамки», Модуль 2: «Конфликт интересов», Модуль 3: «Психологическая устойчивость»).

Дидактические технологии направлены на трансляцию, усвоение и проверку систематизированных теоретических знаний (проблемные лекции, лекции-визуализации, семинары-дискуссии, терминологические диктанты, тестирование на знание нормативно-правовых актов (*когнитивный компонент*).

Развивающие технологии ориентированы на развитие личностных качеств, волевой саморегуляции, аналитического мышления и рефлексии.

Они находят свое применение в психологических практикумах по развитию стрессоустойчивости, групповых обсуждениях сложных моральных дилемм, упражнениях на развитие волевого самоконтроля и предупреждение профессиональной деформации (*личностный и рефлексивный компоненты*).

Комбинированные технологии сочетают в себе элементы получения знаний, психологического развития и практического освоения профессиональных ролей: интерактивные деловые игры (моделирование заседаний аттестационных комиссий по урегулированию конфликта интересов), симуляции допросов или проверок, междисциплинарные практические задачи, стажировки во внешних ведомствах (*поведенческий компонент*).

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) направлены на использование цифровых инструментов для повышения наглядности, объективности контроля и вовлечения курсантов в созидательную деятельность. Это: разработка электронных тестов в системе дистанционного обучения (далее – СДО) вуза, создание курсантами мультимедийных

социальных проектов и видеороликов против коррупции, использование цифровых баз судебных решений для поиска и анализа кейсов.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ БЛОК

Содержательный блок определяет тематическое наполнение программы, структуру учебного материала и его распределение по годам обучения.

Содержание обучения строится на принципе постепенного усложнения задач и ориентировано на формирование правовой культуры служащего.

Таблица 3.14 — Распределение содержания по этапам (курсам обучения)

Содержательные этапы		
1 курс Стартово-ориентирующий	2 курс Формирующий	3 курс Рефлексивно-деятельностный
Акцент на этических основах правовой грамотности и привыкание к правилам вуза	Глубокое изучение теории в спецкурсе, тренинги отказа, анализ судебной практики	Отработка практических навыков перед практикой, анализ реального опыта

1-й год обучения (I курс): упор на аксиологический подход и теорию правосознания. Формирование базовых ценностей государственной службы, понимания социальной роли юриста, ознакомление со стандартами поведения в вузе.

2-й год обучения (II курс): интеграция теории контекстного обучения и компетентностного подхода. Внедрение спецкурса «Основы антикоррупционной безопасности военной и правоохранительной службы» (72 часа, II курс). Разбор ситуаций конфликта интересов, урегулирование правовых коллизий.

Рабочая программа специального курса «Основы антикоррупционной безопасности военной и правоохранительной службы»

Объем курса: 72 академических часа (2 зачетные единицы).

Распределение часов: 18 часов — лекции, 36 часов — практические занятия (семинары, тренинги, деловые игры), 18 часов — самостоятельная работа курсантов.

Период освоения: 2-й курс (3-й или 4-й семестр).

Форма итогового контроля: зачет с оценкой.

I. ПАСПОРТ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ КУРСА

1. Цель и задачи освоения дисциплины

Цель: формирование у курсантов системных антикоррупционных компетенций, устойчивой ценностной установки на безусловное соблюдение закона, а также практических навыков противодействия коррупционному давлению в будущей служебной деятельности.

Задачи:

1. Изучить правовые и организационные механизмы предупреждения коррупции и борьбы с ней в Российской Федерации (*когнитивный компонент*).

2. Развить у курсантов ценностную нетерпимость к коррупционному поведению и глубокое уважение к профессиональному долгу (*мотивационно-ценностный компонент*).

3. Сформировать навыки распознавания и преодоления ситуаций конфликта интересов и иных коррупционных рисков на службе *(рефлексивный компонент).*

4. Отработать поведенческие алгоритмы уверенного отказа от взятки, фиксации фактов склонения к правонарушениям и законного реагирования на них *(поведенческий компонент).*

5. Сформировать личностную психологическую устойчивость к внешнему давлению и предотвратить профессиональную деформацию *(личностный компонент).*

2. Формируемые компетенции (в соответствии с ФГОС ВО)

В результате освоения дисциплины курсант должен обладать следующими компетенциями:

ОПК-1 (Общепрофессиональная компетенция): Способность соблюдать Конституцию Российской Федерации, руководствуясь принципами законности, патриотизма и профессиональной этики.

ПК-1 (Профессиональная компетенция): Способность осуществлять профессиональную деятельность в сфере обеспечения антикоррупционной безопасности, выявлять, пресекать и предупреждать коррупционные правонарушения на государственной службе.

Таблица 3.15 — Тематический план курса (72 часа)

№ п/п	Наименование разделов и тем	Всего (час)	Лекции (час)	Практ. занятия (час)	Сам. работа (час)	Ведущие подходы и компоненты
Раздел 1 Теоретико-правовые основы антикоррупционной безопасности (18 часов)						
1.1	Коррупция как угроза национальной безопасности. Сущность и виды коррупции.	6	2	2	2	Аксиологический подход; теория правосознания. *Когнитивный, мотивационно-ценностный компоненты.*
1.2	Международное и отечественное антикоррупционное законодательство.	6	2	2	2	Теория правосознания; компетентностный подход. *Когнитивный компонент.*
1.3	Правовой статус военнослужащего и сотрудника: запреты, ограничения, обязанности.	6	0	4	2	Компетентностный подход. *Когнитивный, институционально-средовой компоненты.*

Раздел 2 Противодействие коррупции в служебной деятельности (26 часов)						
2.1	Конфликт интересов на военной и правоохранительной службе: выявление и урегулирование.	10	2	6	2	Теория контекстного обучения. *Рефлексивный, поведенческий компоненты.*
2.2	Юридическая ответственность за коррупционные правонарушения. Судебная практика.	8	2	4	2	Теория деятельности; компетентностный подход. *Когнитивный, рефлексивный компоненты.*
2.3	Обязанность уведомления о склонении к коррупции: правовой и служебный алгоритмы.	8	0	4	4	Теория деятельности. *Поведенческий, институционально-средовой компоненты.*
Раздел 3 Психология антикоррупционной безопасности и этика службы (28 часов)						
3.1	Профессиональная деформация личности и ее профилактика в условиях службы.	8	2	4	2	Концепция профессиональной деформации личности. *Личностный, рефлексивный компоненты.*
3.2	Психология коррупционного давления. Тренинг «Отказ от взятки».	10	2	6	2	Теория установки; концепция МПО служебной деятельности. *Личностный, поведенческий компоненты.*
3.3	Морально-этический кодекс юриста и ценностный выбор в экстремальных ситуациях.	10	6 (семинар-дискуссия)	4	2	Аксиологический подход; теория правосознания. *Мотивационно-ценностный компонент.*
	ИТОГО	72	18	36	18	

3. Содержание разделов и тем курса

Раздел 1. Теоретико-правовые основы антикоррупционной безопасности

Тема 1.1. Коррупция как угроза национальной безопасности. Сущность и виды коррупции

Лекция (2 часа): Социально-экономическая, политическая и морально-нравственная природа коррупции. Коррупция как деструктивный фактор национальной безопасности. Виды коррупции: бытовая, деловая, верхушечная, системная. Место коррупции в правоохранительной и военной сферах: специфика, риски, последствия.

Практическое занятие (2 часа): Дискуссия по теории правосознания и правовой культуры. Анализ социальных издержек коррупции (на основе социологических данных).

Самостоятельная работа (2 часа): Подготовка эссе на тему: «Влияние правовой культуры военнослужащих/полицейских на уровень коррупции в государстве».

Тема 1.2. Международное и отечественное антикоррупционное законодательство

Лекция (2 часа): Международные стандарты противодействия коррупции (Конвенция ООН против коррупции). Источники антикоррупционного права в РФ. Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: понятийный аппарат, базовые принципы и направления государственной политики.

Практическое занятие (2 часа): Работа с текстами нормативных актов. Составление сравнительной таблицы мер противодействия коррупции в РФ и зарубежных странах.

Самостоятельная работа (2 часа): Изучение Национального плана противодействия коррупции на текущий период.

Тема 1.3. Правовой статус военнослужащего и сотрудника: запреты, ограничения, обязанности

Практическое занятие (4 часа): Детальный разбор законодательных запретов (на занятие предпринимательской деятельностью, получение подарков, участие в управлении НКО). Разбор понятий «близкое родство или свойство» при прохождении службы. Требования к представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Самостоятельная работа (2 часа): Изучение методических рекомендаций Минтруда РФ по заполнению справок о доходах и расходах. Выявление типичных ошибок при декларировании.

Раздел 2. Противодействие коррупции в служебной деятельности

Тема 2.1. Конфликт интересов на военной и правоохранительной службе: выявление и урегулирование

Лекция (2 часа): Понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» в российском законодательстве. Типовые ситуации возникновения конфликта интересов (с родственниками, бывшими работодателями, коммерческими структурами). Порядок и сроки уведомления представителя нанимателя.

Практическое занятие (6 часов, на основе теории контекстного обучения): Имитация работы «Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов».

Ход занятия: группе предлагается сценарий (например, следователь расследует дело, где фигурирует фирма его близкого родственника). Часть курсантов выступают членами комиссии, часть — сотрудником и его представителем. Оценивается юридическая правильность выносимого решения, соблюдение процедуры рассмотрения уведомлений и аргументированность выводов членов комиссии.

Самостоятельная работа (2 часа): Подготовка письменного проекта уведомления о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

Тема 2.2. Юридическая ответственность за коррупционные правонарушения. Судебная практика

Лекция (2 часа): Дисциплинарная ответственность (увольнение в связи с утратой доверия). Административная ответственность юридических и физических лиц. Уголовная ответственность должностных лиц (ст. 290, 291, 291.1, 285, 286 УК РФ).

Практическое занятие (4 часа, компетентностный подход): Анализ судебных кейсов. Работа с материалами приговоров судов из баз данных «КонсультантПлюс» или «Гарант». Группы курсантов проводят правовой анализ квалификации преступных деяний, оценивают адекватность наказания и выявляют факторы, способствовавшие совершению преступления.

Самостоятельная работа (2 часа): Подготовка аналитической справки по одному из предложенных судебных решений по уголовным делам о коррупции в военных ведомствах или правоохранительных органах.

Тема 2.3. Обязанность уведомления о склонении к коррупции: правовой и служебный алгоритмы

Практическое занятие (4 часа, теория деятельности): Составление пошаговой карты действий сотрудника при попытке склонения его к совершению коррупционного правонарушения. Анализ ведомственных приказов (МВД, Минобороны, ФСБ) о порядке уведомления. Составление рапорта/уведомления о факте обращения в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения.

Самостоятельная работа (4 часа): подготовка презентации по теме: «Гарантии государственной защиты и конфиденциальности лиц, уведомивших о фактах коррупции».

Раздел 3. Психология антикоррупционной безопасности и этика службы

Тема 3.1. Профессиональная деформация личности и ее профилактика в условиях службы

Лекция (2 часа): Сущность профессиональной деформации юриста. Психологические механизмы размывания моральных ориентиров («теория разбитых окон» в поведении, иллюзия контроля, десенсибилизация к нарушениям закона). Стадии формирования девиантного поведения должностного лица.

Практическое занятие (4 часа, концепция профессиональной деформации личности): Семинар-самоанализ. Использование психологических тестов для выявления уровня профессионального выгорания и предрасположенности к деформации. Разработка индивидуальных карт психологической самопомощи и профилактики эмоционального выгорания.

Самостоятельная работа (2 часа): Анализ научной статьи по психологии деформации личности сотрудников правоохранительных органов (по выбору курсанта).

Тема 3.2. Психология коррупционного давления. Тренинг «Отказ от взятки»

Лекция (2 часа): Технологии манипулирования и психологического давления, используемые взяткодателями и посредниками (втягивание в неформальные отношения, апелляция к авторитету, шантаж, провокация). Барьеры психологической устойчивости личности.

Практическое занятие (6 часов, теория установки и концепция МПО служебно-боевой деятельности): Психологический тренинг уверенного отказа в квазипрофессиональных ситуациях.

Ход занятия: Моделирование ситуаций давления (в кабинете, на посту, в неформальной обстановке). Отработка вербальных формулировок и невербального поведения (уверенный голос, жесткая дистанция, отсутствие оправдательных интонаций). Анализ ошибок курсантов с использованием видеосъемки и последующей рефлексии.

Самостоятельная работа (2 часа): Составление личной памятки-алгоритма «Мой речевой кодекс отказа от коррупционного взаимодействия».

Тема 3.3. Морально-этический кодекс юриста и ценностный выбор в экстремальных ситуациях

Семинар-дискуссия (6 часов, аксиологический подход): Обсуждение классических и профессиональных этических дилемм. Например, дилемма «свой — чужой» (когда закон нарушает коллега или близкий друг), дилемма «меньшего зла», дилемма ложной солидарности. Моральный выбор в условиях экстремального риска или карьерных угроз.

Практическое занятие (4 часа): Защита курсантами своих антикоррупционных проектов (социальная инфографика, концепция видеоролика).

Самостоятельная работа (2 часа): Подготовка к зачету.

4. Организационно-методический и технологический инструментарий

В рамках преподавания спецкурса применяются технологии, разделенные по целям и уровням применения:

1. По целям и задачам:

Дидактические технологии: интерактивные лекции с использованием презентаций, терминологические коллоквиумы, лекции-дискуссии с приглашенными экспертами (офицерами собственной безопасности, прокурорами).

Развивающие технологии: кейс-метод (case-study) по разбору реальных уголовных дел; тренинги личностного роста, направленные на развитие волевого самоконтроля и этического мышления (моральные дилеммы Л. Кольберга).

Комбинированные технологии: ролевые игры с видеофиксацией и последующим групповым разбором поведения курсанта; симуляция работы этических комиссий и разбора служебных инцидентов.

Информационно-коммуникационные технологии: использование СДО (систем дистанционного обучения) для контроля знаний; работа с цифровыми базами юридических данных; самостоятельная разработка

курсантами медиаконтента (социальных видеороликов, плакатов в графических редакторах).

2. По уровню применения:

Общепедагогические: создание в процессе занятий атмосферы высокой требовательности, абсолютного равенства всех курсантов перед правилами оценивания, уважительного диалога.

Частнометодические: авторские методики ролевых игр «Отказ от взятки», методические рекомендации по анализу конфликта интересов у сотрудников правоохранительных органов.

Модульные: программа разбита на 3 автономных учебных модуля с рубежным контролем успеваемости по окончании каждого.

5. Оценочно-результативный и диагностический инструментарий

Оценка успешности освоения спецкурса проводится по балльно-рейтинговой системе (максимум — 100 баллов, из которых до 60 баллов набирается в семестре за практическую работу, а 40 баллов — на зачете).

Примеры вопросов к зачёту:

1. Понятие коррупции и ее влияние на национальную и военную безопасность РФ.

2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция): цели, задачи, основные понятия.

3. Запреты и ограничения, налагаемые на военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов в целях предупреждения коррупции.

4. Порядок декларирования доходов, расходов и имущества государственными служащими. Последствия выявления недостоверных сведений.

5. Понятие конфликта интересов и личной заинтересованности. Алгоритм действий сотрудника при его возникновении.

6. Порядок работы Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

7. Уголовная ответственность за получение, дачу взятки и посредничество во взяточничестве.

8. Обязанность уведомления о фактах склонения к коррупции: нормативно-правовая база, сроки, процедура, последствия невыполнения.

9. Профессиональная деформация личности юриста: причины, фазы развития, профилактика.

10. Психологическая тактика отказа от взятки при оказании давления со стороны взяткодателя.

11. Морально-этические основы служебной деятельности и разрешение профессиональных дилемм на службе.

Пример практического задания (кейса) для зачета:

Ситуация: Курсант Иванов, проходя практику в должности дознавателя, расследует дело о мелкой краже, совершенной местным жителем С. В ходе допроса С. намекает, что его родной дядя руководит крупным автосервисом и готов бесплатно и вне очереди провести капитальный ремонт личного автомобиля Иванова, если уголовное дело будет прекращено за примирением сторон.

Задание курсанту:

Квалифицируйте действия гражданина С. с точки зрения уголовного законодательства.

Возникает ли в действиях Иванова конфликт интересов? Каковы его законодательные рамки?

Опишите пошаговый алгоритм действий Иванова в данной ситуации: формы рапортов, сроки их подачи, круг лиц, которых он обязан уведомить.

Разыграйте устный сценарий диалога Иванова с гражданином С., демонстрирующий отказ от неформального предложения.

Пример тестового задания для рубежного контроля:

1. Каков срок уведомления представителя нанимателя (руководителя) о возникновении конфликта интересов или о возможности его возникновения?

А) Незамедлительно, как только служащему стало об этом известно. (Правильный ответ)

Б) В течение 3 рабочих дней.

В) Не позднее 10 календарных дней.

Г) В течение одного месяца.

2. Какое из перечисленных действий НЕ относится к понятию «конфликт интересов»?

А) Рассмотрение дела в отношении коммерческой организации, где учредителем является супруга должностного лица.

Б) Получение беспроцентного займа от компании, деятельность которой контролирует данное должностное лицо.

В) Приобретение должностным лицом акций крупного государственного банка на открытом рынке без использования инсайдерской информации. (Правильный ответ)

Г) Участие в аттестационной комиссии, рассматривающей кандидатуру близкого родственника.

6. Материально-техническое и информационное обеспечение курса

Технические средства обучения:

Мультимедийная аудитория (компьютер, проектор, экран) для проведения лекций-визуализаций;

Камера и видеомонитор в тренинговом кабинете для записи и разбора ролевых игр.

Программное обеспечение:

Лицензионные справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» с доступом к актуальному законодательству РФ.

Учебная литература:

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.

Учебник и практикум для вузов / под ред. Е. В. Охотского.

Профессиональная этика и служебный этикет: Учебник для вузов / под ред. В. Я. Кикотя.

Методические материалы Минтруда России по вопросам противодействия коррупции на государственной службе (актуальные редакции).

3-й год обучения (III курс): Интеграция антикоррупционного содержания в другие дисциплины:

Уголовное право: углубленный разбор статей о коррупционных преступлениях (получение, дача взятки, посредничество, злоупотребление полномочиями).

Профессиональная этика юриста: рассмотрение кодексов чести, ценностных конфликтов и стандартов честной службы.

Административное право: изучение служебных ограничений, обязанностей госслужащих и декларирования доходов.

Криминалистика: тактика и методы фиксации и расследования фактов получения/дачи взяток.

Реализация теории установки, концепции МПО и профилактики профессиональной деформации. Психологическая подготовка к выходу на практику, закрепление автоматических навыков противодействия провокациям взяткодателей.

Пример 1. Занятие по разбору реальных судебных кейсов

Формат: семинар-практикум с элементами деловой игры.

Как проходит занятие: преподаватель делит взвод (группу) на малые подгруппы (по 4–5 человек). Каждой группе выдаются деперсонализированные материалы реальных уголовных дел (приговоры судов, материалы служебных проверок) в отношении бывших сотрудников правоохранительных органов или военнослужащих, осужденных по ст. 290, 291 УК РФ.

Задача групп: провести юридический и психологический анализ ситуации.

Вопросы для анализа:

Каковы были объективные и субъективные причины, подтолкнувшие сотрудника к совершению преступления?

В какой момент ситуация перешла из плоскости профессиональной ошибки или халатности в плоскость уголовного преступления?

Каковы последствия данного преступления лично для сотрудника (карьера, семья, свобода), для ведомства и для общества в целом?

Какие превентивные меры (со стороны руководства или самого сотрудника) могли предотвратить данный исход?

Результат: Каждая группа презентует свои выводы. В процессе обсуждения курсанты наглядно видят, что кажущаяся «легкость» и «безопасность» получения выгоды в реальности оборачивается разрушением жизни, потерей специального звания, конфискацией имущества и реальным сроком заключения.

Пример 2. Тренинг «Отработка отказа от взятки» (Ролевая игра)

Формат: социально-психологический тренинг.

Как проходит занятие: занятие проводит преподаватель кафедры психологии совместно с преподавателем кафедры уголовного права/процесса. Пространство аудитории делится на зону симуляции («кабинет следователя», «пост ДПС», «кабинет военкома») и зону наблюдателей.

Сценарий: курсант выступает в роли должностного лица. Профессиональный актер (или подготовленный курсант старшего курса) играет роль взяткодателя (правонарушителя, родственника обвиняемого, представителя коммерческой структуры).

Ход симуляции: взяткодатель начинает оказывать завуалированное или прямое давление, используя различные манипулятивные техники («просьба

о помощи», апелляция к «общему знакомству», предложение «компенсации

за беспокойство», скрытые угрозы жалобами или, наоборот, предложением продвижения по службе).

Задача курсанта:

Распознать попытку склонения к коррупционному правонарушению.

Сохраняя эмоциональный баланс, вежливо, но твердо отказать взяткодателю, используя исключительно юридически выверенные формулировки (например: «Ваши действия содержат признаки состава преступления, предусмотренного статьей... УК РФ. Я обязан доложить о данном инциденте руководству»).

Зафиксировать факт обращения (имитация составления рапорта или уведомления установленного образца).

Рефлексия (обсуждение): наблюдатели и ведущие анализируют вербальные и невербальные реакции курсанта. Разбираются ошибки (неуверенность в голосе, оправдывающийся тон, продолжение диалога после намека на деньги). Курсанты тренируют психологическую стойкость к манипуляциям.

Пример 3. Встреча с представителями прокуратуры

Формат: Панельная дискуссия «без галстуков».

Как проходит занятие: вместо скучной лекции-доклада организуется живой диалог. Представитель прокуратуры (например, прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции) делится статистикой, а также рассказывает о методах выявления скрытой коррупции, включая современные технологии (мониторинг расходов, анализ цифровых следов, счетов, имущества родственников). Курсанты задают заранее подготовленные и спонтанные вопросы. Особое внимание уделяется теме «Защита заявителей»: как защищен сотрудник, который доложил о коррупционном предложении со стороны своего коллеги или начальника. Это снимает страх перед системой и закладывает основу для здорового правового поведения.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ БЛОК

Организационный блок регламентирует внедрение описанных технологий в образовательную среду вуза и повседневную практику управления.

1-й год обучения (I курс): этап адаптации и ценностного ориентирования.

Первичная диагностика правосознания; формирование понимания чести мундира.

Кураторами учебных групп проводятся беседы на темы: «Честь и профессиональное достоинство юриста», «Почему коррупция разрушает правоохранительную систему».

Встреча с представителем военной прокуратуры или надзорных ведомств на тему: «Законность как основа службы: реальные последствия первых дисциплинарных проступков».

Конкурс антикоррупционных плакатов: организация творческого конкурса рисунков и инфографики. Выставка работ проводится в фойе учебного корпуса для визуального закрепления антикоррупционных месседжей.

2-й год обучения (II курс): практико-деятельностный этап.

Освоение спецкурса «Основы антикоррупционной безопасности военной и правоохранительной службы»;

развитие навыков распознавания рисков;

отработка тактик поведения под давлением.

Разбор реальных судебных кейсов. На практических занятиях курсанты делятся на малые группы. Преподаватель выдает материалы реальных уголовных дел (без персональных данных).

Пример занятия: *группа анализирует дело следователя, осужденного за получение взятки. Курсанты должны выявить: какие ошибки в регулировании личных контактов совершил подсудимый, в какой момент*

возник «конфликт интересов» и какие альтернативные, законные решения он мог принять.

Ролевые игры и тренинги (отработка отказа от взятки):

Пример занятия: в имитационной зоне разыгрывается сцена «Взяткодатель и следователь» или «Взяткодатель и инспектор». Роль взяткодателя играет подготовленный аспирант или психолог, который использует психологические ловушки (жалость, дружеские связи, предложение взаимных услуг, скрытые угрозы). Задача курсанта — вежливо, но юридически безукоризненно отказать, прервать диалог, составить уведомление о склонении к правонарушению. Наблюдатели из числа курсантов анализируют поведение коллеги и фиксируют вербальные ошибки.

Конкурс видеороликов. Курсанты создают короткие (до 3 минут) ролики социальной рекламы против коррупции. Конкурс способствует глубокой внутренней рефлексии ценностей.

3-й год обучения (III курс): рефлексивно-аналитический этап

Закрепление навыков перед выходом на практику; итоговая самооценка и анализ служебной среды.

Разбор типичных коррупционных ловушек, с которыми молодой юрист сталкивается в период юридической практики (предложения «решить вопрос», неформальные подарки от заявителей).

Обсуждение реальных конфликтных ситуаций, свидетелями которых курсанты могли стать. Анализ того, как функционируют антикоррупционные механизмы на местах.

Пример практического занятия на основе теории контекстного обучения и концепции профессиональной деформации. Тема: «Границы допустимого поведения следователя во внеслужебное время».

Форма: семинар-кейс (частнометодическая комбинированная технология).

Ход занятия: курсантам предлагается реальный судебный кейс, где сотрудник правоохранительных органов постепенно вовлекался в коррупционную схему через бытовые, казалось бы, безобидные дружеские одолжения от знакомых коммерсантов (оплата счета в ресторане, помощь с ремонтом автомобиля). Используя концепцию профессиональной деформации, курсанты анализируют психологический механизм утраты бдительности сотрудником. Они фиксируют этапы «размывания» его личной этической установки и предлагают комплекс мер самоконтроля, которые помогли бы предотвратить деформацию.

Пример тренинга на основе теории установки и концепции МПО служебно-боевой деятельности.

Тема: «Психологическая самооборона должностного лица при попытке подкупа».

Форма: интерактивная игра-симуляция (частнометодическая развивающая технология).

Ход занятия: в ходе симуляции курсант сталкивается с агрессивным или изощренным психологическим давлением со стороны условного нарушителя. Задача тренинга — выработать автоматическую защитную реакцию (установку) на пресечение незаконного контакта. Курсанты тренируют навыки сохранения психологического равновесия под прицелом провокаций (скрытая аудиозапись, шантаж карьерой), отрабатывают речевые модули отказа, предписанные служебным регламентом и требованиями МПО боевой и служебной деятельности.

Для укрепления институционально-средового компонента в образовательной организации проводится целенаправленная трансформация системы управления:

Внедрение анонимного компьютерного тестирования, обязательная аудио- или видеофиксация устных экзаменов для минимизации субъективного фактора преподавателя.

Четкая регламентация процесса распределения увольнений, отпусков, нарядов и поощрений, перевод этих процессов в цифровую прозрачную форму (рейтинговая система).

Функционирование ящиков доверия и закрытых интернет-приемных руководства для анонимных обращений о вымогательствах, поборах на нужды подразделения или предвзятом отношении.

Командиры подразделений (офицеры-воспитатели):

обеспечивают строгий личный пример. Любые формы неформальных услуг от курсантов (ремонт за счет курсантов, покупка оргтехники взводом, выполнение личных поручений) полностью исключаются;

регулярно проводят воспитательную работу «на равных», разъясняя курсантам их права и обязанности при возникновении спорных ситуаций.

Кураторы учебных групп:

проводят постоянный этико-психологический мониторинг настроений в учебных группах;

помогают курсантам справляться с внутренними этическими дилеммами, выступая в роли конфиденциального советника.

ОЦЕНОЧНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ БЛОК

Оценочно-результативный блок содержит критерии, показатели и методики оценки эффективности реализации программы, а также предполагаемые результаты.

Таблица 3.16 — Критерии и показатели сформированности антикоррупционного поведения

Критерий	Показатели оценки	Инструменты диагностики
Когнитивный	Знание антикоррупционного законодательства, служебных ограничений и алгоритма действий при конфликте интересов.	Тестирование по спецкурсу, терминологические диктанты.

Мотивационно-ценностный	Выраженность установки на честную службу, нетерпимость к взяткам, ценность профессиональной репутации.	Анкетирование (анонимное), опросник ценностных ориентаций (М. Рокич).
Личностный	Уровень психологической устойчивости к манипуляциям, честность, независимость суждений.	Психологические личностные тесты, наблюдение психолога в ходе ролевых симуляций.
Рефлексивный	Способность идентифицировать конфликт интересов, прогнозировать юридические и личные последствия нарушений.	Решение ситуационных задач на выявление конфликта интересов, глубина анализа кейсов.
Поведенческий	Способность вежливо и уверенно отказать при попытке подкупа, точное соблюдение регламентов уведомления.	Оценка действий курсанта в ходе интерактивного тренинга (чек-лист действий).
Институционально-средовой	Уровень доверия курсантов к командованию вуза, оценка справедливости распределения благ и поощрений.	Мониторинг социально-психологического климата, анонимное анкетирование удовлетворенности.

Для подтверждения эффективности программы осуществляется сопоставление показателей в двух группах.

Экспериментальная группа (ЭГ) обучается с применением данной программы.

Контрольная группа (КГ) обучается по стандартной программе подготовки без акцентированных тренингов.

Итоговая оценка эффективности программы основывается на сравнении динамики роста показателей во всех пяти личностных компонентах (когнитивном, мотивационно-ценностном, личностном, рефлексивном, поведенческом) у курсантов ЭГ по сравнению с КГ.

Данная программа позволяет системно подойти к вопросу воспитания курсантов, переводя антикоррупционное просвещение из разряда формальных лекций в плоскость практических навыков и глубоких личностных убеждений.

3.4. Анализ динамики результатов и методические рекомендации

Мотивационно-ценностный компонент

Анализ динамики результатов проведен после реализации программы формирования нетерпимости к коррупции.

Анализ результатов, представленных в таблице 3.17, позволяет выявить особенности динамики ценностных ориентаций курсантов ЭГ и КГ до и после проведения формирующей программы. Сопоставление полученных данных показывает, что наиболее выраженные изменения наблюдаются именно в экспериментальной группе, тогда как в контрольной группе сдвиги имеют менее значительный и менее системный характер.

В целом результаты свидетельствуют о положительной динамике в структуре ценностных ориентаций участников ЭГ. По итогам формирующей программы по большинству рассматриваемых параметров отмечается увеличение доли испытуемых с высоким и средним уровнями выраженности социально и личностно значимых ориентаций, а также снижение доли лиц с низким уровнем. Подобная тенденция может рассматриваться как показатель эффективности реализованной программы. В КГ также зафиксированы отдельные положительные изменения, однако они выражены слабее, что позволяет предположить влияние именно экспериментального фактора на выявленную динамику.

Таблица 3.17 — Динамика результатов мотивационной направленности курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Ориентация на:	Уровни	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Процесс	Высокий	37	31,36	48	40,68	45	34,35	47	35,88
	Средний	56	47,46	59	50,00	58	44,27	66	50,38
	Низкий	25	21,19	11	9,32	28	21,37	18	13,74
Результат	Высокий	31	26,27	35	29,66	33	25,19	41	31,30
	Средний	66	55,93	74	62,71	78	59,54	78	59,54
	Низкий	21	17,80	9	7,63	20	15,27	12	9,16
Альтруизм	Высокий	29	24,58	37	31,36	35	26,72	36	27,48
	Средний	62	52,54	70	59,32	68	51,91	77	58,78
	Низкий	27	22,88	11	9,32	28	21,37	18	13,74
Эгоизм	Высокий	15	12,71	4	3,39	13	9,92	9	6,87
	Средний	71	60,17	79	66,95	80	61,07	88	67,18
	Низкий	32	27,12	35	29,66	38	29,01	34	25,95
Свобода	Высокий	8	6,78	1	0,85	7	5,34	4	3,05
	Средний	97	82,20	106	89,83	106	80,92	107	81,68
	Низкий	13	11,02	11	9,32	18	13,74	20	15,27
Власть	Высокий	16	13,56	4	3,39	15	11,45	17	12,98
	Средний	77	65,25	101	85,59	91	69,47	95	72,52
	Низкий	25	21,19	13	11,02	25	19,08	19	14,50
Труд	Высокий	35	29,66	42	35,59	44	33,59	43	32,82
	Средний	60	50,85	70	59,32	62	47,33	70	53,44
	Низкий	23	19,49	6	5,08	25	19,08	18	13,74
Деньги	Высокий	14	11,86	4	3,39	13	9,92	9	6,87
	Средний	74	62,71	93	78,81	85	64,89	94	71,76
	Низкий	30	25,42	21	17,80	33	25,19	28	21,37
Всего		118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

По шкале «Результат» также выявлена положительная динамика, прежде всего в ЭГ. Увеличение доли высокого уровня с 26,27% до 29,66% при одновременном снижении низкого уровня с 17,80% до 7,63% позволяет говорить об усилении ориентации на достижение конкретного и значимого результата деятельности. В КГ наблюдаются сходные изменения, однако они носят более умеренный характер.

Особый интерес представляет динамика по шкале «Альтруизм». В ЭГ зафиксирован рост высокого уровня с 24,58% до 31,36% и снижение низкого уровня с 22,88% до 9,32%. Это может свидетельствовать об усилении социальной направленности личности, развитии установки на учет интересов других людей и повышении значимости просоциального поведения. В КГ положительные изменения также присутствуют, однако выражены слабее.

По шкале «Эгоизм», напротив, положительным результатом следует считать снижение выраженности высокого уровня. В ЭГ данный показатель уменьшился с 12,71% до 3,39%, что свидетельствует о существенном ослаблении эгоцентрической направленности. В КГ аналогичная тенденция также наблюдается, однако ее интенсивность значительно ниже. Следовательно, именно в ЭГ коррекция эгоистической ориентации проявилась наиболее отчетливо.

Несколько более неоднозначные результаты получены по шкале «Свобода». В экспериментальной группе доля высокого уровня снизилась с 6,78% до 0,85%, тогда как средний уровень возрос с 82,20% до 89,83%. С одной стороны, это может указывать на снижение чрезмерной выраженности данной ориентации и на формирование более сбалансированного отношения к ценности свободы. С другой стороны, подобная динамика не позволяет однозначно интерпретировать изменения как безусловно положительные, в отличие от других шкал. Для военного курсанта чрезмерно высокий показатель — это проблема с дисциплиной. В КГ изменения по данному параметру минимальны.

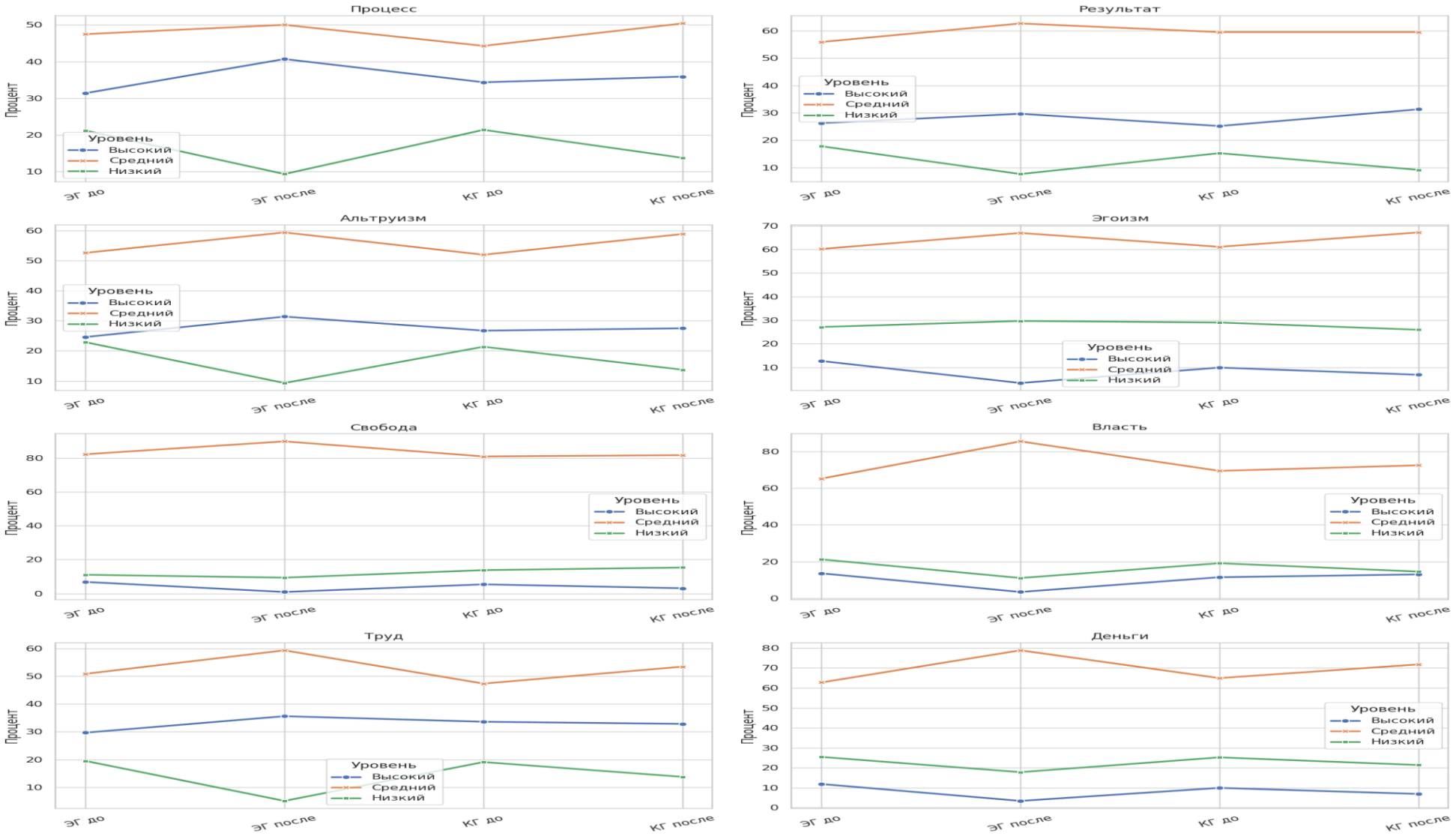

Рисунок 3.11 — Динамика результатов мотивационной направленности курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

По шкале «Власть» в ЭГ наблюдается заметное снижение высокого уровня с 13,56% до 3,39% при одновременном росте среднего уровня с 65,25% до 85,59%. Если рассматривать чрезмерную ориентацию на власть как менее конструктивную личностную установку, такая динамика может быть оценена положительно, поскольку она отражает ослабление доминирующих тенденций и переход к более умеренной позиции. В КГ данные изменения значительно менее выражены.

Один из наиболее значительных положительных сдвигов выявлен по шкале «Труд». В ЭГ высокий уровень увеличился с 29,66% до 35,59%, средний — с 50,85% до 59,32%, а низкий уровень снизился с 19,49% до 5,08%, что позволяет сделать вывод об усилении позитивного отношения к трудовой деятельности, повышении значимости труда как ценности и росте трудовой мотивации. В КГ улучшения также имеются, однако выражены они существенно слабее.

По шкале «Деньги» в ЭГ наблюдается снижение высокого уровня с 11,86% до 3,39%, рост среднего уровня с 62,71% до 78,81% и уменьшение низкого уровня с 25,42% до 17,80%. Если исходить из того, что чрезмерная ориентация на материальные ценности не является оптимальной с точки зрения гармоничного личностного развития и формирования антикоррупционного поведения, такие изменения можно интерпретировать как свидетельство формирования более сбалансированного отношения к материальной сфере. Если у курсанта доминирует ориентация на деньги при низком альтруизме и труде, он рассматривает военную службу как бизнес-проект. Это прямой прогноз коррупционной готовности. В КГ также отмечается сходная тенденция, однако в менее выраженной форме.

Таким образом, сравнительный анализ результатов ЭГ и КГ показывает, что в ЭГ изменения носят более выраженный, целенаправленный и системный характер. Наиболее заметные положительные сдвиги затронули такие ценностные ориентации, как процесс, альтруизм, труд, а также снижение выраженности эгоизма, власти и чрезмерной ориентации на

деньги. Это позволяет сделать вывод о том, что проведенное формирующее воздействие оказало положительное влияние на структуру ценностных ориентаций участников ЭГ.

В целом полученные результаты подтверждают эффективность реализованной программы воздействия и дают основания утверждать, что она способствует развитию более социально одобряемых, личностно зрелых и конструктивных ценностных ориентаций.

Статистический анализ распределений уровней до и после отдельно в ЭГ и КГ проведен с помощью критерия χ^2 Пирсона. Это позволяет проверить, изменилось ли распределение по уровням (высокий / средний / низкий) статистически значимо.

В ЭГ статистически значимые изменения выявлены почти по всем шкалам. В таблице 3.18 приведены результаты статистического анализа с помощью критерия хи-квадрат Пирсона.

Таблица 3.18 — Статистический анализ динамики результатов мотивационной направленности курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы с помощью критерия χ^2 - Пирсона

ЭГ				КГ			
Показатель	**χ^2**	**p**	**Вывод**	**Показатель**	**χ^2**	**p**	**Вывод**
Процесс	6,95	0,031	значимо	Процесс	2,73	0,255	незначимо
Результат	5,50	0,064	незначимо, тенденция	Результат	2,86	0,239	незначимо
Альтруизм	8,19	0,017	значимо	Альтруизм	2,75	0,253	незначимо
Эгоизм	6,93	0,031	значимо	Эгоизм	1,33	0,514	незначимо
Свобода	6,01	0,050	на границе значимости	Свобода	0,93	0,629	незначимо
Власть	14,23	0,001	значимо	Власть	1,03	0,598	незначимо
Труд	11,37	0,003	значимо	Труд	1,64	0,441	незначимо
Деньги	9,31	0,010	значимо	Деньги	1,59	0,452	незначимо

В ЭГ после воздействия произошли статистически значимые сдвиги в распределении уровней по большинству ценностных ориентаций. Особенно выражены изменения по шкалам «Власть», «Труд», «Деньги», «Альтруизм»,

«Процесс» и «Эгоизм». В КГ изменения носят случайный или естественный характер и статистически не подтверждаются. Дополнительно сравнили распределения уровней между ЭГ и КГ после воздействия (см. таблицу 3.19).

Таблица 3.19 — Сравнение распределения уровней между ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Показатель	χ^2	p	Вывод
Процесс	1,42	0,492	различий нет
Результат	0,33	0,848	различий нет
Альтруизм	1,36	0,506	различий нет
Эгоизм	1,75	0,417	различий нет
Свобода	3,75	0,153	различий нет
Власть	8,70	0,013	различия значимы
Труд	5,35	0,069	тенденция
Деньги	2,26	0,324	различий нет

После эксперимента статистически значимое различие между ЭГ и КГ обнаружено по шкале «Власть». По шкале «Труд» наблюдается тенденция к различию, но она не достигает стандартного уровня значимости $p < 0,05$.

Таблица 3.20 — Динамика профилей коррупционного риска курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Профили риска	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Коррупционный профиль[38]	14	11,86	4	3,39	13	9,92	10	7,63
Профиль профессионального выгорания[39]	31	26,27	34	28,81	33	25,19	41	31,30
Антикоррупционный профиль[40]	73	61,86	80	67,80	85	64,89	80	61,07
Всего	118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

[38] Коррупционный профиль - Высокие: Деньги, Эгоизм, Власть, Результат и Низкие: Альтруизм, Труд.
[39] Профиль профессионального выгорания - Высокие: Процесс (инертность), Деньги (нехватка средств) и Низкие: Результат, Альтруизм.
[40] Антикоррупционный профиль - Высокие: Альтруизм, Труд, Результат (общественно полезный), Власть (как ответственность), и Низкие: Деньги, Эгоизм.

Таблица 3.20 отражает динамику изменения рисковых профилей в ЭГ и КГ до и после проведения формирующего эксперимента.

В группе, где проводилась целенаправленная работа, зафиксированы наиболее значимые качественные изменения:

– количество участников с коррупционным профилем сократилось более чем в три раза: с 11,86% (14 чел.) до 3,39% (4 чел.). Это указывает на высокую эффективность проведенных мероприятий (тренингов, семинаров, изменения организационных условий). Участники скорректировали свои установки в сторону правомерного поведения;

– число респондентов с антикоррупционным профилем увеличилось с 61,86% до 67,80%. Произошло укрепление ценностно-нормативной сферы сотрудников;

– уровень профессионального выгорания в ЭГ практически не изменился, показав лишь незначительный рост на 2,54% (с 26,27% до 28,81%), что укладывается в рамки статистической погрешности.

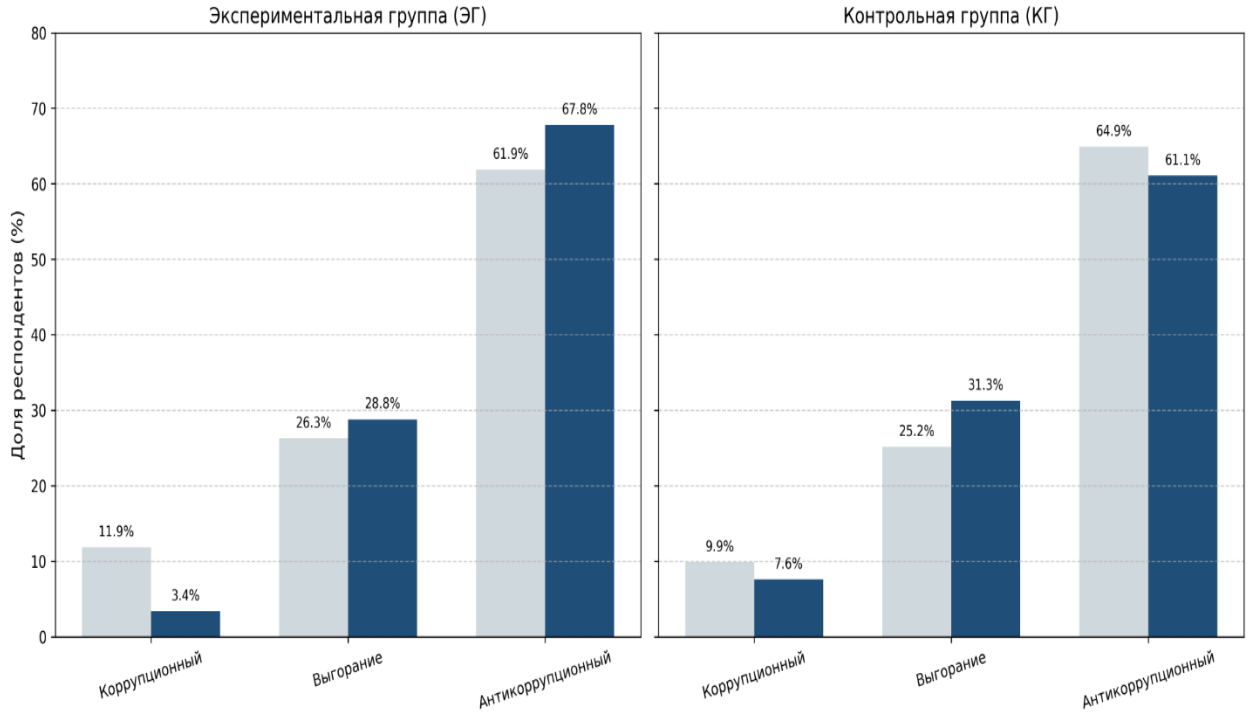

Рисунок 3.12 — Динамика профилей коррупционного риска курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

В КГ, где профилактическая работа не проводилась, динамика носит иной, преимущественно неблагоприятный характер:

- зафиксировано существенное увеличение доли «выгоревших» курсантов — с 25,19% (33 чел.) до 31,30% (41 чел.). Это свидетельствует о накоплении усталости и стресса в течение периода исследования;
- доля лиц с антикоррупционным профилем сократилась с 64,89% до 61,07%. Это опасный симптом: под влиянием нарастающего выгорания часть сотрудников начала терять прежние жесткие этические ориентиры;
- показатель снизился с 9,92% до 7,63%, однако на фоне падения общего уровня антикоррупционной устойчивости эта динамика выглядит скорее случайной флуктуацией, нежели системным улучшением.

Сопоставление результатов доказывает, что проведенные в ЭГ мероприятия оказали сильное компенсирующее и формирующее воздействие.

В то время как в КГ показатели антикоррупционной устойчивости снижались (−3,82%), в ЭГ они уверенно росли (+5,94%).

Рост выгорания в КГ оказался более выраженным (+6,11%), чем в ЭГ (+2,54%). Можно предположить, что антикоррупционные мероприятия в ЭГ косвенно сработали как буфер против эмоционального истощения.

В ЭГ произошел качественный сдвиг — люди из коррупционного профиля перешли в категорию антикоррупционного профиля. В КГ же, напротив, наметилась тенденция перехода из антикоррупционного профиля в «зону выгорания».

Эксперимент продемонстрировал свою состоятельность. Программа формирования нетерпимости к коррупции, примененная к ЭГ, успешно минимизировала прямые коррупционные риски и укрепила ценностный каркас курсантов.

Тем не менее, зафиксированный в обеих группах (особенно в КГ) рост профессионального выгорания указывает на то, что в долгосрочной перспективе этические программы должны обязательно сопровождаться

мерами по снижению психологической напряженности курсантов, так как выгорание выступает постоянным фактором дестабилизации их антикоррупционной устойчивости.

Таблица 3.21 — Динамика уровней правового сознания курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Блок	Типы правосознания	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Бытовая сфера	Правовой нигилизм	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
	Правовой инфантилизм	1	0,85	0	0,00	1	0,76	1	0,76
	Правовой прагматизм (Цинизм)	1	0,85	1	0,85	2	1,53	1	0,76
	Зрелое (демократическое) правосознание	116	98,31	117	99,15	128	97,71	129	98,47
Профессиональная деятельность	Правовой нигилизм[41]	1	0,85	0	0,00	2	1,53	0	0,00
	Правовой инфантилизм[42]	1	0,85	0	0,00	1	0,76	1	0,76
	Правовой прагматизм[43] (цинизм)	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
	Зрелое (демократическое) правосознание[44]	116	98,31	118	100,0	128	97,71	130	99,24
Гражданская сфера	Правовой нигилизм	1	0,85	0	0,00	1	0,76	1	0,76
	Правовой инфантилизм	2	1,69	0	0,00	2	1,53	1	0,76
	Правовой прагматизм (цинизм)	2	1,69	2	1,69	3	2,29	2	1,53
	Зрелое (демократическое) правосознание	113	95,76	116	98,31	125	95,42	127	96,95
Всего		118	100,0	118	100,0	131	100,0	131	100,0

[41] Высокая вероятность совершения преступлений. Человек искренне не понимает, почему «нельзя, если очень хочется». В армии — риск хищений ГСМ, имущества.

[42] Исполнитель чужой воли. Сам схему не придумает, но деньги передаст, если прикажут.

[43] Самый опасный тип для коррупции высокого уровня. Он знает законы, но использует их как инструмент. Берет взятки аккуратно, создает коррупционные схемы. Внешне может казаться очень лояльным.

[44] Основа антикоррупционного поведения. Человек понимает ценность правил (инструкций) и договоренностей.

Представленные в таблице 3.21 данные отражают динамику уровней правосознания курсантов экспериментальной (ЭГ, n = 118) и контрольной (КГ, n = 131) групп до и после проведения формирующей программы.

Главной особенностью обеих выборок на начальном этапе является высокий уровень зрелого (демократического) правосознания во всех трёх исследуемых сферах (показатели колеблются в пределах 95,42% – 98,31%).

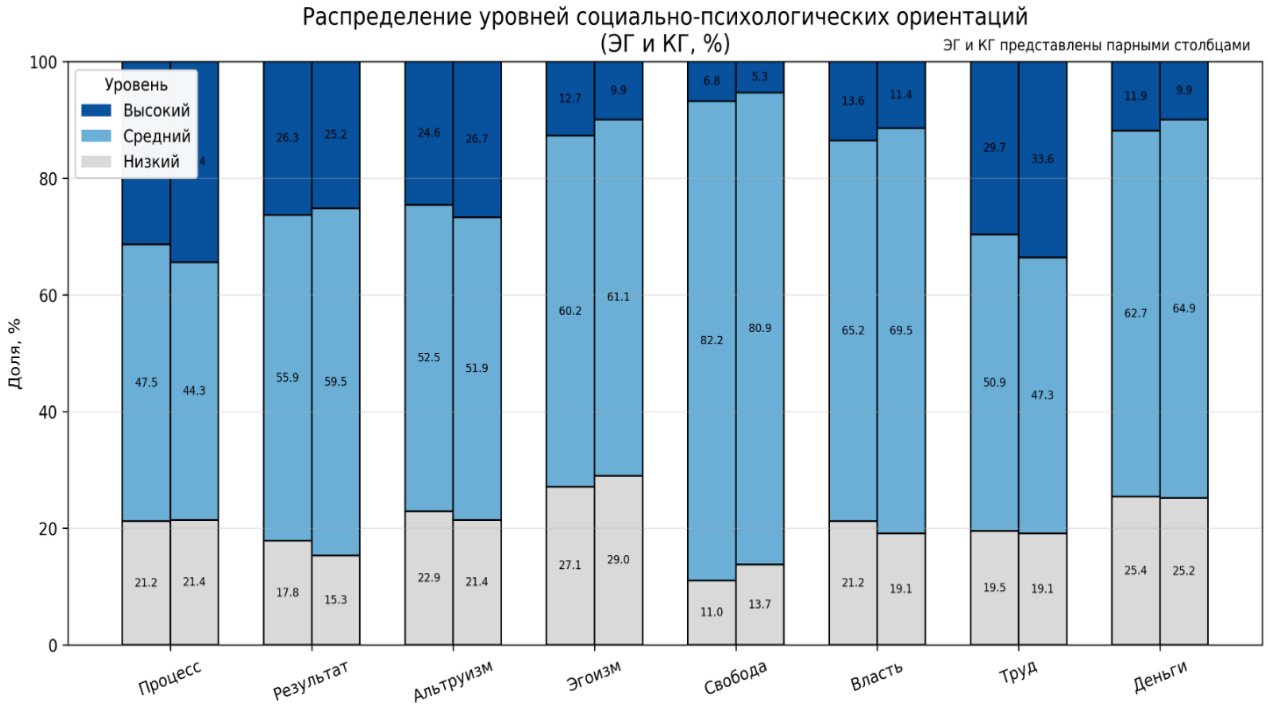

Рисунок 3.13 — Динамика уровней правового сознания курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Такая специфика закономерна и может быть объяснена следующими факторами: курсанты проходят строгий профессиональный отбор при поступлении, обучаются в условиях повышенной дисциплины и регламентации жизнедеятельности, что изначально формирует высокий уровень правовой культуры и уважения к закону.

Высокие стартовые показатели усложняют задачу выявления значимых сдвигов, поэтому ключевое значение в анализе приобретает не столько рост «зрелого» уровня, сколько динамика единичных проявлений деструктивных типов правосознания (нигилизма, инфантилизма, прагматизма).

Рассмотрим выявленные изменения в бытовой сфере. В ЭГ наблюдается положительная динамика — уровень зрелого правосознания вырос с 98,31% до 99,15% (+0,84%). Это произошло за счет полного устранения правового инфантилизма (снижение с 0,85% до 0%). При этом показатель правового прагматизма (цинизма) остался неизменным (0,85%). В КГ изменения носят минимальный характер. Зрелое правосознание незначительно выросло (с 97,71% до 98,47%) за счет перехода одного курсанта из группы прагматиков (снижение с 1,53% до 0,76%). Случаи инфантилизма остались на прежнем уровне (0,76%).

В сфере профессиональной деятельности в ЭГ достигнут максимальный качественный результат — 100% курсантов по итогам программы продемонстрировали зрелое правосознание. Были полностью нивелированы единичные случаи правового нигилизма (0,85%) и инфантилизма (0,85%).

В КГ также зафиксирована положительная динамика (зрелое правосознание выросло с 97,71% до 99,24%), в первую очередь за счет исчезновения проявлений правового нигилизма (с 1,53% до 0%). Однако в КГ сохранился деструктивный элемент в виде правового инфантилизма (0,76%).

Гражданская сфера традиционно характеризуется чуть более низкими показателями зрелости по сравнению с бытовой и профессиональной.

В ЭГ зафиксирован наиболее выраженный прирост зрелого правосознания — на 2,55% (с 95,76% до 98,31%). Полностью искоренены правовой нигилизм (было 0,85%) и инфантилизм (было 1,69%). Стабильным остался лишь показатель прагматизма (1,69%).

В КГ динамика более сдержанная (рост зрелого уровня на 1,53% — с 95,42% до 96,95%). В группе сохранились все деструктивные типы правосознания, хотя показатели инфантилизма и прагматизма незначительно снизились.

Сравнительный анализ изменений в отношении деструктивных установок позволяет глубже понять направленность воздействия формирующей программы.

Правовой нигилизм (активное непринятие/отрицание права) в ЭГ был полностью сведен к нулю во всех сферах. В КГ нигилизм также снизился в профессиональной сфере, но сохранился в гражданской (0,76%). Это свидетельствует о том, что формирующая программа успешно закрепила у курсантов ценность права как регулятора общественных отношений.

В сфере правового инфантилизма (пассивное, незрелое отношение к праву, пробелы в знаниях, перекладывание ответственности) в ЭГ наблюдается полная ликвидация по всем трем направлениям (0,00%). В КГ показатели инфантилизма остались практически без изменений (сохранились в бытовой, профессиональной и гражданской сферах). Этот факт подтверждает, что формирующая программа способствовала развитию личностной автономии, правовой грамотности и субъективной ответственности курсантов ЭГ за свои поступки.

Правовой прагматизм/цинизм (использование права исключительно в личных корыстных целях, пренебрежение духом закона ради его буквы) оказался наиболее устойчивым к изменениям. В ЭГ его показатели в бытовой (0,85%) и гражданской (1,69%) сферах не изменились. В КГ произошло лишь незначительное снижение. Прагматические установки тесно связаны с глубинными ценностными ориентациями личности и ее адаптивными стратегиями, поэтому они требуют более длительного и специфического психолого-педагогического воздействия.

Таким образом, показана эффективность формирующей программы. Результаты ЭГ демонстрируют системный характер изменений. Программа показала себя как эффективный инструмент точечной коррекции. Она позволила полностью нейтрализовать критические деструктивные проявления (нигилизм и инфантилизм) и довести уровень профессионального правосознания до абсолютного максимума (100%).

В КГ также наблюдаются положительные сдвиги (особенно в профессиональной сфере), что логично объяснить влиянием традиционного образовательного процесса военного вуза и процесса естественного личностного созревания курсантов. Однако без специального воздействия эти изменения происходят медленнее и не носят исчерпывающего характера (сохраняются единичные случаи нигилизма, инфантилизма и прагматизма).

Учитывая стабильность показателей правового прагматизма (цинизма), в будущем целесообразно дополнить формирующую программу блоками, направленными на развитие деонтологических[45] ценностей и антикоррупционных стандартов поведения курсантов.

Статистический анализ при стабильно высоких результатах малопоказателен.

Таблица 3.22 — Динамика результатов диагностики жизненных ценностей курсантов ЭГ и КГ

Индекс антикоррупционный	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Индекс> 1 — прогноз благоприятный	101	85,59	114	96,61	110	83,97	118	90,08
Индекс <1 — преобладает материальная мотивация (риск)	17	14,41	4	3,39	21	16,03	13	9,92
Всего	118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

Представленные в таблице 3.22 данные отражают динамику ценностных ориентаций курсантов ЭГ и КГ в процессе реализации формирующей программы. Начальные показатели обеих групп демонстрировали высокую степень однородности и сбалансированности. В ЭГ благоприятный прогноз был зафиксирован у 85,59% курсантов, в КГ — у 83,97% (разница составляет всего 1,62%). Доля курсантов из «группы риска» (с преобладанием материальной мотивации) также практически одинакова: 14,41% в ЭГ (17 человек) и 16,03% в КГ (21 человек). Это подтверждает

[45] нравственно-профессиональных

корректность формирования выборок и позволяет утверждать, что стартовые условия для эксперимента были равными.

В ЭГ, прошедшей целенаправленную формирующую программу, зафиксированы высокоинтенсивные качественные изменения. Доля курсантов с благоприятным прогнозом увеличилась на 11,02%, достигнув практически абсолютного значения — 96,61% (114 человек из 118). Количество курсантов с доминированием материальной мотивации сократилось более чем в 4 раза: с 14,41% (17 человек) до минимальных 3,39% (всего 4 человека). Данные результаты указывают на то, что программа успешно скорректировала ценностно-смысловую сферу курсантов. Удалось сместить акценты с чисто прагматических, материальных устремлений в сторону социально значимых, профессионально-нравственных ориентиров. У подавляющего большинства участников ЭГ антикоррупционные установки перешли из категории декларируемых знаний в категорию внутренних личностных ценностей.

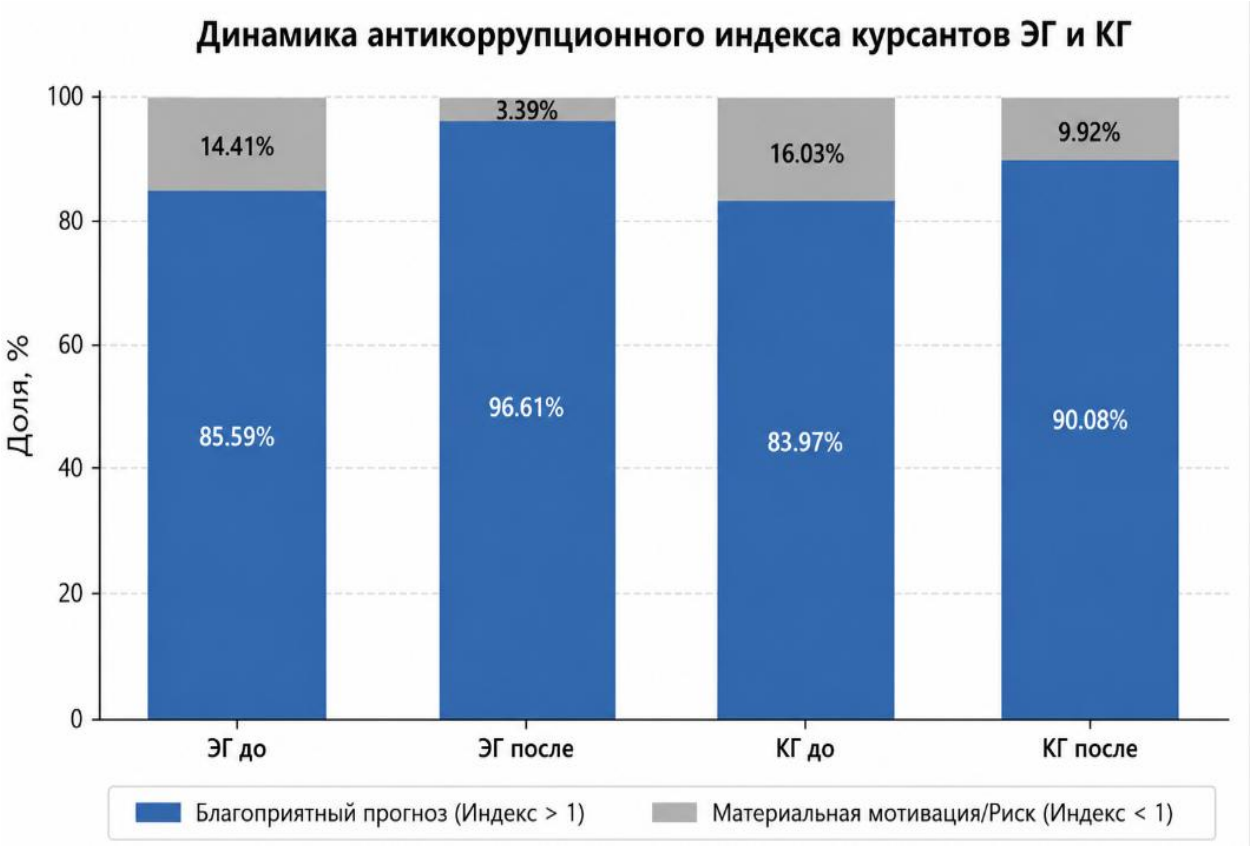

Рисунок 3.14. — Динамика результатов диагностики жизненных ценностей курсантов ЭГ и КГ

В КГ, обучавшейся по стандартной программе, также зафиксирован положительный тренд, но его масштабы заметно скромнее. Доля курсантов с благоприятным прогнозом выросла на 6,11% (с 83,97% до 90,08%). «Группа риска» сократилась на ту же величину — с 16,03% (21 человек) до 9,92% (13 человек). Положительная динамика в КГ закономерна. Она отражает процессы естественного взросления и социализации курсантов, а также системное влияние стандартного образовательного процесса, ведомственной дисциплины и традиционной воспитательной работы военного вуза. Тем не менее каждый десятый курсант КГ (9,92%) по-прежнему остался в зоне риска, сохраняя доминирование материальных мотивов над служебным долгом.

Сопоставление результатов ЭГ и КГ на контрольном этапе наглядно доказывает высокую эффективность предложенной развивающей программы. Прирост благоприятного прогноза в ЭГ (+11,02%) почти в два раза превышает аналогичный показатель в КГ (+6,11%). В ЭГ «группа риска» сократилась

до единичных случаев (3,39% / 4 человека), что можно охарактеризовать как успешную профилактику и практически полную нейтрализацию мотивационных факторов коррупционного поведения. В КГ, несмотря на положительный тренд, сохраняется значимый деструктивный потенциал — 9,92% (13 человек) курсантов все еще мотивированы прежде всего материальным благополучием.

Жизненные ценности взрослого человека крайне трудно поддаются перестройке. Тот факт, что в ЭГ удалось переориентировать ценностную систему у 13 из 17 изначально «проблемных» курсантов, доказывает, что формирующая программа содержала действительно эффективные психологические механизмы (например, рефлексию ценностей, разбор реальных дилемм, деконструкцию прагматических мифов).

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что стандартного учебно-воспитательного процесса вуза (динамика КГ)

достаточно для постепенного созревания личности курсанта, но недостаточно для быстрой и надежной минимизации девиантных коррупционных рисков. Внедрение специализированной формирующей программы (динамика ЭГ) позволяет достичь ускоренной и качественной трансформации ценностно-смысловой сферы. Она переводит внешние нормативные требования (законность, честность) во внутренний план личности, формируя у выпускников устойчивый психологический иммунитет к коррупции еще до их выхода в реальную профессиональную практику.

Для проведения статистического анализа динамики показателей антикоррупционного индекса был использован критерий согласия χ^2 Пирсона.

Результаты статистического анализа представлены в таблице 3.23.

Таблица 3.23 — Статистический анализ динамики показателей антикоррупционного индекса

Показатель	χ^2	p	Вывод
Сопоставимость ЭГ и КГ (до эксперимента)	0,13	0,722	различий нет
Динамика ЭГ (до и после эксперимента)	8,83	0,003	различия значимы
Динамика КГ (до и после эксперимента)	2,16	0,141	различий нет
Сравнение ЭГ и КГ (после эксперимента)	4,17	0,041	различия значимы

Отсутствие статистически значимых различий между ЭГ и КГ на этапе «до» подтверждает, что выборки изначально были однородны и сопоставимы по уровню антикоррупционного индекса.

В ЭГ зафиксированы статистически значимые изменения на уровне значимости $p < 0,01$. Это статистически доказывает, что снижение доли «группы риска» с 14,41% до 3,39% не является случайным и обусловлено воздействием формирующей программы.

В КГ, несмотря на наметившуюся положительную тенденцию, изменения не достигли уровня статистической значимости ($p > 0.05$). Сдвиг в показателях КГ укладывается в рамки случайных колебаний.

На этапе «после» между ЭГ и КГ обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,05$). Это подтверждает, что курсанты ЭГ по окончании

обучения продемонстрировали достоверно более высокий уровень антикоррупционной устойчивости по сравнению с курсантами

Таблица 3.24 — Динамика результатов диагностики склонности к манипулированию людьми по шкале макиавеллизма среди курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Уровень макиавеллизма	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Высокий	13	11,02	3	2,54	13	9,92	9	6,87
Средний	44	37,29	50	42,37	48	36,64	54	41,22
Низкий	61	51,69	65	55,08	70	53,44	68	51,91
Всего	118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

Личностный компонент

Для оценки эффективности предложенной формирующей программы был проведен повторный замер уровня макиавеллизма в ЭГ (n=118) и КГ (n=131). Сравнение результатов до и после проведения программы позволяет выявить выраженные различия в динамике исследуемых личностных характеристик между группами.

В ЭГ, участники которой прошли курс по формирующей программе, зафиксированы наиболее выраженные и качественные изменения:

Высокий уровень макиавеллизма сократился более чем в четыре раза — с 11,02% (13 курсантов) до 2,54% (всего 3 курсанта). Данный сдвиг (-8,48%) является ключевым индикатором успешности программы. Он свидетельствует о том, что у абсолютного большинства курсантов, изначально склонных к деструктивному манипулятивному поведению и инструментальному отношению к окружающим, произошла переоценка ценностей и снизилась выраженность этих тенденций. Средний уровень увеличился с 37,29% до 42,37%, показав прирост на 5,08%. Низкий уровень также продемонстрировал положительную динамику, увеличившись с 51,69% до 55,08%, то есть на 3,39%.

Подобная перегруппировка показателей внутри ЭГ указывает на то, что снижение доли курсантов с высоким уровнем макиавеллизма привело к их переходу в категории со средними и низкими показателями. С психологической точки зрения это отражает рост стремления к конструктивному, открытому и бескорыстному взаимодействию, а также повышение уровня эмпатии и социальной ответственности у будущих офицеров.

В КГ, курсанты которой обучались по стандартной программе, также зафиксированы определенные изменения, однако их характер носит иной и менее выраженный вектор:

Высокий уровень макиавеллизма снизился незначительно — с 9,92% (13 человек) до 6,87% (9 человек), разница составила всего 3,05%. Средний уровень увеличился с 36,64% до 41,22%, показав прирост на 4,58%. Низкий уровень, в отличие от ЭГ, показал слабую отрицательную динамику, сократившись с 53,44% до 51,91%, то есть на 1,53%.

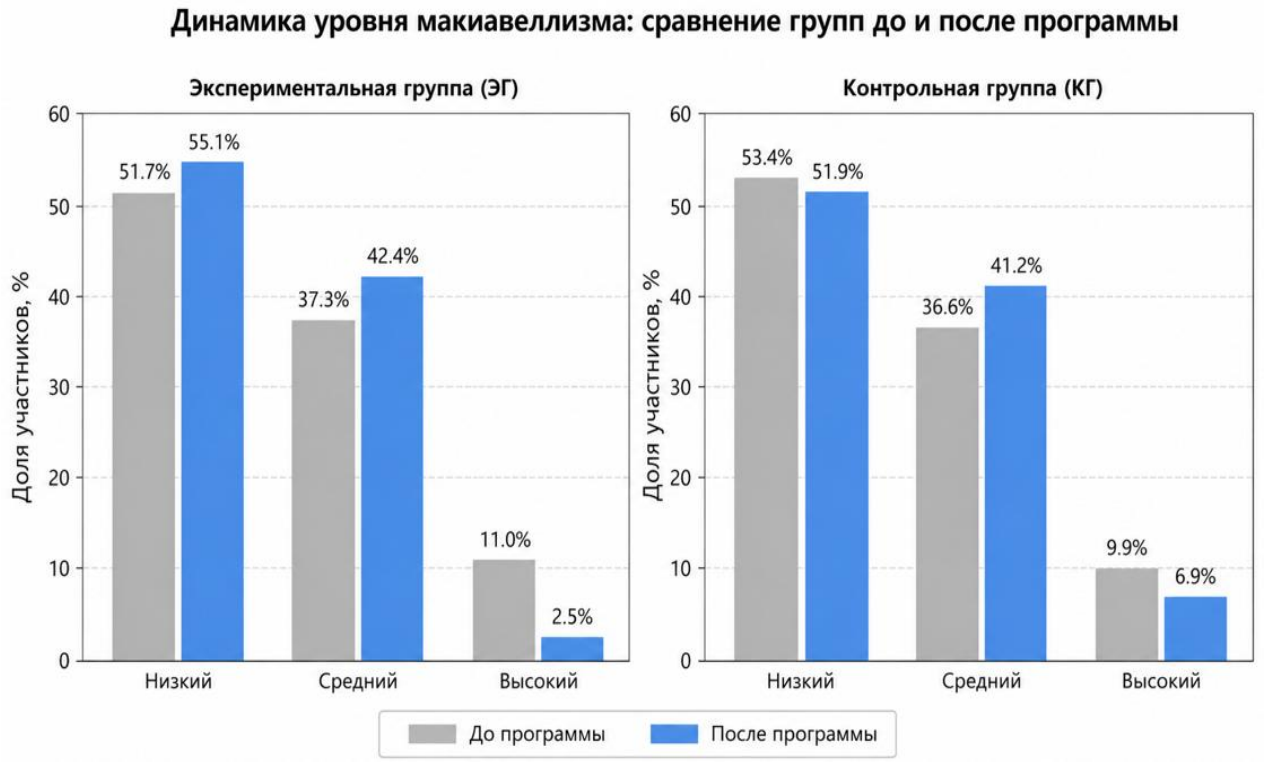

Рисунок 3.15 —Динамика результатов диагностики склонности к манипулированию людьми по шкале макиавеллизма среди курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Небольшие колебания в КГ могут быть объяснены механизмами естественного возрастного созревания курсантов, их адаптацией к условиям обучения в военном вузе и общим средовым влиянием. Однако сохранение относительно высокой доли курсантов с высоким уровнем макиавеллизма (6,87% в КГ по сравнению с 2,54% в ЭГ после эксперимента) и наметившаяся тенденция к снижению доли лиц с низким уровнем указывают на недостаточную эффективность стандартных условий социализации для целенаправленного снижения манипулятивных установок личности.

Сопоставление итоговых профилей ЭГ и КГ позволяет сделать следующие выводы.

К моменту контрольного исследования в ЭГ доля курсантов с высоким уровнем склонности к манипулированию оказалась почти в три раза ниже, чем в КГ (2,54% против 6,87%).

В то время как в ЭГ доля курсантов с низким уровнем макиавеллизма возросла (+3,39%), в КГ этот показатель снизился (-1,53%). Это подтверждает, что развивающие воздействия в ЭГ способствовали закреплению более искренних и поддерживающих стратегий общения.

Рост среднего уровня в обеих группах (в пределах 4–5%) указывает на общую адаптивную стабилизацию личностных черт под воздействием образовательной среды вуза, однако в ЭГ этот рост происходил исключительно за счет снижения выраженности деструктивного (высокого) уровня, а в КГ — в том числе за счет частичного оттока из конструктивного (низкого) уровня.

Таким образом, обобщая полученные результаты, можно утверждать, что внедрение формирующей программы оказало системное развивающее воздействие на личностную сферу курсантов ЭГ. Зафиксированные сдвиги в сторону снижения показателей макиавеллизма у участников ЭГ носят выраженный характер, что подтверждает целесообразность и практическую значимость разработанной программы для профилактики манипулятивного поведения в профессиональной среде будущих военных юристов.

На основе ваших эмпирических данных были произведены расчеты критерия Пирсона (χ^2)

Ниже представлены результаты расчетов.

Таблица 3.25 — Результаты статистического анализа данных (χ^2 – критерий Пирсона)

Показатель	χ^2	***df***	***p***
Сопоставимость ЭГ и КГ (до эксперимента)	0,11	2	0,945
Динамика ЭГ (до и после эксперимента)	6,76	2	0,034
Динамика КГ (до и после эксперимента)	1,11	2	0,574
Сравнение ЭГ и КГ (после эксперимента)	2,55	2	0,279

Применение критерия Пирсона (χ^2) позволило получить статистические подтверждения эффективности проведенной формирующей программы.

Сравнение распределения уровней макиавеллизма в ЭГ и КГ до начала исследования показало отсутствие статистически значимых различий (χ^2 = 0,11; p = 0,945 > 0,05), что строго доказывает изначальную эквивалентность и сопоставимость групп по данному психологическому признаку.

В ЭГ после реализации программы зафиксирован статистически значимый сдвиг в распределении уровней макиавеллизма (χ^2 = 6,76; p = 0,034 < 0,05). Этот результат математически подтверждает, что зафиксированное перераспределение курсантов (в первую очередь — резкое сокращение доли высокого уровня) вызвано именно воздействием разработанной программы, а не случайными факторами.

В КГ, обучавшейся по стандартной программе, значимых изменений в распределении уровней макиавеллизма не произошло (χ^2 = 1,11; p = 0,574 > 0,05), что подчеркивает стабильность исходного признака при отсутствии специализированных психологических воздействий.

При сравнении ЭГ и КГ после эксперимента общее распределение по трем уровням статистически значимо не отличается ($\chi2$ = 2,55; p = 0,279). Это объясняется тем, что в обеих группах превалируют «низкий» и «средний»

уровни (суммарно более 90% респондентов), показатели по которым в обеих группах после эксперимента очень схожи (в ЭГ: 42,4% и 55,1%; в КГ: 41,2% и 51,9%). Поскольку критерий χ^2 оценивает распределение всей таблицы сопряженности целиком, сходство в самых крупных категориях сглаживает локальные различия.

Поэтому стоит отметить, что воздействие формирующей программы носило высокоточечный (акцентированный) персонализированный характер: оно привело к значительному сокращению в ЭГ доли лиц группы риска («высокий уровень» макиавеллизма в ЭГ снизился с 11,02% до 2,54%, в то время как в КГ он остался на уровне 6,87%). Однако общий каркас распределения в обеих группах сохранил свою нормативную структуру (с доминированием конструктивного низкого и адаптивного среднего уровней), что предохранило выборки от критического расхождения в целом.

Поведенческий компонент

Представленные табличные (таблица 3.26) данные отражают динамику показателей склонности курсантов к отклоняющемуся поведению до и после реализации формирующей программы. Сравнение результатов ЭГ и КГ позволяет оценить направленность и выраженность происшедших изменений.

Шкала «достоверности» фиксирует изменения в самопрезентации курсантов — их стремление соответствовать ожиданиям окружающих либо, напротив, готовность к открытому признанию своих проблем.

Рост доли низких показателей в ЭГ после программы указывает на развитие у курсантов рефлексии, внутренней честности и готовности открыто признавать свои слабости. Будущие юристы стали меньше ориентироваться на создание идеализированного фасада. Это свидетельствует о снижении конформизма и росте психологической зрелости, что повышает общую надежность последующих диагностических данных после эксперимента.

Таблица 3.26 —Динамика результатов диагностики склонности курсантов-юристов к отклоняющемуся поведению по итогам формирующей программы

Шкалы	Уровни	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Установка на социальную желательность (Служебная ложь)	Высокий	2	1,69	1	0,85	2	1,53	2	1,53
	Средний	94	79,66	80	67,80	102	77,86	98	74,81
	Низкий	22	18,64	37	31,36	27	20,61	31	23,66
Склонность к преодолению норм правил (Делинквентность)	Высокий	15	12,71	4	3,39	21	16,03	16	12,21
	Средний	72	61,02	81	68,64	80	61,07	87	66,41
	Низкий	31	26,27	33	27,97	30	22,90	28	21,37
Склонность к аддиктивному поведению	Высокий	8	6,78	0	0,00	7	5,34	5	3,82
	Средний	83	70,34	85	72,03	91	69,47	97	74,05
	Низкий	27	22,88	33	27,97	33	25,19	29	22,14
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	Высокий	11	9,32	3	2,54	9	6,87	6	4,58
	Средний	79	66,95	89	75,42	87	66,41	91	69,47
	Низкий	28	23,73	26	22,03	35	26,72	34	25,95
Склонность к агрессии и насилию	Высокий	18	15,25	5	4,24	22	16,79	14	10,69
	Средний	70	59,32	76	64,41	78	59,54	84	64,12
	Низкий	30	25,42	37	31,36	31	23,66	33	25,19
Волевой контроль эмоциональных реакций	Высокий	15	12,71	4	3,39	18	13,74	12	9,16
	Средний	81	68,64	86	72,88	85	64,89	89	67,94
	Низкий	22	18,64	28	23,73	28	21,37	30	22,90
Всего		118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

В ЭГ по шкале «Склонность к преодолению норм и правил» доля курсантов с высоким уровнем риска снизилась почти в 4 раза — с 12,71% до 3,39% (-9,32%). Основная часть участников перешла на средний, адаптивный уровень (+7,62%). В КГ также отмечается снижение высоких показателей (с 16,03% до 12,21%), однако темп изменений здесь выражен существенно слабее.

Таким образом, формирующая программа оказала положительное влияние на правосознание курсантов ЭГ. Произошла переоценка значимости социальных и профессионально-этических норм, снизилась готовность к их демонстративному нарушению. Наблюдаемые в КГ незначительные улучшения могут быть объяснены естественным процессом социализации в условиях вуза, однако разница в динамике указывает на выраженную пользу направленных занятий в ЭГ.

По шкале «Склонность к аддиктивному поведению» в ЭГ группа высокого риска полностью нивелирована — показатель снизился с 6,78% до 0,00%. Доля участников с низким уровнем склонности к зависимостям увеличилась на 5,09%. В КГ динамика минимальна: высокий уровень снизился лишь на 1,52% (с 5,34% до 3,82%). Данные результаты указывают на высокую профилактическую эффективность программы в отношении зависимого поведения. Полное исчезновение показателей высокого уровня в ЭГ свидетельствует о формировании у курсантов более устойчивых копинг-стратегий и альтернативных (конструктивных) способов совладания со стрессом, исключающих аддиктивные паттерны.

По шкале «Аутоагрессия» в ЭГ доля лиц с высоким уровнем склонности к саморазрушению уменьшилась более чем в 3,5 раза — с 9,32% до 2,54% (-6,78%). В КГ зафиксировано лишь незначительное снижение — с 6,87% до 4,58% (-2,29%). Полученные данные позволяют говорить об укреплении психологических защит, жизнестойкости и ценностного отношения к собственному здоровью и жизни у курсантов ЭГ. Программа

помогла снизить склонность к неоправданному риску и скрытым формам аутоагрессивного реагирования.

До начала эксперимента агрессивные тенденции по шкале «Склонность к агрессии и насилию» выступали одной из наиболее выраженных зон риска в обеих группах. По итогам программы в ЭГ доля высокого уровня снизилась более чем в 3,5 раза — с 15,25% до 4,24% (-11,01%), а доля низкого уровня увеличилась на 5,94%. В КГ снижение высокого уровня также произошло (с 16,79% до 10,69%), однако итоговый процент риска в контрольной группе остается на достаточно высоком уровне. Данная динамика указывает на успешное освоение курсантами ЭГ навыков бесконфликтного общения, саморегуляции и экологичного отреагирования гнева. Для будущих юристов, чья профессиональная деятельность сопряжена с высокой конфликтогенностью, снижение склонности к насилию и агрессивному давлению является критически важным аспектом профессиональной пригодности.

Шкала «Волевой контроль эмоциональных реакций» измеряет способность регулировать проявления своих эмоций. В ЭГ количество лиц со слабостью волевого контроля (высокий уровень) сократилось почти в 4 раза — с 12,71% до 3,39% (-9,32%). Большинство участников сосредоточилось на среднем (умеренном) уровне саморегуляции (72,88%). В КГ снижение высокого уровня выражено скромнее — с 13,74% до 9,16%. Курсанты ЭГ продемонстрировали существенный рост эмоциональной устойчивости и самообладания. Снижение импульсивности и повышение способности вовремя задействовать волевые механизмы непосредственно снижает риск спонтанных девиантных поступков под влиянием аффекта или стрессовых факторов служебной деятельности.

Таким образом, положительная динамика показателей в экспериментальной группе наблюдается по всем без исключения шкалам методики. Поскольку в КГ изменения выражены значительно слабее, можно

сделать обоснованный вывод о том, что основным фактором этих позитивных сдвигов стала именно реализованная формирующая программа.

Наиболее заметный эффект программы проявился в снижении показателей высокого уровня по таким ранее проблемным шкалам, как «Склонность к агрессии и насилию», «Склонность к преодолению норм и правил» и «Волевой контроль эмоциональных реакций».

Таблица 3.27 отражает общую динамику девиантных тенденций курсантов (на основе суммирования частот по 5 клиническим шкалам методики).

Таблица 3.27 — Статистический анализ динамики показателей склонности к отклоняющемуся поведению

Показатель	χ^2	p	Вывод
Сопоставимость ЭГ и КГ (до эксперимента)	0,13	0,936	различий нет
Динамика ЭГ (до и после эксперимента)	33,84	< 0.001	различия высоко значимы
Динамика КГ (до и после эксперимента)	5,30	0,071	различий нет
Сравнение ЭГ и КГ (после эксперимента)	17,64	< 0,001	различия высоко значимы

Формирующая программа помогла курсантам не только снизить проявления деструктивного поведения, но и повысить уровень личностной зрелости, эмоциональной саморегуляции и открытости, что снижает риски профессиональной деформации на начальных этапах службы.

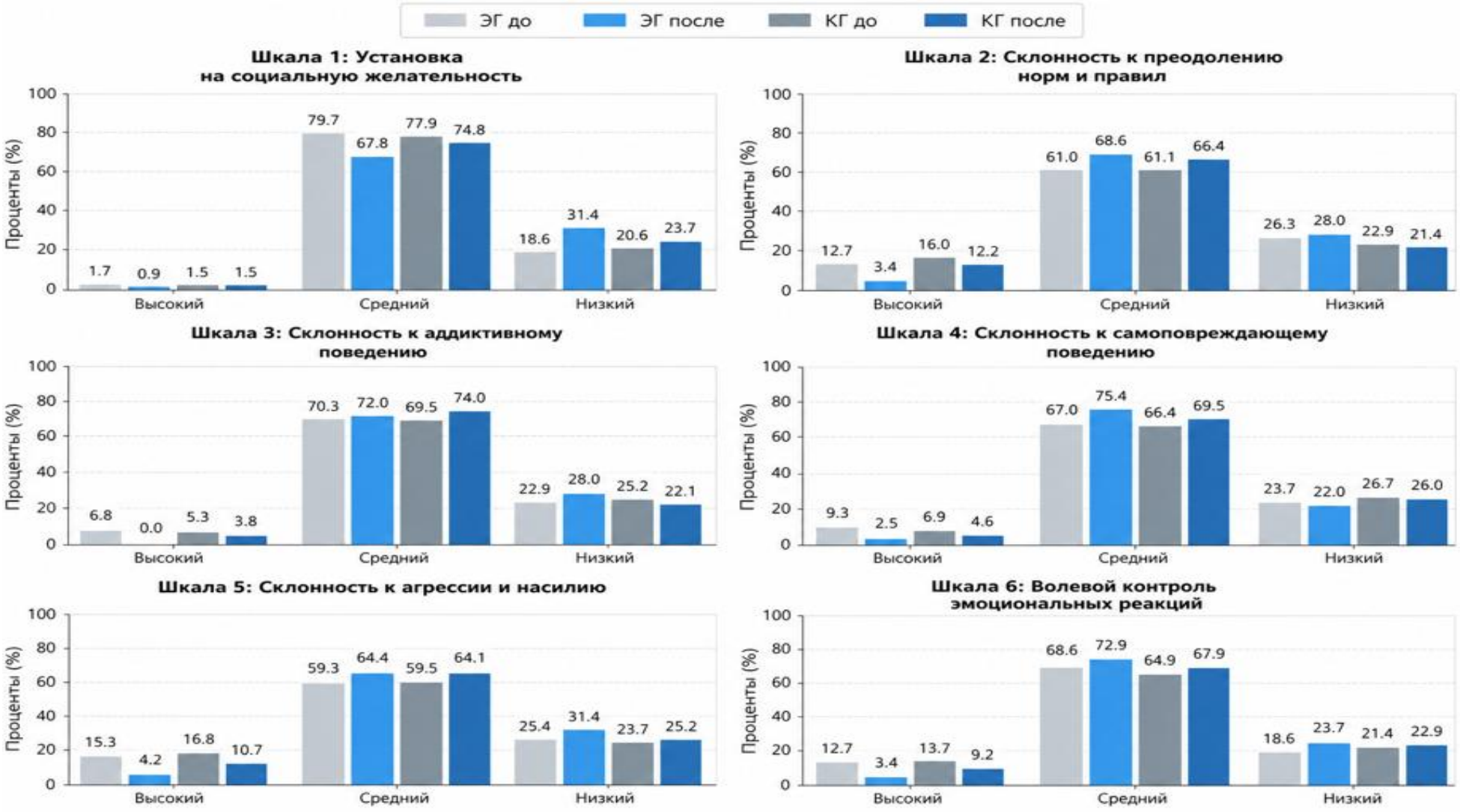

Рисунок 3.16 — Динамика результатов диагностики склонности курсантов-юристов к отклоняющемуся поведению по итогам формирующей программы

Когнитивный компонент

Таблица 3.28 — Динамика результатов диагностики усвоения правовых основ противодействия коррупции в военной среде курсантами ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Уровень правовой грамотности	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Высокий	7	5,93	57	48,31	9	6,87	32	24,43
Средний	110	93,22	61	51,69	120	91,60	99	75,57
Низкий	1	0,85	0	0,00	2	1,53	0	0,00
Всего	118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

Таблица 3.28 отражает динамику изменения уровней правовой грамотности курсантов ЭГ и КГ до и после проведения формирующего эксперимента.

По итогам формирующей программы в ЭГ зафиксирована наиболее интенсивная положительная динамика.

Доля курсантов с высоким уровнем выросла на 42,38%. Почти половина курсантов экспериментальной группы по окончании обучения овладела глубокими и детализированными знаниями в области антикоррупционного права. Доля среднего уровня сократилась на 41,53%. Это сокращение носит сугубо положительный характер, так как произошло за счет перехода курсантов со среднего уровня на высокий. Низкий уровень нивелирован.

В КГ, где обучение велось по традиционной программе, также наблюдается положительная динамика, однако ее темпы ниже.

Доля высокого уровня выросла на 17,56%. Средний уровень снизился на 16,03% (с 91,60% до 75,57%). Большинство курсантов КГ (более 3/4 выборки) так и остались на среднем уровне. Низкий уровень отсутствует.

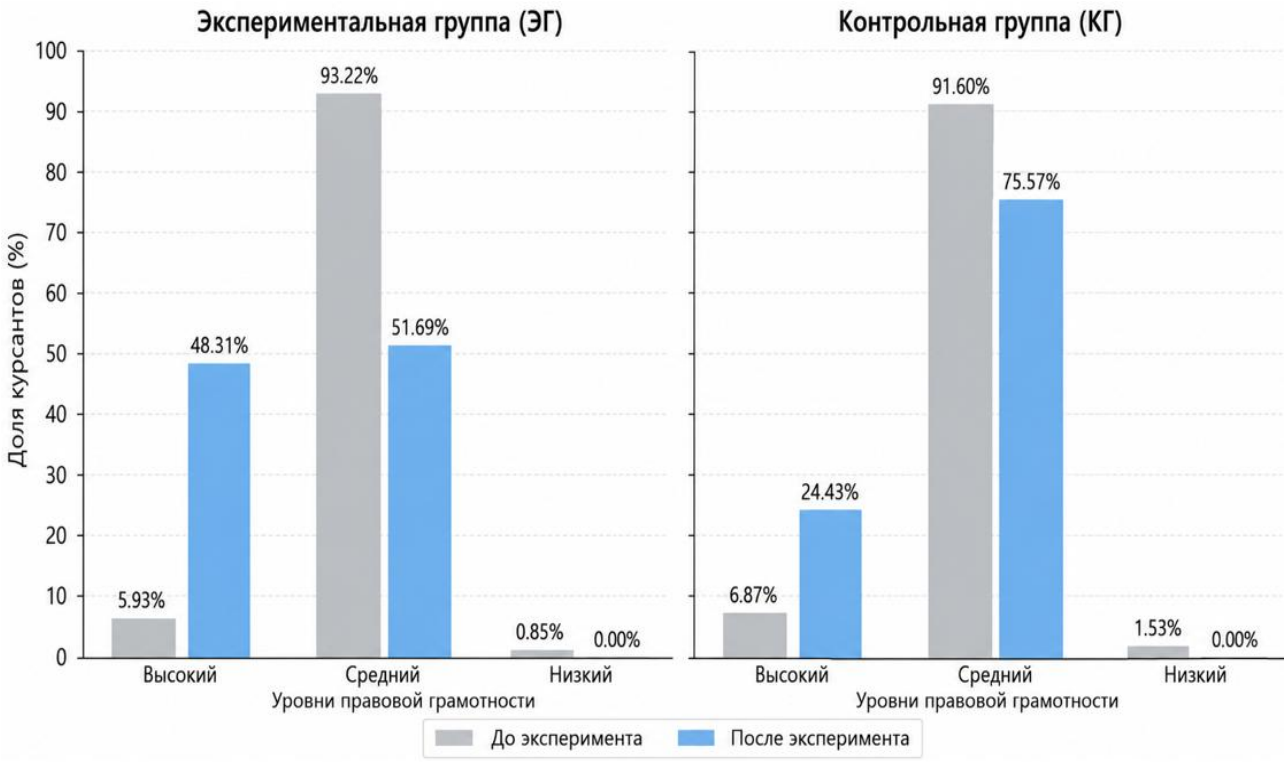

Рисунок 3.17 — Динамика результатов диагностики усвоения правовых основ противодействия коррупции в военной среде курсантами ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Прирост доли курсантов с высоким уровнем правовой грамотности в ЭГ оказался в 2,4 раза выше, чем в КГ (+42,38% против +17,56%). Это доказывает, что внедрённая в ЭГ образовательная модель (например, интерактивные формы, разбор практических кейсов, акцент на неочевидных формах коррупции) значительно превосходит традиционные подходы к обучению.

Таблица 3.29 — Статистический анализ динамики уровня правовой антикоррупционной грамотности

Показатель	χ^2	p	**Вывод**
Уровень правовой грамотности (ЭГ)	54,10	< 0,001	значимо
Уровень правовой грамотности(КГ)	16,92	< 0,001	значимо
До начала эксперимента (ЭГ до и КГ до)	0,34	0,845	незначимо
После эксперимента (ЭГ после и КГ после)	15,40	< 0,001	значимо

Анализ внутригрупповой динамики зафиксировал статистически значимые изменения как в ЭГ, так и в КГ. Однако в экспериментальной группе сдвиг выражен существенно сильнее (χ^2 = 54,10; p < 0,001) по сравнению с КГ (χ^2 = 16,92; p < 0,001), где обучение проводилось по традиционной методике.

Итоговое межгрупповое сравнение результатов (после эксперимента) подтвердило высокую эффективность разработанного психолого-педагогического воздействия. Распределения показателей в ЭГ и КГ имеют статистически достоверные различия на высоком уровне значимости (χ^2 = 15,40; p < 0,001). Полученный результат доказывает, что зафиксированный опережающий рост уровня правовой грамотности у курсантов ЭГ обусловлен именно внедрением разработанной образовательной методики, а не случайными факторами.

Рефлексивный компонент

Таблица 3.30. — Результаты диагностики уровня развития рефлексии курсантов ЭГ и КГ

Уровень рефлексивности	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Высокий	6	5,08	22	18,64	8	6,11	13	9,92
Средний	81	68,64	89	75,42	85	64,89	90	68,70
Низкий	31	26,27	7	5,93	38	29,01	28	21,37
Всего	118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

В ЭГ зафиксированы существенные положительные изменения в структуре распределения уровней рефлексивности. Наиболее ярким показателем выступает значительное сокращение группы курсантов с низким уровнем рефлексивности — с 26,27% до 5,93%, что свидетельствует о преодолении барьеров самоанализа у подавляющего большинства участников. Одновременно с этим отмечается выраженный рост показателей высокого уровня рефлексии: с исходных 5,08% доля таких испытуемых увеличилась до 18,64%, показав прирост в 13,56%. Доля участников со

средним уровнем рефлексивности стабилизировалась на отметке 75,42% (89 чел.) за счёт притока респондентов, ранее демонстрировавших низкие показатели.

В КГ, где образовательный процесс протекал в традиционных условиях, динамика показателей оказалась существенно менее выраженной. Доля лиц с низким уровнем рефлексивности снизилась лишь на 7,64%, оставаясь на достаточно высоком уровне. Прирост по высокому уровню составил незначительные 3,81%.

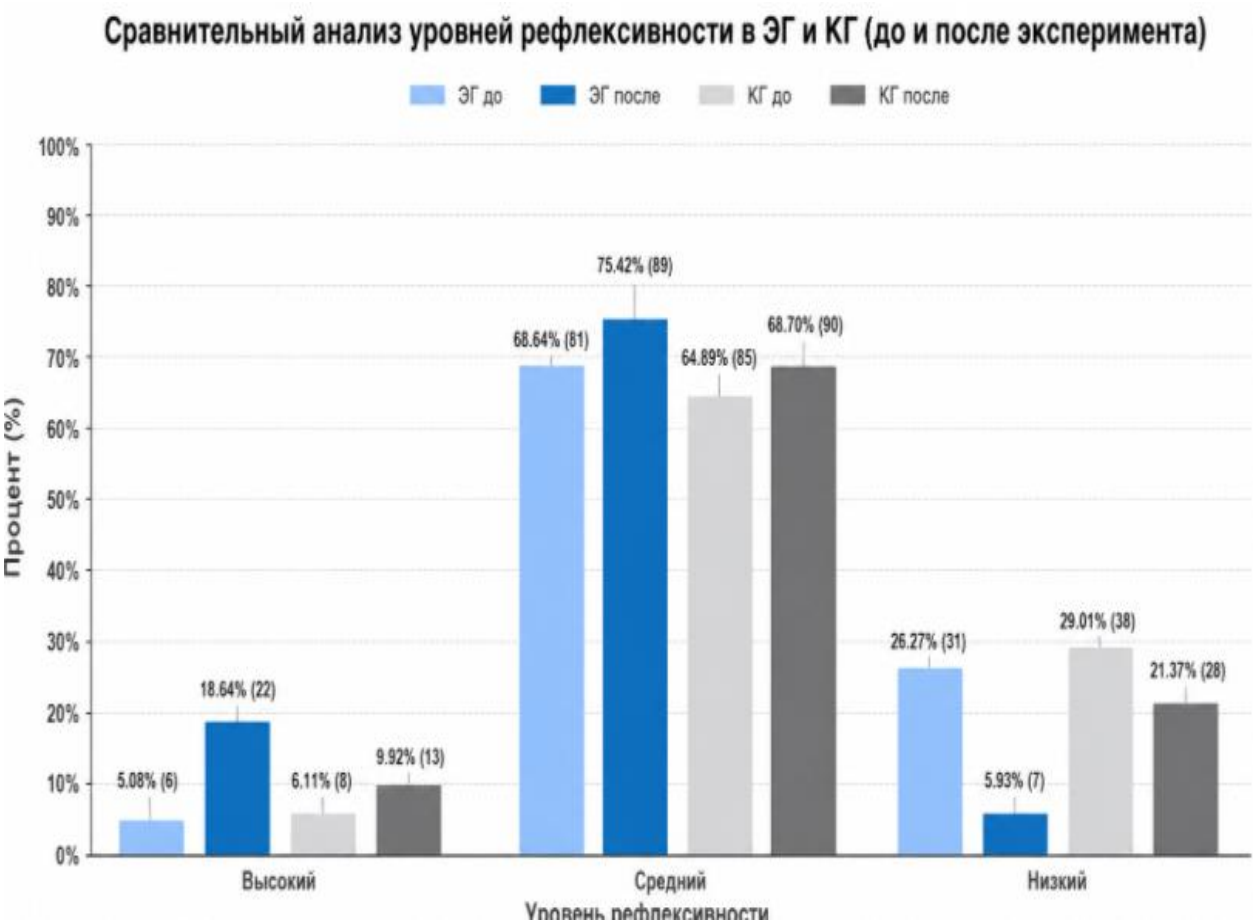

Рисунок 3.18 — Результаты диагностики уровня развития рефлексии курсантов ЭГ и КГ

Для верификации достоверности различий между группами по окончании формирующего этапа эксперимента был проведён математико-статистический анализ с использованием критерия Пирсона (χ^2).

Таблица 3.31 — Статистический анализ динамики уровня рефлексивности курсантов по итогам формирующей программы

Показатель	χ^2	p	
Уровень рефлексивности (ЭГ)	24,68	< 0,001	значимо
Уровень рефлексивности (КГ)	2,85	0,241	незначимо
До начала эксперимента (ЭГ до и КГ до)	0,42	0,812	незначимо
После эксперимента (ЭГ после и КГ после)	14,28	< 0,001	значимо

Различия между экспериментальной и контрольной группами по окончании исследования являются статистически значимыми на высоком уровне достоверности ($p < 0,001$).

Таким образом, математико-статистическое подтверждение превосходства показателей экспериментальной группы над контрольной позволяет сделать вывод о целенаправленном развивающем характере реализованного экспериментального воздействия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что систематическая работа в рамках предложенной программы способствует интериоризации рефлексивных умений, стимулирует переход испытуемых от ситуативной рефлексии к системному самоанализу собственной деятельности и поведения.

Таблица 3.32 — Динамика личностно-профессиональной типологии курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Типология (Сочетание шкал)	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Сбалансированный тип[46]	26	22,03	51	43,22	25	19,08	33	25,19
Автономный (справедливый) тип[47]	19	16,10	26	22,03	23	17,56	26	19,85
Альтруистический (заботящийся) тип[48]	42	35,59	37	31,36	45	34,35	46	35,11
Прагматический тип[49]	31	26,27	4	3,39	38	29,01	26	19,85
Всего	118	100,00	118	100,00	131	100,00	131	100,00

[46] (Высокая Справедливость + Высокая Забота)
[47] (Высокая Справедливость + Низкая Забота)
[48] (Низкая Справедливость + Высокая Забота)
[49] (Низкие показатели по обеим шкалам)

Представленные в таблице 3.32 данные позволяют провести качественный и количественный анализ динамики личностно-профессионального развития курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы.

В ЭГ, где применялась формирующая программа, зафиксированы наиболее выраженные и качественные изменения.

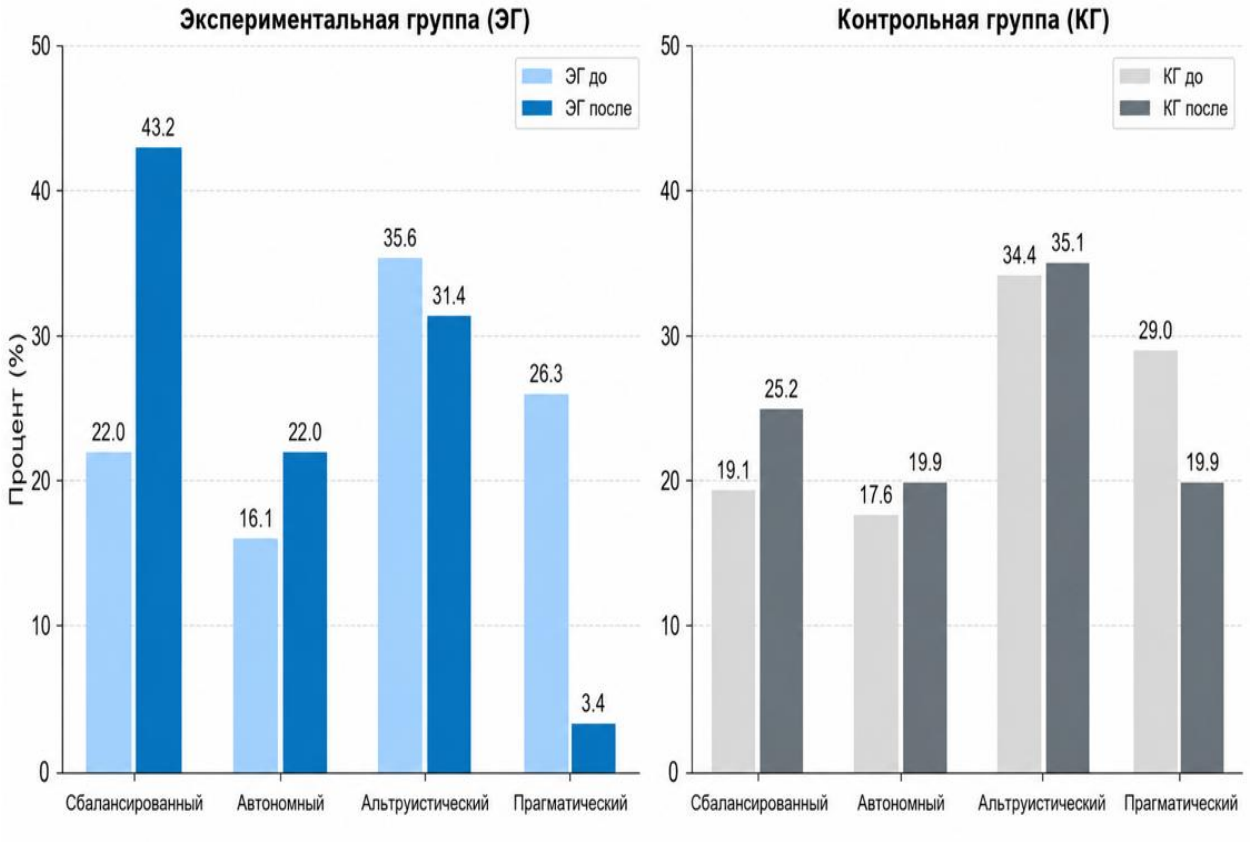

Рисунок 3.19 — Динамика личностно-профессиональной типологии курсантов ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Сравнение результатов «после» эксперимента в двух группах наглядно демонстрирует преимущества развивающей программы.

В ЭГ сбалансированный тип выражен значительно сильнее (43,22%), чем в КГ (25,19%). Формирующая программа позволила почти половине курсантов ЭГ достичь оптимального сочетания профессионально-личностных шкал.

Если в КГ прагматический тип после обучения сохраняется у 19,85% курсантов (каждый пятый), то в ЭГ этот показатель удалось снизить до минимума — 3,39%. Программа доказала свою эффективность в деконструкции сугубо утилитарного отношения к будущей профессии.

В КГ динамика носит пассивный характер. Наблюдается незначительный отток из «прагматиков» в «сбалансированный» тип при стабильном доминировании альтруистического типа. В ЭГ произошел качественный сдвиг: резкое сокращение прагматизма привело к перераспределению курсантов в сторону баланса. Наблюдается смещение акцента на гармоничное развитие и внутреннюю ответственность.

Анализ динамики личностно-профессиональной типологии позволяет сделать вывод о высокой развивающей ценности внедренной формирующей программы.

Программа обеспечила целенаправленный переход курсантов ЭГ от утилитарно-прагматической ориентации к сбалансированному и автономному типам. Это выражается в росте осознанности, внутренней ответственности, справедливости и способности находить баланс между профессиональными требованиями, личными границами и интересами коллектива.

Оценка статистической значимости различий в распределении личностно-профессиональных типов курсантов проводилась с помощью χ2-критерия Пирсона. Результаты статистического анализа представлены в таблице 3.33.

Полученные значения критерия Пирсона математически подтверждают выводы качественного анализа и позволяют сделать следующие заключения.

Внутри ЭГ зафиксирована высокозначимая динамика (χ^2 = 30,35, p < 0,001). Данный результат строго доказывает, что зафиксированное перераспределение обусловлено именно системным воздействием формирующей программы, а не случайными факторами или фоновыми процессами.

Таблица 3.33 — Результаты статистического анализа

Показатель	χ^2	p	Вывод
Личностно-профессиональная типология (ЭГ до и после)	30,35	< 0,001	значимо
Личностно-профессиональная типология (КГ до и после)	3,55	0,315	незначимо
До начала эксперимента (ЭГ до и КГ до)	0,54	0,910	незначимо
После эксперимента (ЭГ после и КГ после)	20,34	< 0,001	значимо

После завершения программы сравнение ЭГ и КГ выявило статистически значимые различия между ними (χ^2 = 20,34, p < 0,001). Это означает, что к моменту окончания исследования экспериментальная группа стала качественно отличаться от контрольной по своему профессионально-личностному профилю.

Институционально-средовой (или организационный) компонент

Таблица 3.34 — Динамика результатов диагностики организационной справедливости курсантами ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

Шкала	Уровень	ЭГ до		ЭГ после		КГ до		КГ после	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Распределительная справедливость	Высокий	36	30,51	61	51,69	43	32,82	66	50,38
	Низкий	82	69,49	57	48,31	88	67,18	65	49,62
Процедурная справедливость	Высокий	49	41,53	73	61,86	51	38,93	76	58,02
	Низкий	69	58,47	45	38,14	80	61,07	55	41,98
Межличностная справедливость	Высокий	77	65,25	81	68,64	86	65,65	88	67,18
	Низкий	41	34,75	37	31,36	45	34,35	43	32,82
Информационная справедливость	Высокий	71	60,17	77	65,25	74	56,49	83	63,36
	Низкий	47	39,83	41	34,75	57	43,51	48	36,64
Всего		118	100,0	118	100,0	131	100,0	131	100,0

По шкале «Распределительная справедливость» в обеих группах произошел качественный сдвиг: высокий уровень теперь превышает 50% (ранее был около 30%). Большинство курсантов перешли из категории недовольных в категорию удовлетворенных распределением ресурсов,

оценок и нагрузок. Показатели ЭГ выросли несколько сильнее (+21,18%), чем КГ (+17,56%), однако разница между ними невелика. По шкале «Процедурная справедливость» наблюдается заметное улучшение восприятия правил и процедур. Если до эксперимента около 60% курсантов считали процедуры несправедливыми, то после эксперимента около 60% (61,86% в ЭГ и 58,02% в КГ) оценивают их положительно. Прирост в ЭГ (+20,33%) незначительно опережает прирост в КГ (+19,09%).

По шкалам «Межличностная и информационная справедливость» и до эксперимента фиксировался достаточно высокий уровень (выше 55–60%). После эксперимента показатели умеренно улучшились во всех группах (прирост от +1,5% до +7%).

Наиболее важная и интересная научная деталь в этой таблице — параллельный и почти одинаковый рост показателей как в ЭГ, так и в КГ.

Подобный феномен в психолого-педагогических исследованиях может быть обусловлен несколькими факторами.

Курсанты со временем привыкают к специфике обучения, требованиям, системе оценивания и нарядов. То, что на начальном этапе казалось им несправедливым в силу стресса или новизны, со временем начинает восприниматься как норма, правила становятся понятными, что автоматически повышает оценку справедливости среды.

Курсанты экспериментальной и контрольной групп обучаются в одном вузе, общаются в неформальной обстановке, делятся информацией и опытом. Позитивные изменения, транслируемые участниками ЭГ (например, полученные психологические навыки, изменение отношения к трудностям), могли опосредованно повлиять на курсантов КГ.

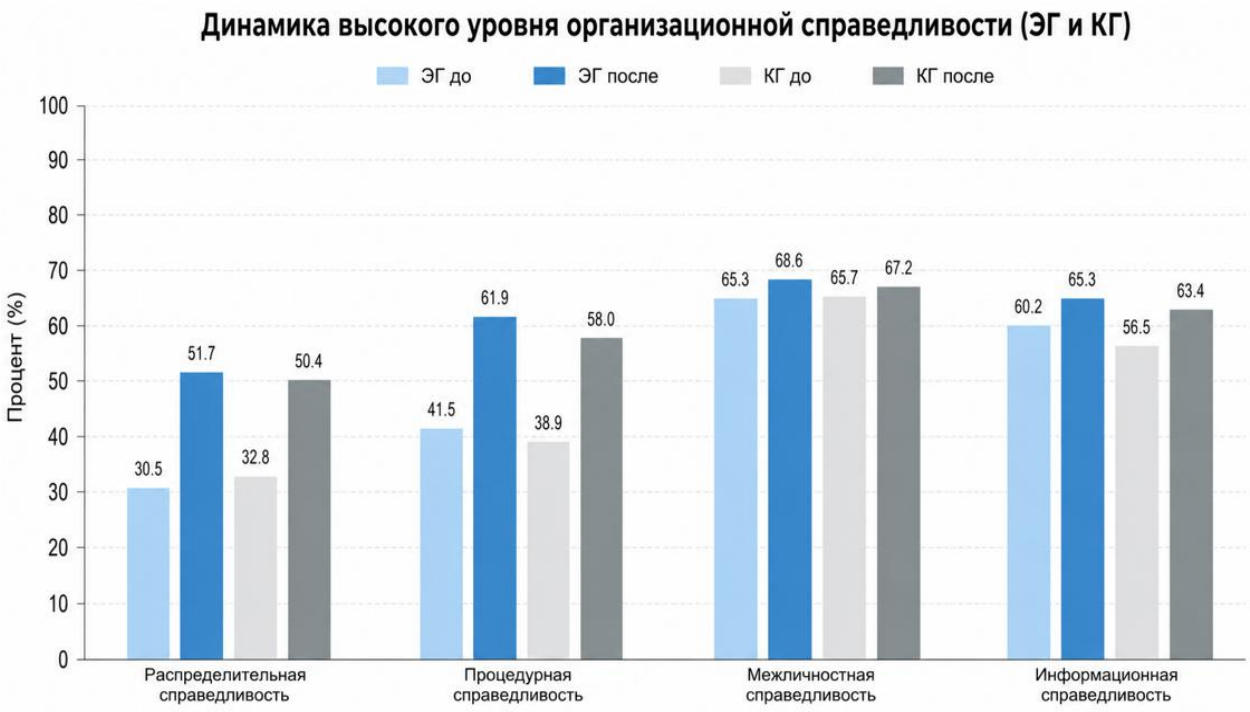

Рисунок 3.20 — Динамика результатов диагностики организационной справедливости курсантами ЭГ и КГ по итогам формирующей программы

В период проведения эксперимента в самом учебном заведении произошли системные изменения общего характера (скорректированы учебные планы, регламенты, проведены плановые инструктажи для руководящего состава), которые позитивно повлияли на весь курс в целом, независимо от деления на ЭГ и КГ.

При повторном прохождении одной и той же методики респонденты могут подсознательно ориентироваться на более одобряемые или социально желательные ответы («все стало лучше»).

В образовательной среде курсантов-юристов произошли качественные изменения. Удалось преодолеть дефицит распределительной и процедурной справедливости, который фиксировался на первом этапе.

Формирующая программа в ЭГ внесла свой вклад. Прирост в ЭГ по ключевым шкалам несколько выше, чем в КГ. Однако из-за сильной положительной динамики в КГ чистый эффект экспериментального воздействия выглядит умеренным.

Выводы по 3-й главе

Проведенное исследование динамики показателей склонности курсантов к отклоняющемуся поведению до и после реализации формирующей программы позволяет сформулировать следующие выводы.

Доказательство эффективности целенаправленного формирующего воздействия.

Сравнительный анализ результатов повторной диагностики выявил выраженные позитивные изменения в экспериментальной группе (ЭГ) при минимальной динамике аналогичных показателей в контрольной группе (КГ). Это позволяет сделать вывод о том, что зафиксированные сдвиги в ЭГ обусловлены непосредственно содержанием и методами реализованной программы психологической коррекции и профилактики, а не только естественными факторами взросления или общим воздействием образовательной среды ведомственного вуза.

Снижение выраженности критических зон девиантного риска. Наиболее значимый профилактический эффект программы выразился в существенном сокращении доли курсантов ЭГ с высоким уровнем деструктивных тенденций. В частности, показатели высокой склонности к агрессии и насилию снизились с 15,25% до 4,24% (в 3,6 раза), а склонности к преодолению норм и правил (делинквентности) — с 12,71% до 3,39% (в 3,7 раза). Группа высокого риска по шкале склонности к аддиктивному поведению в ЭГ по итогам эксперимента была полностью нивелирована (0,00% после программы против 6,78% до ее начала).

Развитие личностной рефлексии и эмоционально-волевого самоконтроля. Ослабление выраженности слабого волевого контроля эмоциональных реакций в ЭГ (снижение высокого уровня с 12,71% до 3,39%) свидетельствует о росте эмоциональной устойчивости и поведенческого самообладания курсантов. Одновременное увеличение доли респондентов с низким уровнем установки на социальную желательность (с 18,64% до

31,36%) отражает повышение их внутренней открытости, готовности к самоанализу и уход от стратегий компенсаторного приукрашивания собственного образа («служебной лжи»).

Практическая значимость и перспективы внедрения.

Результаты апробации формирующей программы подтверждают ее развивающий и коррекционный потенциал в отношении будущих офицеров. Полученные данные позволяют рекомендовать интеграцию элементов разработанной программы в систему психологического сопровождения и учебно-воспитательного процесса ведомственных образовательных организаций с целью снижения рисков дезадаптации и предупреждения деструктивного поведения у курсантов.

Статистический анализ с использованием χ^2-критерия Пирсона показал, что в ЭГ после проведения формирующей программы произошли статистически значимые изменения в распределении испытуемых по уровням ценностных ориентаций по большинству шкал: «Процесс» (p = 0,03), «Альтруизм» (p = 0,017), «Эгоизм» (p = 0,031), «Свобода» (p = 0,050), «Власть» (p = 0,001), «Труд» (p = 0,003), «Деньги» (p = 0,010). По шкале «Результат» выявлена тенденция к значимым изменениям (p = 0,064). В КГ статистически значимых изменений не обнаружено (p > 0,05). При межгрупповом сравнении после эксперимента статистически значимые различия установлены по шкале «Власть» (p = 0,013), а по шкале «Труд» выявлена тенденция к различию (p = 0,069). Это позволяет заключить, что экспериментальное воздействие оказало статистически подтверждённое влияние на структуру ценностных ориентаций участников эксперимента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью и задачами диссертационного исследования проведена комплексная теоретико-методологическая и опытно-экспериментальная работа по решению проблемы формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии. Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы, структурированные по основным задачам исследования:

1. Изучены теоретико-методологические основы формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии.

В ходе исследования раскрыта сущность коррупции с психолого-педагогической точки зрения. Данное явление определено как системная нравственно-психологическая деформация личности, которая выражается в подмене общественных ценностей корыстными мотивами и выступает следствием дефектов правового и морального воспитания.

На основе интеграции методологических подходов, особенно компетентностного и аксиологического, обосновано, что антикоррупционное поведение курсантов представляет собой сложное личностное образование, ядром которого является нравственно-ценностная позиция. Сформулирована авторская трактовка понятия, согласно которой антикоррупционное поведение определяется не как пассивное подчинение запретам, а как проактивная, этически обусловленная и интеллектуально обеспеченная позиция личности, реализуемая в институциональной среде ведомственного вуза и непрерывно совершенствуемая в процессе саморефлексии.

2. Проведен анализ и разработка содержания и технологий формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии.

В ходе анализа выявлена специфика профессиональных задач подразделений войск национальной гвардии (в частности, в сферах лицензионно-разрешительной работы и охраны общественного порядка), формирующая уникальное поле коррупционных рисков и требующая специализированной методики подготовки будущих офицеров.

Разработано содержательное наполнение процесса формирования антикоррупционного поведения, базирующееся на превентивном потенциале дисциплин гуманитарного цикла (психологии, педагогики, юриспруденции, обществознания, истории, философии, этики и др.), которые способствуют формированию у курсантов этических ценностей, правовой культуры и гражданской позиции. В качестве ведущих технологий обосновано применение интерактивных форм обучения (тренингов, разбора профессиональных ситуационных задач), позволяющих переводить теоретические знания в плоскость личного опыта поведенческого выбора. Определена также значимая роль институциональных факторов среды — курсантского самоуправления и воинского коллектива, выступающих в качестве механизмов практического этического воспитания и внутреннего контроля.

3. Разработка модели процесса формирования антикоррупционного поведения курсантов.

В исследовании спроектированы две модели, описывающие изучаемый процесс на индивидуально-личностном и организационно-педагогическом уровнях:

– структурно-психологическая модель этапов антикоррупционного поведения, отражающая логику действий личности в коррупциогенной ситуации (осознание риска — оценка выбора — принятие решения — реализация решения);

– структурно-функциональная модель формирования антикоррупционного поведения, объединяющая мотивационно-ценностный, личностный, когнитивный, институционально-средовой (организационный), поведенческий и рефлексивный компоненты. Данная модель позволила

реализовать системный подход, объединяющий воздействие на внутренние качества будущего офицера (мотивацию, этику, волю) с влиянием внешней институциональной среды.

4. Опытно-экспериментальная проверка эффективности психолого-педагогических условий формирования антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций Росгвардии.

В ходе опытно-экспериментальной работы осуществлена апробация разработанной формирующей программы психологической коррекции и профилактики. Сравнительный анализ данных до и после эксперимента в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах показал статистически значимую положительную динамику в ЭГ, что подтвердило эффективность созданных условий.

Полученные эмпирические данные указывают не просто на количественное изменение показателей, а на качественную перестройку ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сфер курсантов ЭГ. Наиболее значимые сдвиги зафиксированы по шкалам склонности к агрессии и нарушению норм, что имеет принципиальное значение для будущих сотрудников правоохранительной и юридической сфер, чья деятельность жестко регламентирована законом и связана с высокой конфликтогенностью. Снижение показателей импульсивности (волевого контроля) и рост уровня искренности (самооценки по шкале лжи) свидетельствуют о формировании у курсантов ЭГ механизмов осознанной саморегуляции и внутренней ответственности.

Проведенный качественный и количественный анализ распределения личностно-профессиональных типов курсантов в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах позволяет сформулировать следующие выводы:

– наиболее значимый профилактический эффект программы выразился в существенном сокращении доли курсантов ЭГ с высоким уровнем деструктивных тенденций. В частности, показатели высокой склонности к агрессии и насилию снизились с 15,25% до 4,24% (в 3,6 раза), а склонности к преодолению норм и правил (делинквентности) — с 12,71% до

3,39% (в 3,7 раза). Группа высокого риска по шкале склонности к аддиктивному поведению в ЭГ по итогам эксперимента была полностью нивелирована (0,00% после программы против 6,78% до ее начала);

– ослабление выраженности слабого волевого контроля эмоциональных реакций в ЭГ (снижение высокого уровня с 12,71% до 3,39%) свидетельствует о росте эмоциональной устойчивости и поведенческого самообладания курсантов. Одновременное увеличение доли респондентов с низким уровнем установки на социальную желательность (с 18,64% до 31,36%) отражает повышение их внутренней открытости, готовности к самоанализу и уход от стратегий компенсаторного приукрашивания собственного образа («служебной лжи»);

– в ЭГ после проведения формирующей программы произошли статистически значимые изменения распределения испытуемых по уровням ценностных ориентаций по большинству шкал: «Процесс» (p = 0,031), «Альтруизм» (p = 0,017), «Эгоизм» (p = 0,031), «Свобода» (p = 0,050), «Власть» (p = 0,001), «Труд» (p = 0,003), «Деньги» (p = 0,010). По шкале «Результат» выявлена тенденция к значимым изменениям (p = 0,064). В КГ статистически значимых изменений не обнаружено (p > 0,05). При межгрупповом сравнении после эксперимента статистически значимые различия установлены по шкале «Власть» (p = 0,013), а по шкале «Труд» выявлена тенденция к различию (p = 0,069). Это позволяет заключить, что экспериментальное воздействие оказало статистически подтверждённое влияние на структуру ценностных ориентаций участников эксперимента.

Таким образом, результаты исследования подтвердили состоятельность разработанных теоретических положений и моделей. Разработанная программа рекомендована к интеграции в систему психологического сопровождения и учебно-воспитательного процесса ведомственных образовательных организаций с целью снижения рисков дезадаптации и успешного предупреждения деструктивного поведения будущих офицеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная стратегия противодействия коррупции // РГ – 2010. – 15.04. – № 79. https://rg.ru/2010/04/15/nacstrategiya-dok.html

2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию: [заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.: ETS № 173] // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 21.08.2026). – Режим доступа: по подписке.

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: (заключена в г. Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) – Текст электронный // Система «Гарант». – Режим доступа: https://base.garant.ru/2563049/

5. О двадцати принципах борьбы с коррупцией: Резолюция Совета Европы (97) 24: (принята Комитетом министров 6 ноября 1997 г. на 101-й сессии) – Текст электронный // Система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=9115#02351303769356845

6. Абадиев, А. М. Коррупционные сети в российском государственном управлении: политико-правовой анализ: дис. … канд. юрид. 326 наук: 23.00.02 / Абадиев Ахмад Михайлович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 148 с.

7. Абрамова, М. В. К вопросу о сущности понятия «коррупционные риски» / М. В. Абрамова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 4. – С. 69–73.

8. Александров, С. Г. Правовой механизм борьбы полиции с коррупцией: сравнительно-правовое исследование на примере Российской Федерации и ведущих зарубежных стран: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.01 / Александров Сергей Григорьевич. – Москва, 2005. – 314 с.

9. Алексеев, С. Л. Формирование стандартов антикоррупционного поведения у студентов образовательных организаций / С. Л. Алексеев, Ю. С. Сергеева, Р. Н. Шайдуллин // Международный журнал экспериментального образования. – 2018. – № 1. – С. 5–10.

10. Алексеев, С. Л., Сергеева, Ю. С., Шайдуллин, Р. Н. Формирование стандартов антикоррупционного поведения у студентов образовательных организаций // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 7. – С. 13–16.

11. Алехин, И. А. Психология и педагогика: учебное пособие для профессорско-преподавательского состава, слушателей, курсантов (студентов) военных вузов и Российской таможенной академии / И. А. Алехин, А. И. Пустозеров; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская таможенная акад.». – Москва: Российская таможенная академия, 2008. – 246 с.

12. Амиантова, И. С. Противодействие коррупции: учебное пособие для вузов / И. С. Амиантова. – Москва: Издательство «Юрайт», 2021. – 149 с.

13. Амиров, К.Ф. Антикоррупционное и правовое воспитание: учебное пособие для учащихся 10-11 кл. общеобразоват. учреждений, студентов колледжей и вузов / К.Ф. Амиров, Д.К. Амирова. – Казань: Магариф – Вакыт, 2010. – 159 с. ISBN 978-5-85247-379-0

14. Антикоррупционная политика: учебник для вузов / под редакцией Г. А. Сатарова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 396 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11757-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/586165

15. Антикоррупционное воспитание. Методические рекомендации по формированию и реализации системы антикоррупционного воспитания в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Татарстан / авт.-сост.: И. В. Сафронова, Г. Р. Хамитова, И. М. Фокеева, И.Т. Сагдеева. – Казань: ИРО РТ, 2015. – 38 с.

16. Антикоррупционное воспитание. Методические рекомендации по формированию и реализации системы антикоррупционного воспитания в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Татарстан /авт.- сост.: И. В. Сафронова, Г. Р. Хамитова, И. М. Фокеева, И. Т. Сагдеева. – Казань: ИРО РТ, 2015. – 38 с.

17. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Д. А. Пашенцев, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Проспект, 2024. –144 с.

18. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты / В. В. Астанин. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2012. – 255 с. – ISBN 978-5-238-01778-5. – EDN RBCACR.

19. Асташина, Е. Е. Неприятие коррупции через образование (методические материалы) / Е. Е. Асташина. – Самара: Самарская молодежная организация «Педагогический клуб «Радуга»», 2006. – 62 с.

20. Афанасьев, В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – Изд. 2-е. – Москва: URSS: ЛЕНАНД, cop. 2018. – 367с.

21. Ахметова, Н. А. Проблемы методологии и методики антикоррупционного обучения в российском юридическом вузе / Н. А. Ахметова, М. Л. Давыдова. // Право и современные государства. – 2013. – № 6. – С. 9–15.

22. Бажин, Е. Ф. Опросник уровня субъективного контроля (УСК) / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. — Москва: Смысл, 1993. — 16 с. — Текст: непосредственный.

23. Байденко, В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: метод. пособие / В. И. Байденко. – Москва: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 2006. – 71 с.

24. Баранов, В. М. О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России* / В. М. Баранов, П. А.

Кабанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 16-28. – DOI 10.36511/2078-5356-2024-2-16-28. – EDN JHNOXR.

25. Бастрыкин, А. И. Перспективы создания в России финансовой полиции и пути совершенствования деятельности по противодействию финансовой преступности / А. И. Бастрыкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2014. – № 3(3). – С. 3-8. – EDN TWHONJ.

26. Безносов, С. П. Практикум по социально-психологическому тренингу / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов; [С. П. Безносов и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во СПб. гуманитар. ун-та профсоюзов, 1997. – 307 с.; 20 см.; ISBN 5-7621-0040-5

27. Безносов, С. П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносов. – СПб.: Речь, 2004 (ГПП Печ. Двор). – 270, [1] с.

28. Безносов, С. П. Психология: Учебник / [В. М. Аллахвердов, С. П. Безносов, В. А. Богданов и др.]; Отв. ред. А. А. Крылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект: Велби, 2004. – 743 с.

29. Бикеев, И. И. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2010. – № 3. – С. 178–188.

30. Бикмухаметов, А. Э. Дополнительное антикоррупционное профессиональное образование муниципальных служащих: уровни и основные направления подготовки / А. Э. Бикмухаметов, И. М. Юсупов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 13–15.

31. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода [Текст] / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва: Наука, 1973. – 270 с.

32. Бондаревская, Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е. В. Бондаревская. – Ростов-на-Дону: Булат, 2000. – 351 с.

33. Борзенко, Ю. А. Антикоррупционное образование курсантов / Ю. А. Борзенко. // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 4 (17). – С. 127–130.

34. Борисова, С. Е. Юридическая психология (психология в деятельности следователя) [Текст]: учебное пособие / С. Е. Борисова. – Орёл: Картуш, 2011. – 295 с.: ил., портр., табл.; 21 см.; ISBN 978-5-9708-0168-0

35. Бочарников, И. В. Зарубежный опыт противодействия коррупции. Актуальные проблемы противодействия коррупции. Сер. Проблемы национальной безопасности. 2008. – № 6 (351). Москва: Совет Федерации ФС РФ. – С. 45–56.

36. Бродзели, Л. О. Понятийно-терминологический аппарат антикоррупционного воспитания: к постановке проблемы / Л. О. Бродзели, И. В. Кичева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 10(123). – С. 35-42. – EDN ZTHYAJ

37. Буданов, А. В. Педагогические основы обеспечения антикоррупционной устойчивости сотрудников органов внутренних дел. Учебно-методическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – 41с.

38. Бурлаков, Т. В. Неприятие коррупции как одно из основных направлений работы с кадрами в уголовно-исполнительной системе / Т. В. Бурлаков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 9. – С. 2–9.

39. Бурлачук, Л. Ф. Словарь – справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер Ком, 2009. – 528 с.

40. Бурмакин, В. М. Актуализация социально-философского аспекта в исследовании и внедрении антикоррупционных практик: антикоррупционное просвещение / В. М. Бурмакин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 1. – С. 52-59. – DOI 10.18384/2310-7227-2019-1-52-59. – EDN YZTUIP

41. Бурмакин, В. М. Проблема формирования антикоррупционных мер в философской ретроспективе (Платон и Аристотель) / В. М. Бурмакин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 3. – С. 18-24. – DOI 10.18384/2310-7227-2019-3-18-24. – EDN NSKVXF. с.20

42. Бурмакин, В. М., Сорокоумова, С. Н. Ключевые аспекты изучения антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2026. – № 2. С. 142-154.

43. Бурмакин, В.М. Сравнительный анализ подходов к антикоррупционному образованию в гражданских и ведомственных вузах (на материалах диссертаций по научной специальности 5.8.7. за 2014–2024 гг.) / В.М. Бурмакин // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2026. № 4 (106). С. 93-99. DOI: http://dx.doi.org/10.36871/2306-8329_2026_106_4_93

44. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – С. 323-328. https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korruptsionnogo-povedeniya

45. Ванновская, О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография / О. В. Ванновская. — 2-е изд., стер. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 251 с. (Актуальные монографии). – ISBN 978-5-534-06492-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/585298

46. Ванюхина, Н. В. Проблема антикоррупционного взаимодействия субъектов образовательного процесса / Н. В. Ванюхина, А. И. Скоробогатова, Ф. А. Саглам. // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4 (32). – С. 15–19.

47. Вахитов, Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов военного института войск национальной гвардии Российской Федерации: 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования: Дисс. …канд. пед. наук / Вахитов Дмитрий Минуллович. Кемерово. 2024. – 170 с.

48. Вербицкий, А. А. Контекстное образование в России и США: монография / А. А. Вербицкий. – Санкт-Петербург: Нестор-История; Москва: [б. и.], 2019. – 314, [1] с.

49. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – Москва: Высш. шк., 1991. – 204 с.

50. Винокурова, М. А., Коршунова, Н. В. Противодействие коррупции в образовании: учебное пособие. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. — 95 с. — ISBN 978-5-7271-1873-3.

51. Вонтова, Н. Е. Антикоррупционное воспитание, как метод формирование антикоррупционной культуры у студентов ВУЗов / Н. Е. Вонтова, Т. Е. Землинская // V Международные педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: сб. материалов (Пермь, 2–4 октября 2019 г.). – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 29–34.

52. Всероссийская научно-практическая конференция «Комплексная безопасность образовательных организаций: теория и практика»: сборник материалов / редкол.: М.В. Дулясова и др.; под общ. ред. д.э.н., проф. М.В. Дулясовой. – Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2017. – 287 с.

53. Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.

54. Генезис научных представлений о сущности профессиональных ценностей / А. А. Лаптев, П. Ю. Наумов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 12. – С. 24-33.

55. Гибридные войны: учебник (третье издание с изменениями и дополнениями) / О.Г. Карпович, А.А. Гришанов, В.Б. Козюлин, В.В. Комлева, С.А. Кондаков, А.А. Крутько, А.Ж. Мартиросян, А.В. Моисеев, А.Ш. Ногмова, Д.И. Савельев, Р.Н. Шангарев; Дипломатическая академия МИД России – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2026. – 910 с.

56. Гладких, В. И. Противодействие коррупции на государственной службе: учебное пособие для вузов / В. И. Гладких, В. М. Алиев, В. Г. Степанов-Егиянц. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Издательство «Юрайт», 2021. – 207 с.

57. Годунов, И. В. Основы противодействия коррупции: учебник / И.В. Годунов. – Москва: Российская академия образования, Университет Российской академии образования, Научно-исследовательский институт противодействия организованной преступности, 2012. – 302 с.

58. Голик, Ю. В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю. В. Голик, В. И. Карасев // Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. – 329 с.

59. Головин, А. Ю. Антикоррупционное воспитание в сфере высшего профессионального образования (по опыту работы Тульского государственного университета) / А. Ю. Головин, Е. С. Дубоносов, С. Н. Ковалев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 1-2. – С. 3–16.

60. Гончаренко, Г. С. Понятие, сущность и виды коррупции в совр. России // Административное и муниципальное право. – 2010. – №6. – С. 58 – 61.

61. Грановская, Р. М. Психология в примерах / Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2002. – 247, [1] с.: ил.; 20 см.; ISBN 5-9268-0118-4

62. Грановская, Р. М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская. – 5. изд., испр. и доп. – СПб.: Речь, 2003 (ГПП Печ. Двор им. А.М. Горького). – 655 с.: ил.; 22 см. (Психологический практикум).; ISBN 5-9268-0184-2

63. Гусева А.С. Развитие аутопсихологических способностей личности: методы и технологии: Учеб.-метод. пособие / А.С. Гусева, В.В. Лешин; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва: Изд-во РАГС, 2000. – 116, [1] с.

64. Дамаскин, О. В. Коррупция: состояние, причины, противодействие: учебное пособие для руководящего преподавательского научного состава, курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов и аспирантов образовательных учреждений высшего профессионального образования / О. В. Дамаскин. – Москва: Триумфальная арка, 2009. – 302, [2] с.: табл.; 21 см. (Библиотека Фонда "Наука-XXI").; ISBN 978-5-904335-03-8

65. Дамаскин, О. В. Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы: монография / О. В. Дамаскин. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 262, [1] с.; 21 см.; ISBN 978-5-4396-2099-9

66. Дашко, М. Н. Психология на службе закона // Полиция России. 2017. – № 2. – С. 8–9

67. Девятовская, И. В. Психологические предикторы коррупционного поведения личности и их коррекция / И. В. Девятовская, Э. Э. Сыманюк // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 8. – С. 205-208.

68. Диагностика Российской коррупции: социологический анализ. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2001. – С. 430.

69. Довгяло, В. К. Современные механизмы противодействия коррупции в сфере образования: курс лекций / В. К. Довгяло, Н. В. Коршунова. — Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. — 149 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа IPR CMAPT: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/books/70654/details (дата обращения: 03.08.2026).

70. Дубоносов, Е. С. О методике преподавания дисциплин антикоррупционной направленности в высших учебных заведениях / Е. С. Дубоносов, С. Н. Ковалев // Известия Тульского государственного

университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 1-2. – С. 17–23.

71. Дубровина, О. И. Представления государственных служащих о коррупции и коррупционном поведении в зависимости от уровня заработной платы / О. И. Дубровина, К. А. Володина, А. Н. Ершова // Организационная психология. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 172-190.

72. Ерошенков, Н. В. Воспитание профессиональной нравственности курсантов в вузе МВД России / Н. В. Ерошенков. // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 35–39.

73. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.

74. Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. – № 1. С. 8–21.

75. Журавлев, А.Л. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко; Рос. акад. наук. Ин-т психологии. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2003 (ППП Тип. Наука). – 435 с.: диагр., ил., табл.; 22 см.; ISBN 5-9270-0038-X

76. Журавлева, О. Н. Формирование антикоррупционного мировоззрения как актуальная проблема образования / О. Н. Журавлева // Преподавание истории в школе. – 2011. – № 3. – С. 39–44.

77. Замалетдинов, Р. Р., Ибрагимова Е. М., Амирова Д. К. Формирование антикоррупционной культуры у школьников: Учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. – Казань: Магариф – Вакыт, 2010. – С. 159.

78. Зеленков, М. Ю. Конфликтология [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки "Управление персоналом" (квалификация "бакалавр" / М. Ю. Зеленков. – Москва: Дашков и К, 2013. – 323 с.; 21 см. (Учебные издания для бакалавров).; ISBN 978-5-394-01918-0

79. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». — 2006. — URL: http://www.eidos.ru/journal/2006/0505-03.htm

80. Зимняя, И.А. Педагогическая психология [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям / И. А. Зимняя. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – Москва: Университетская книга; Логос, 2008. – 382, [1] с.: ил., табл.; 22 см. - (Новая университетская библиотека).; ISBN 978-5-98704-069-8

81. Змановская, Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход: автореф. дис. … д-ра психол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 49 с.

82. Знаков, В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 5. – С. 16–22.

83. Знаков, В. В. Психология понимания. Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448 с.

84. Ибрагимова Е.М., Хамдеев А.Р. Сущность понятия антикоррупционная культура и ее функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 219-219 https://science-education.ru/article/view?id=9329 (дата обращения: 03.09.2026).

85. Ибрагимова, Е. М. Сущность понятия антикоррупционная культура и ее функции / Е. М. Ибрагимова, А. Р. Хамдеев // Современные проблемы науки и образования. 2013. – № 3. URL: http://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=9329

86. Ибрагимова, Е. М. Формирование антикоррупционной культуры у школьников: учебное пособие для учащихся 10-11 классов общеобразоват. учреждений / Р. Р. Замалетдинов, Э. М. Ибрагимова, Д. К. Амирова. – Казань: Магариф-Вакыт, 2010. – 159 с.

87. Иванова, А. А. Коррупция и система противодействия: учебное пособие / А. А. Иванова; под ред. д. ю. н., проф. Г. Н. Горшенкова. – Нижний Новгород: Печатная Мастерская «Радонеж», 2022. – 108 с.

88. Идрисова, С. Ф. Проблемы реализации концепции непрерывного антикоррупционного образования элиты / С. Ф. Идрисова. // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 156–160.

89. Кабанов, П. А. Антикоррупционное образование и просвещение в Российской Федерации: понятийный аппарат и проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 138–144.

90. Кабанов, П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // «Актуальные проблемы экономики и права». Russian Journal of Economics and Law.2014. – № 4. – С.42-51. https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnoe-prosveschenie-kak-sredstvo-protivodeystviya-korruptsii-ponyatie-i-soderzhanie

91. Кабанов, П. А. Понятие и содержание антикоррупционного просвещения как средства профилактики коррупции // Юридические исследования. – 2015. – № 2. – С. 12-27. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14150.html

92. Капцов, А. В. Карпушина, Л. В. Тест личностных ценностей: Руководство по применению.3-е издание, доп. Самара: ИПК «Содружество», 2010. – 40 с.

93. Караяни, А. Г. Прикладная военная психология: учеб.-метод. пособие: учеб. пособие для курсантов и слушателей высш. воен.-учеб. заведений / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. – СПб. [и др.] : Питер, 2006 (ГПП Печ. Двор). – 480 с.

94. Караяни, А. Г. Психология общения и переговоров: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям "Психология служебной деятельности", "Педагогика и психология девиантного поведения", "Правоохранительная деятельность", "Обеспечение законности и

правопорядка" / А. Г. Караяни, В. Л. Цветков. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. – 247 с.: ил.; 23 см.; ISBN 978-5-238-03643-4

95. Карпов, А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики // Психологический журнал. 2003. – Т.24. – №5. С.45-57.

96. Качкина, Т. Б. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учебное пособие / Т. Б. Качкина, А. В. Качкин. – Ульяновск: ОАО «Областная типография «Печатный двор»», 2010. – 80 с.

97. Качкина, Т. Б., Качкин, А. В. Противодействие коррупции через образование: Методическое пособие / Качкина Т. Б., Качкин А. В. – Ульяновск, 2009. – 102 с.

98. Кириллов, С. И. Особенности антикоррупционного воспитания студентов в образовательных учреждениях / Кириллов, С. И., Кривошеев, С. В. // Право: история и современность. № 3(16), – 2021. – С.110 – 117.

99. Кирпичников, А. И. Российская коррупция. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 439 с.

100. Кирьякова, А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей: (Монография) / А. В. Кирьякова. – Оренбург: Б. и., 1996. – 188 с.

101. Киселев, В. В. Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников государственной организации: дисс. … канд. псих. наук: 19.00.03 / Киселев Вадим Васильевич. М., 2016. – С. 258.

102. Киселев, В. В. Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников государственной организации: дис. … канд. психол. наук. М., 2016. – 258 с.

103. Китова, Д. А. Представления личности о социальных последствиях коррупции // Социальная и экономическая психология, №4(1). – 2019. – С.155–190.

104. Китова, Д. А. Психолого-правовые особенности отношения к коррупции студентов различных российских регионов // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. №5. – С.76-91.

105. Кичева, И. В. Антикоррупционное воспитание: мировой опыт и российская практика / И. В. Кичева, Л. О. Бродзели // European research. – 2016. – №12 (23). – С. 74–77.

106. Климовицкий, С. В. Решение проблемы когерентности в современных западных социологических теориях / С. Климовицкий; Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исследований. – Москва: ИСПИ РАН, 2007. – 90, [2] с.

107. Климовицкий, С. В., Карепова С. Г. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. – Т. 1. – № 4. – С. 206–222.

108. Ковтуненко, Л. В. Антикоррупционное просвещение как направление формирования антикоррупционной культуры курсантов вузов МВД России / Л. В. Ковтуненко, О. А. Титова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 4-1(157). – С. 18-20

109. Ковтуненко, Л. В., Титова, О. А. Формирование антикоррупционной культуры курсантов организаций МВД России как мера профилактики коррупционных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 4 (98) – 2022. – С.216-221

110. Коровников, А. В. Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование = Social protection of servicemen: formation, development and legislation / А. В. Коровников. – Москва: Диамант СВ, 1995. – 254 с.

111. Коррупция как социальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа = Corruption as a societal phenomenon: sociological, socio-psychological and economic aspects of the analysis: Corruption as a societal phenomenon: sociological, socio-

psychological and economic aspects of the analysis: (коллективная монография) / Г. В. Осипов, С. Г. Карепова, С. В. Климовицкий [и др.] ; редколлегия: С. Г. Карепова (ответственный редактор) [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН). – Москва: [б. и.]; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 278, [1] с.: цв. ил., табл.; 25 см.; ISBN 978-5-4469-1614-6

112. Корчемный, П. А. Военная психология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 020400 "Психология" / П. А. Корчемный. – Москва: Изд-во ОВЛ, 2005. – 317 с.: табл.; 21 см.; ISBN 5-98863-002-2

113. Корчемный, П. А. Психология человека: учебное пособие для адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней / П. А. Корчемный; Московский гуманитарно-экономический ин-т, Военный ун-т. - Москва: Московский гуманитарно-экономический ин-т, 2008. – 280 с.

114. Коршунова О. Н., Кулик Н. В., Плугарь Д. М. Антикоррупционное законодательство и стандарты. ООО «Проспект», 2015. https://books.yandex.ru/reader/petAvT4d?resource=book

115. Коршунова, Н. В. Современные механизмы противодействия коррупции в сфере образования: курс лекций / Н. В. Коршунова. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. – 149 с. – ISBN 2227-8397

116. Коршунова, О.Н. Антикоррупционное законодательство и стандарты антикоррупционного поведения [Текст]. – Москва: Проспект, 2016. – 544 с.

117. Кротова, Д. Н. Психологические особенности коррупционного поведения сотрудников правоохранительных органов // Государственная служба и кадры. 2019. – С.118-119

118. Куракин, А. В. Противодействие коррупции посредством применения мер дисциплинарного характера: учебник для вузов / А. В. Куракин, В. Г. Коврова. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 90 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12930-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/588320 (дата обращения: 23.03.2026).

119. Ларина, Г. Н. Коррупция как социально-психологический феномен // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2024. – № 3 (71). Режим доступа: URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5432/ [дата обращения 07.08.2025].

120. Ларионова, Е. Ю., Демаков, В. И., Голодков, Ю. Э. Сравнительная оценка психологических детерминант антикоррупционного поведения сотрудников ОВД и государственных служащих // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. – Вып. 7. Ч. 2. – С. 91–96.

121. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова. – Москва: Смысл, 2005. – 431 с.: ил., портр.: 22 см.; ISBN 5-89357-113-4

122. Личность коррупционного преступника: монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина; Университет прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2019. – 384 с.

123. Майстренко Г.А., Майстренко А.Г. Механизмы реализации антикоррупционной политики в вузах ФСИН России // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 220–224.

124. Мануйлов, Ю. С. Средовой подход в воспитании / Ю.С. Мануйлов; Ун-т Рос. акад. образования. – 2. изд., перераб. – Москва; Н. Новгород: Ун-т Рос. акад. образования, 2002. – 155 с.: ил., табл.; 20 см.; ISBN 5-85152-230-5

125. Маркова, А. К. Психология профессионализма. — М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. — 308 с.

126. Микитюк, Ю. В. Предупреждение коррупции: психолого-педагогический подход / Ю. В. Микитюк, Д. Г. Заброда // Общество и право. – 2018. – № 1 (63). – С. 36-39.

127. Митин, А.Н. Проблемы формирования антикоррупционного поведения. // Российское право: образование, практика, наука. 2019. – С.103-110.

128. Молчанов, С. В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.13 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 31 с. https://search.rsl.ru/ru/record/01002973795

129. Мухамедзянова Ф.Х. Антикоррупционные стандарты и социальная ответственность: пути интеграции // Казанский педагогический журнал. №4. - 2017. – С.7-9 https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnye-standarty-i-sotsialnaya-otvetstvennost-puti-integratsii

130. Мясищев, В. Н. Психология отношений /под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во МПСИ, 2003. – 400 с.

131. Никандров, Н. Д. Активизация познавательной деятельности студентов [Текст] / Ред. Н. Д. Никандров. – Ленинград: [б. и.], 1973. – 107 с.

132. Никандров, Н. Д. Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом вузе: Учеб. пособие / Г. Н. Алова, Ю. И. Виноградов, Ю. В. Жегин и др.; [Редкол.: Н. Д. Никандров (науч. ред.) и др.]. – Ленинград: ЛГПИ, 1984. – 92 с.

133. Николаев, С. М. Антикоррупционное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы. Дисс. доктора пед… наук. Ярославль – 2023. – 461с.

134. Николаев, С. М. Направления антикоррупционного воспитания в вузе // С. М. Николаев // Высшее образование в России. – 2012. – № 1. – С. 91–94.

135. Николаев, С. М. Содержание антикоррупционного воспитания в вузе / С. М. Николаев // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 2. – С. 115–119.

136. Новиков В.А., Сигарев А.В. Коррупция, экстремизм и терроризм: грани взаимосвязи… // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 1301-1310.

137. Определение склонности к отклоняющемуся поведению / Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. – М., 2004. – С.141-154.

138. Определение склонности к отклоняющемуся поведению / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. – С.362-370.

139. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования / Е. А. Акунченко, П. А. Вырва, И. А. Дамм [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – 200 с. – ISBN 978-5-7638-3576-2. – EDN WZWLSV.

140. Охотский, Е. В. Идеология государства и государственной службы: возможность, необходимость, реалии исторического выбора: аналитический доклад / Е. В. Охотский; Президентская академия, [Институт государственной службы и управления]. – Москва: Издательское дело, 2025. – 174, [1] с.; 24 см. – (Научные доклады: государственное строительство, управление и государственная служба). ISBN 978-5-85006-662-8

141. Павлинов, А. В. Антикоррупционное воспитание подрастающего поколения как основное средство профилактики коррупции / А. В. Павлинов // Журнал российского права. – 2018. – №5 (257). – С. 156–165.

142. Павлинов, А. В. Антикоррупционное воспитание подрастающего поколения как основное средство профилактики коррупции // Журнал российского права. – 2018. – С. 160-165.

143. Панкратова Д.С. Тема коррупции в русской литературе второй половины XIX века (на примере творчества А.Н. Островского и М.Е. Салтыкова-Щедрина)». Выпускная квалификационная работа. г. Бийск – 2014. – 64с. http://www2.bigpi.biysk.ru/diplom/file/www_13_10_2014_02_54_08.pdf

144. Петров, В. Е. Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестник ВИПК МВД России. 2011. – № 2(18). – С. 61-64.

145. Помаз Г.С. Психологические детерминанты формирования коррупционного поведения сотрудников полиции // Философия права. 2014. – С.62-65 https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-determinanty-formirovaniya-korruptsionnogo-povedeniya-sotrudnikov-politsii

146. Попова, А. И., Посадскова, С. В. Антикоррупционное воспитание. // Наука. Общество. Государство. 2021. – https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnoe-vospitanie

147. Потемкина, О. Ф. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – С. 641–648.

148. Почебут, Л. Г., Мейжис, И. А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. – 521 с.

149. Практикум по социально-психологическому тренингу / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов; [С. П. Безносов и др.]. - 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов, 1997. – 307 с.; 20 см.; ISBN 5-7621-0040-5

150. Противодействие коррупции: учеб. и практикум для академ. бакалавриата / под общ. ред. Е. В. Охотского. М.: Юрайт, 2016. – 367 с.

151. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / И. В. Левакин, Е. В. Охотский, И. Е. Охотский, М. В. Шедий; под общей редакцией Е. В. Охотского. – 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 398 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20395-0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/583643

152. Психологическая работа в органах внутренних дел: учебное пособие / [В. В. Вахнина и др.]; отв. ред. В. И. Долинко. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 108 с.

153. Психология: Учебник / [В. М. Аллахвердов, С. П. Безносов, В. А. Богданов и др.]; Отв. ред. А. А. Крылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект: Велби, 2004. – 743 с.; 22 см.; ISBN 5980323015

154. Пшеничнюк, Д. В. Роль когнитивного компонента в формировании антикоррупционной компетенции у студентов / Д. В. Пшеничнюк // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2016. – Том 6. № 6А. – С. 204-212.

155. Ревягин, А. В. Психологические аспекты воспитательной правовой и профилактической работы. Нравственно-психологические стандарты антикоррупционного. поведения сотрудников и работников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2017. – № 1(68). – С.24-27

156. Решетников, М. М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография / М. М. Решетников. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 101 с. – (Актуальные монографии). – ISBN 978-5-534-09868-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/586199

157. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009. – 713 с.

158. Рыбалкин, Д. А. О развитии антикоррупционной позиции курсантов // Ученые записки Казанского юрид. ин-та МВД РФ. 2016. – Т. 1. – № 1. С. 73 – 75.

159. Севрюк, А. К. Антикоррупционная компетентность как структурный компонент профессиональной компетентности выпускника вуза МВД России / А. К. Севрюк, Э. Г. Мартиросян // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 317–321.

160. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей. Руководство. – Ярославль: Содействие, 1991. – 19 с.

161. Сериков, В.В. Развитие личности в образовательном процессе [Текст]: монография / В.В. Сериков. – Москва: Логос, 2012. – 447 с.

162. Сластенин, В. А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 576 с.

163. Сластенин, В.А. Психология и педагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений непедагогического профиля / В. А. Сластенин, В. П. Каширин. – 7-е изд., стер. – Москва: Академия, 2008. – 477, [1] с.; 22 см. – (Высшее профессиональное образование).; ISBN 978-5-7695-5044-7

164. Сонин, В. А. Личность. Поведение. Смысл бытия. (Психолого-социальные концепции личности в XX столетии). СПб.: Речь, 2006. – 254 с.

165. Сопов, В. Ф., Карпушина, Л. В. Морфологический тест жизненных ценностей: Руководство по применению. Методическое пособие. – Самара: Изд-во СамИКП – СНЦ РАН, 2002. – 49 с.

166. Сорокоумова, С. Н. О результатах эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления / С. Н. Сорокоумова, А. С. Гусева, И. С. Ганишина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1(97). – С. 230-237. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-1-230-237.

167. Соснин, В. А., Китова, Д. А., Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 6–38.

168. Столяренко, А. М. Общая и профессиональная психология: Учеб. пособие для учащихся сред. проф. учеб. заведений / А.М. Столяренко. – Москва: ЮНИТИ, 2003. – 382 с.: ил.; 21 см. (Среднее профессиональное образование: Perfice TE).; ISBN 5-238-00540-7

169. Столяренко, А. М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для студентов вузов / А.М. Столяренко. – Москва: Юнити, 2002. – 607 с.: ил., портр., табл.; 21 см. (Психология. XXI век) (Perfice te).; ISBN 5-238-00382-X

170. Сундукова, В. В. Формирование антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России / В. В. Сундукова, И. С. Ганишина, С. Н. Сорокоумова. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2021. – 168 с. – ISBN 978-5-6046842-2-1.

171. Сыманюк, Э. Э., Печеркина, А. А., Умникова, Е. Л. Психолого-педагогическое сопровождение развития профессиональной компетентности педагога // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8 (ч. 1). – С. 41–44.

172. Сыромятников, И. В. Профессионализм, субъективность и самоопределение специалиста: концептуальные подходы к определению и развитию: монография / И. В. Сыромятников, И. Г. Ожерельева, Э. В. Репин. – Москва: Изд-во СГУ, 2009. – 208 с.: ил., табл.; 21 см.; ISBN 978-5-8323-0639-1

173. Сыромятников, И. В. Психодиагностика / И. В. Сыромятников. – Москва: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2005 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). – 638, [1] с.: ил., табл.; 21 см. – (Gaudeamus) (Учебное пособие для вузов).; ISBN 5-8291-0575-6

174. Танаева, З. Р. Научное обеспечение развития педагогических компетенций у будущих юристов / З. Р. Танаева // Инновационное развитие профессионального образования. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 47-54.

175. Танаева, З. Р. Формирование профессионального правосознания будущих юристов посредством проектной деятельности / З. Р. Танаева // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 56-60.

176. Татаринцева, Т. А. Коррупция и антикоррупционное воспитание / Т. А. Татаринцева, Л. П. Конвисарева // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 432–435.

177. Трифанцов С.В. Критериально-диагностический аппарат сформированности антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021 – Т. 13. – № 3. – С. 90-101.

178. Трифанцов С.В. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. Автореф. канд…. пед. наук, Челябинск. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – 2025. – 22 с.

179. Трунцевский, Ю. В. Корпоративные коррупционные риски (опыт Великобритании) / Ю. В. Трунцевский. – Текст: непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 3. – С. 41–44.

180. Трунцевский, Ю. В., Есаян, А. К. Об эффективности корпоративных антикоррупционных процедур // Вестник Югорского государственного университета. 2020. – Вып. 4 (59). – С. 66–71.

181. Угловая, Я. М. Связь жизненной перспективы с антикоррупционной устойчивостью личности // Научно-практический журнал «Гуманизация образования» № 4/2019. – С.89-104 https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-zhiznennoy-perspektivy-s-antikorruptsionnoy-ustoychivostyu-lichnosti

182. Узнадзе, Д. Н. Об актуальных задачах и теоретических основах психологии профессии [Текст] / Проф. Д. Н. Узнадзе. – Тифлис: [б. и.], 1933. – 44 с.

183. Формирование антикоррупционного мировоззрения у учащихся общеобразовательных организаций: сборник методических разработок / Под общ. ред. М. М. Панасенковой. – Ставрополь: СКИРО ПК и ПРО, 2016. – 171 с.

184. Хабриева, Т. Я. Избранные труды [Текст] в десяти томах / Т. Я. Хабриева; Российская академия наук. – Москва: Российская акад. наук, 2018. – Т. 4: Migration law of Russia: theory and practice: монографии. – 2018. – 350 с.

185. Хабриева, Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. – № 6. – С.5-17.

186. Хабриева, Т. Я. Коррупция и правопорядок в фокусе современной юридической доктрины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. – №4 – С.5-13.

187. Хабриева, Т. Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – 688 с.

188. Хабриева, Т. Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. – № 7. – С.7-14

189. Хаванова, И. С. Высокий уровень психологической устойчивости личности как значимый фактор противодействия коррупции // Молодой ученый, 2014. – №15. – С. 242–244.

190. Хаванова, И. С. Высокий уровень психологической устойчивости личности как значимый фактор противодействия коррупции / И.С. Хаванова // Молодой учёный. – 2014. – № 15 (74). – С. 242.

191. Хаванова, И. С. Исследование феномена коррупции в рамках психологии // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 56/57. – С.82-87

192. Хамдеев, А. Р. Особенности к вопросу о формировании антикоррупционной культуры обучающихся // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2012. – https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-k-voprosu-o-formirovanii-antikorruptsionnoy-kultury-obuchayuschihsya

193. Хамдеев, А. Р. Педагогическое обеспечение формирования антикоррупционной культуры студентов вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Хамдеев Айдар Раисович. – Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2014. – 198 с.

194. Ханин, Ю. Л. Шкала Марлоу—Кроуна для исследования мотивации одобрения. Л.: НИИФК, – 1976.

195. Хуторской, А. В. Педагогика [Текст]: [педагогика как практика, педагогика как искусство, педагогика как инженерия, педагогика как наука, педагогика как учебный предмет: 16+] / А. В. Хуторской. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2019. – 608 с.: ил., табл.; 24 см. – (Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения).; ISBN 978-5-4461-0916-6

196. Цирин, А. М. Актуальные проблемы минимизации коррупционных рисков // Научно-политический журнал «Государственная служба». 2014. – Вып. № 1. – С. 40-41.

197. Чаннов, С. Е. Некоторые вопросы развития законодательства о противодействии коррупции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. – С. 52-55.

198. Шаповал, В. А., Кобозев, И. Ю., Золотенко, В. А. Психологическая работа с личным составом органов внутренних дел. Организация психологической службы в органах внутренних дел: учеб. пособие. СПб., 2016. – С. 18–21.

199. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности [Текст] : Методол. пробл. соврем. науки. – Москва: Наука, 1978. – 391 с.

200. Юревич, А. В. Методология и социология психологии / А. В. Юревич. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2010. – 270, [1] с.; 21 см. –

(Методология, теория и история психологии/ Российская акад. наук, Ин-т психологии).; ISBN 978-5-9270-0181-1

201. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии: учеб. для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля: для студентов вузов, обучающихся по специальностям 030501.65 "Юриспруденция" и 030505.65 "Правоохранительная деятельность" / [И. Б. Лебедев и др.]; под ред. В. Я. Кикотя, В. Ю. Рыбникова. – Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. – 462, [1] с.: ил.; 22 см.; ISBN 5-238-01081-8

202. Юринова, Ю. В. Основные направления психологической работы с сотрудниками Госавтоинспекции в интересах профилактики коррупционного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. – № 1(56). – С.125-128 https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-psihologicheskoy-raboty-s-sotrudnikami-gosavtoinspektsii-v-tselyah-profilaktiki-korruptsionnogo-povedeniya

203. Якиманская, И. С. Качественные методы исследования социальных представлений: монография / Якиманская И. С. – Новокузнецк: Знание-М, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.; 12 см.; ISBN 978-5-00187-756-1

204. Якиманская, И. С. Математические методы в психологии: учебное пособие / Якиманская И. С. – Новокузнецк: Знание-М, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.; 12 см.; ISBN 978-5-00187-755-4

205. Ясюкова. Л. А. Прогноз и профилактика проблем обучения, социализация и профессиональное самоопределение старшеклассников: методическое руководство: методика Л. А. Ясюковой / Госстандарт России, Комплексное обеспечение психологической практики, ИМАТОН. – Изд. 3-е. – Санкт-Петербург: ИМАТОН, 2017. – Кн. 1. – 2017. – 237 с.

206. Al-Saadi Salim Kadhim Abass[50] Диссертация на соискание степени доктора философии (PhD) «We hereby declare that we have read this thesis and in our opinion this thesis is suffcient in term of scope and quality for the award of the degree of Doctor of Philosophy», защищенная в январе 2022 года в Universiti Teknologi Malaysia. https://systems.uomisan.edu.iq/cv/uploads/files/78lz6k2uiwrnf1g.pdf#36#1

207. Althof, W. and Berkowitz, M. W. (2006). Moral education and character education: Their relationship and roles in citizenship education. Journal of moral education, 35(4): 495–518.

208. Andersson, S. and Heywood, P. M. (2009). The politics of perception: use and abuse of transparency international's approach to measuring corruption. Political studies, 57(4): 746–767.

209. Andvig J. The economics of corruption: A survey // Studi economici. - 1991. – Vol. 46. – № 43. – Pp. 57–94.

210. Bussmann, K. D. and Niemeczek, A. (2017). Compliance through company culture and values: An international study based on the example of corruption prevention // Journal of Business Ethics. – Pp. 1–15

211. Canache, D. and Allison, M. E. (2005). Perceptions of political corruption in latin American democracies. Latin American Politics and Society, 47(3): 91–111.

212. Colquitt, J. A. (2001). On the dimensionality of organizational justice: A construct validation of a measure // *Journal of Applied Psychology*, 86(3). – Pp. 386–400.

213. Cooper, J. A. (2012). Noble cause corruption as a consequence of role conflict in the police organisation. Policing and Society, 22(2): 169–184

214. De Graaf, G. (2007). Causes of corruption: Towards a contextual theory of corruption. Public Administration Quarterly, 31(1-2): 39–86.

[50] Работа посвящена анализу взаимосвязи абсолютной власти и коррупции в романах Джорджа Оруэлла («Скотный двор» и «1984») и Рэя Брэдбери («451 градус по Фаренгейту»)

215. Dungan, J., Waytz, A., and Young, L. (2014). Corruption in the context of moral trade-offs. Journal of Interdisciplinary Economics, 26(1-2): 97–118.

216. Duska R., Whelan M. Moral development: A guide to Piaget and Kohlberg // Introduction to developmental theories / Ed. by R. Duska. N.Y., 1975. Pp. 5-41.

217. Hellman J., Jones G., and Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition Economies (World Bank Policy Research Working Paper 2444). September – 2000.

218. Hoffman, M. L. Empathy, its limitations, and its role in a comprehensive moral theory // Morality, moral behavior and moral development / Ed. by W.M. Kurtines, J.L. Gerqitz. N.Y., 1984. – Pp. 283-302.

219. Javor, I. and Jancsics, D. (2016). The role of power in organizational corruption: an empirical´ study. Administration & Society, 48(5): 527–558.

220. Johnston, M. (2018). Reforming reform: Revising the anticorruption playbook. Daedalus, 147(3): 50–62.

221. Kohlberg L. Essays on moral development. Vol. 2: The Psychology of moral development. San-Francisco, 1984. Lyons N. Two perspectives on self, relationship and morality // Harvard Educational Review. 1983. – Vol. 53. – № 2. – Pp. 125-145.

222. Kurer, O. (2014). Definitions of corruption. In Routledge handbook of political corruption, Pp. 44–55.

223. LaPalombara J. Structural and institutional aspects of corruption // Social research. – 1994. – Vol. LXI. – Pp. 325–350.

224. Li, H., Gong, T., and Xiao, H. (2016). The perception of anti-corruption efficacy in china: An empirical analysis. Social Indicators Research, 125(3): 885–903.

225. Luo, Y., Huang, Y., and Wang, S. L. (2012). Guanxi and organizational performance: A metaanalysis. Management and Organization Review, 8(1): 139–172.

226. Philp, M. (2014). The defi ni tion of polit ical corrup tion. In Routledge handbook of political corruption. – Pp. 31–43. Routledge.

227. Philp, M. (2017). Conceptualizing political corruption. In Heidenheimer, A. J. and Johnston, M., editors, Political Corruption: Concepts Contexts, pages 25–40. New Brunswick: Transaction Publishers.

228. Pozsgai-Alvarez Joseph, The Abuse of Entrusted Power for Private Gain: Meaning, Nature and Theoretical Evolution. – 44 p., https://www.josephpozsgai.com/wp-content/uploads/2020/06/abuse_authors_accepted_manuscript-.pdf

229. Rest J.R. Background: Theory and research // Moral development in the professions: Psychology and applied ethics / Ed. by J.R. Rest, D. Narvaez. Hillsdale, 1994. – P0.1-26.

230. Turiel E. The development of social knowledgement: Morality and convention. Cambridge, MA, 1983. Turiel E., Killen M., Helwig C. Morality: Its structure, functions and vagarities // The Emergency of morality / Ed by J. Kagan, S. Lamb. Chicago, 1987. – Pp. 155-244.

Приложение

Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина)

Эта методика является одним из наиболее информативных инструментов для вашего исследования, так как она позволяет заглянуть в глубинные мотивы поведения, которые часто скрыты за социально желательными ответами.

Ниже представлена методика О.Ф. Потемкиной, анализ шкал и инструкция по интерпретации результатов именно в контексте антикоррупционного поведения.

Суть методики

Методика направлена на выявление доминирующих социально-психологических установок («на что нацелен человек»). Она состоит из вопросов, на которые испытуемый отвечает «Да» или «Нет».

Методика измеряет установки по **четырем парам противоположностей** (дихотомиям):

1. **Альтруизм — Эгоизм**
2. **Процесс — Результат**
3. **Свобода — Власть**
4. **Труд — Деньги**

Описание шкал и их значение для данного исследования

1. Альтруизм — Эгоизм

– **Ориентация на альтруизм:** готовность действовать в интересах других, жертвовать своими интересами ради общего дела.

Для исследования: это основа служения Отечеству. Высокий альтруизм является **антикоррупционным буфером** (человек не берет взятки, потому что это вредит обществу/армии).

– **Ориентация на эгоизм:** сосредоточенность на личных интересах, собственной выгоде и комфорте.

Для исследования: высокий эгоизм — фактор риска. Если личная выгода важнее долга, вероятность коррупционного поведения (при наличии возможности) резко возрастает. «Разумный эгоизм» допустим, но его доминирование опасно.

2. Процесс — Результат

– **Ориентация на процесс:** человеку нравится сам ход деятельности, работа ради работы. Он меньше задумывается о том, что получит в итоге.

Для исследования: такие люди реже идут на коррупционные сделки ради быстрой наживы, так как им интересна служба сама по себе. Однако они могут быть менее эффективными командирами (затягивают решения).

– **Ориентация на результат:** стремление достичь цели любой ценой, невзирая на затраты и сложности.

Для исследования: двоякий показатель. С одной стороны, офицер должен давать результат. С другой стороны, установка «цель оправдывает средства» в сочетании с *эгоизмом* и *деньгами* рождает коррупцию (быстро обогатиться — это тоже результат).

3. Свобода — Власть

– **Ориентация на свободу:** стремление к независимости, нежелание подчиняться и брать на себя обязательства.

Для исследования: у военного курсанта чрезмерно высокий показатель — это проблема с дисциплиной. Но с точки зрения коррупции: такие люди часто избегают «клановых» схем, так как не хотят быть никому обязанными.

– **Ориентация на власть:** стремление руководить, контролировать людей и процессы, влиять на чужие судьбы.

Для исследования: критический маркер. Власть — инструмент офицера. Но **власть + деньги + эгоизм = коррупционер**. Если курсант стремится к власти ради самой власти и обогащения, это «группа риска».

4. Труд — Деньги

– **Ориентация на труд:** ценность профессиональной реализации, удовлетворение от качественно выполненной работы.

– **Ориентация на деньги:** восприятие деятельности исключительно как источника заработка.

Для исследования: **самая важная шкала.** Если у курсанта доминирует ориентация на деньги при низком альтруизме и труде, он рассматривает военную службу как бизнес-проект. Это прямой прогноз коррупционной готовности.

Интерпретация результатов (профили риска)

При обработке данных важно смотреть не на отдельные шкалы, а на их сочетания.

«Коррупциогенный профиль»:

– **Высокие:** деньги, эгоизм, власть, результат.

– **Низкие:** альтруизм, труд.

– *Портрет:* курсант, который пошел в армию за карьерой и ранней пенсией, стремится к власти, чтобы конвертировать ее в материальные блага. Готов переступить через закон ради результата (богатства).

«Антикоррупционный профиль» (идеальный офицер):

– **Высокие:** альтруизм, труд, результат (общественно полезный), власть (как ответственность).

– **Низкие:** деньги, эгоизм.

– *Портрет:* служит ради идеи, готов защищать Родину, материальные блага вторичны. Власть воспринимает как инструмент наведения порядка, а не наживы.

«Профиль профессионального выгорания» (риск бытовой коррупции):

– **Высокие:** процесс (инертность), деньги (нехватка средств).

– **Низкие:** результат, альтруизм.

– *Портрет:* служба надоела, инициативы нет, но деньги нужны. Может брать «мелкие подношения» просто по инерции, «потому что все берут».

Процедура проведения

1. Формат: опросный бланк, включающий обычно 40 или 80 вопросов в зависимости от используемой версии.
2. Продолжительность: 10–15 минут.
3. Инструкция: «Ответьте «Да», если утверждение верно для вас, и «Нет», если неверно. Долго не раздумывайте».

Методика О.Ф. Потемкиной обычно состоит из двух частей (двух опросников по 40 вопросов), которые можно проводить как вместе, так и раздельно. Для нашего исследования (антикоррупционное поведение) рекомендуется использовать обе части, чтобы получить полную картину.

Ниже представлен полный перечень вопросов и ключи их обработки.

ЧАСТЬ 1. Определение установок «Альтруизм — Эгоизм», «Процесс — Результат»

Инструкция: ответьте «Да», если утверждение верно для вас, и «Нет», если неверно.

1. Сам процесс выполнения работы увлекает вас больше, чем этап ее завершения?
2. Для вас важнее всего в жизни — сделать что-то стоящее?
3. Вам часто приходится отказывать людям в их просьбах, потому что это мешает выполнению ваших личных дел?
4. Вы часто отказываетесь от своих намерений, если для их осуществления приходится переступать через чужие интересы?
5. Вы получаете удовольствие от самого процесса игры, независимо от того, выигрываете вы или нет?
6. Вы больше всего любите заниматься делами, в которых виден результат?

7. Вам часто приходится жертвовать своими интересами ради интересов других людей?
8. Вы считаете, что забота о собственном благополучии — это главная забота каждого человека?
9. Вам больше нравится выполнять работу, которая требует кропотливости и терпения, чем ту, которая делается быстро?
10. Вы предпочитаете браться только за те дела, которые гарантированно принесут успех?
11. Вам часто говорят, что вы больше думаете о других, чем о себе?
12. Вы считаете, что человек должен жить прежде всего для себя?
13. Вы часто ловите себя на мысли, что вам не хочется заканчивать интересное дело?
14. Вы стремитесь к тому, чтобы каждое ваше дело имело конкретный, ощутимый результат?
15. Вы готовы отдать последнее, если это нужно близкому человеку?
16. Вы считаете, что «своя рубашка ближе к телу»?
17. Вам больше нравится учиться, узнавать новое, чем сдавать экзамены?
18. Вы испытываете разочарование, если ваши усилия не приводят к желаемому результату?
19. Вы часто помогаете незнакомым людям, даже если это отнимает у вас время?
20. Вы считаете, что помогать нужно только тем, кто может быть вам полезен?
21. Вы часто увлекаетесь деталями работы, забывая о главной цели?
22. Для вас главное в работе — это конечный продукт, а не процесс его создания?
23. Вы считаете, что смысл жизни — в служении людям?
24. Вы считаете, что каждый должен сам решать свои проблемы?
25. Вам трудно заставить себя закончить начатое дело, если оно вам наскучило?

26. Вы всегда стремитесь довести начатое дело до конца, чего бы это ни стоило?
27. Вы часто чувствуете вину, если не можете помочь кому-то в беде?
28. Вы считаете, что альтруизм — это проявление слабости?
29. Вы любите мечтать, фантазировать, не заботясь о том, насколько это реально?
30. Вы предпочитаете ставить перед собой конкретные, достижимые цели?
31. Вы готовы пожертвовать своей карьерой ради благополучия семьи?
32. Вы считаете, что ради достижения цели все средства хороши?
33. Вам больше нравится сам процесс общения с людьми, чем достижение каких-то договоренностей?
34. Вы оцениваете людей прежде всего по их достижениям?
35. Вы часто делаете подарки, не ожидая ничего взамен?
36. Вы считаете, что благодарность — это лишнее, главное — расплатиться?
37. Вы часто забываете о времени, когда занимаетесь любимым делом?
38. Вы считаете, что время — деньги, и его нельзя тратить попусту?
39. Вы считаете, что доброта спасет мир?
40. Вы считаете, что в этом мире выживает сильнейший?

ЧАСТЬ 2. Выявление установок «Свобода – Власть», «Труд – Деньги»

Инструкция: ответьте «Да», если утверждение верно для вас, и «Нет», если неверно.

1. Вы согласны, что для вас важнее всего в жизни свобода?
2. Вы готовы отказаться от свободы ради власти над другими людьми?
3. Вам больше нравится тратить деньги, чем их зарабатывать?
4. Вы считаете, что деньги — это главное мерило успеха в жизни?
5. Вам трудно подчиняться чужим приказам?
6. Вам нравится руководить людьми, принимать за них решения?

7. Вы считаете, что работа должна приносить радость, даже если за нее мало платят?
8. Вы готовы работать на нелюбимой работе, если там хорошо платят?
9. Вы избегаете ситуаций, где ваша свобода может быть ограничена?
10. Вы стремитесь занять руководящую должность?
11. Вы можете долгое время обходиться без денег, если занимаетесь любимым делом?
12. Вы считаете, что без больших денег счастье невозможно?
13. Вы предпочитаете работать в одиночку, чтобы ни от кого не зависеть?
14. Вам нравится чувствовать, что от вас зависят судьбы других людей?
15. Вы готовы работать бесплатно ради хорошей идеи?
16. Вы всегда знаете, сколько денег у вас в кошельке?
17. Вы часто меняете место работы, если чувствуете давление со стороны начальства?
18. Вы считаете, что власть дает человеку особые права?
19. Вы считаете, что лень — это порок?
20. Вы считаете, что лучше иметь 100 рублей, чем 100 друзей?
21. Вы цените независимость больше, чем материальное благополучие?
22. Вы стремитесь к власти, чтобы навести порядок?
23. Вы испытываете угрызения совести, если проводите время в праздности?
24. Вы считаете, что «деньги не пахнут»?
25. Вы не любите давать обещания, чтобы не связывать себя обязательствами?
26. Вам нравится, когда люди вас боятся или уважают за силу?
27. Вы считаете, что труд сделал из обезьяны человека?
28. Вы считаете, что работать нужно только ради денег?
29. Вы готовы протестовать против любых ограничений ваших прав?
30. Вы считаете, что сильная власть необходима для процветания государства?

31. Вы получаете удовольствие от хорошо сделанной работы?
32. Вы завидуете людям, которые могут позволить себе все, что захотят?
33. Вы считаете, что брак — это ограничение свободы?
34. Вы хотели бы стать известным политиком или крупным руководителем?
35. Вы считаете, что человек должен трудиться всю жизнь?
36. Вы считаете, что деньги решают все проблемы?
37. Вы предпочитаете свободный график работы жесткому распорядку?
38. Вы считаете, что иерархия необходима в любом коллективе?
39. Вы уважаете людей, которые много работают?
40. Вы готовы пойти на сделку с совестью ради большой суммы денег?

Обработка результатов (ключи)

За каждый ответ **«Да»** начисляется **1 балл** по соответствующей шкале. Ответы «Нет» не учитываются.

Ключи к части 1:

Ориентация на процесс: вопросы 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33, 37.

Ориентация на результат: вопросы 2, 6, 10, 14, 18, 22, 26, 30, 34, 38.

Ориентация на альтруизм: вопросы 4, 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39.

Ориентация на эгоизм: вопросы 3, 8, 12, 16, 20, 24, 28, 32, 36, 40.

Ключи к части 2:

Ориентация на свободу: вопросы 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33, 37.

Ориентация на власть: вопросы 2, 6, 10, 14, 18, 22, 26, 30, 34, 38.

Ориентация на труд: вопросы 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39. *(Примечание: вопрос №3 в ключе «Труд» здесь инвертированный, т.е. ответ «Нет» показывает любовь к труду, но в оригинальной методике часто вопросы сформулированы прямо. В данном списке вопрос 3 сформулирован «Вам больше нравится тратить...», поэтому здесь балл зачисляется, если ответ — «Нет». Однако—для упрощения часто используют прямую формулировку. Проверьте: если ответ «Да» на вопрос «Вы любите трудиться» — это плюс. В данном списке вопрос 3 скорее относится к*

деньгам (инверсия). В классическом ключе Потемкиной вопросы на труд: 7, 11, 15...)

Корректировка для данного списка:

Труд: 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39. (Вопрос 3 спорный, лучше не учитывать или считать «Нет».)

Ориентация на деньги: вопросы 4, 8, 12, 16, 20, 24, 28, 32, 36, 40.

Анализ результатов

Полученные баллы (максимум 10 по каждой шкале) формируют профиль.

1. **Шкала «Деньги»:**

8–10 баллов: критический уровень. Высокая вероятность коррупционных рисков, особенно если «Альтруизм» ниже 4.

Вопросы-маркеры: обратите внимание на ответы на вопрос № 24 (часть 2) — *«Деньги не пахнут»* и № 40 (часть 2) — *«Готовы пойти на сделку с совестью ради денег»*. Это прямые индикаторы.

2. **Шкала «Власть»:**

Для военного нормален уровень **5–7 баллов**.

Если **9–10 баллов** + высокий «Эгоизм» = склонность к злоупотреблению полномочиями.

3. **Шкала «Альтруизм»:**

Низкий уровень (**0–3 балла**) говорит о неготовности жертвовать своими интересами, что неприемлемо для военной службы.

Методика диагностики уровня правового сознания (Л.А. Ясюкова)

Методика основана на выборе суждений. Испытуемому предлагаются пары (или тройки) утверждений, описывающих различные жизненные ситуации. Ему необходимо выбрать то утверждение, которое наиболее соответствует его личному мнению.

Л.А. Ясюкова выделяет три сферы правосознания:

Бытовая сфера: Отношение к нормам поведения в обществе, общежитии, семье (важно для оценки дисциплинированности курсанта).

Деловая (профессиональная) сфера: отношение к договорам, обязанностям, отношения «начальник — подчиненный» (ключевая сфера для выявления коррупционных рисков).

Гражданская (общественная) сфера: отношение к государству, законам страны, власти, выборам.

Типы правосознания (интерпретация)

По результатам теста курсант может быть отнесен к одному из типов:

Правовой нигилизм: полное отрицание ценности права. «Закон — это фикция, прав тот, у кого сила/деньги».

Риск: максимальный. Такой офицер будет брать взятки без угрызений совести.

Правовой инфантилизм: непонимание механизмов права, ожидание, что «государство/командир сами обо всем позаботятся». Безответственность.

Риск: может стать соучастником коррупции по глупости или приказу.

Правовой прагматизм (цинизм): использование закона только для личной выгоды. «Закон — что дышло». Знает законы, чтобы их обходить.

Риск: высокий. Это тип «умного коррупционера».

Зрелое (демократическое) правосознание: понимание закона как абсолютной ценности, необходимой для порядка и справедливости.

Риск: минимальный.

Для проводимого нами исследования среди курсантов данная методика важна тем, что она позволяет рассматривать правосознание в трёх самостоятельных сферах. Так, курсант может соблюдать честность в повседневной жизни — например, не присвоить кошелёк товарища, — но при этом проявлять абсолютный «правовой нигилизм» на службе, считая допустимыми хищение армейского имущества или дачу взятки для решения служебного вопроса.

Инструкция.

Вам будут представлены различные суждения или незаконченные фразы, к каждому из которых предложены три варианта ответа (А, Б, В). Выберите тот вариант, который в наибольшей степени соответствует вашей позиции.

Если вы не можете выбрать или согласны с обоими утверждениями частично, выбирайте вариант «В» («Затрудняюсь ответить»), но старайтесь не злоупотреблять этим вариантом.

Ниже приведены оригинальные пары суждений (стимульный материал), сгруппированные по диагностическим блокам.

БЛОК 1. Бытовая сфера (адаптация в социуме)

Диагностирует базовые представления о «моем» и «чужом», честности в личных отношениях.

1. Отношение к долгу

А. Если берешь взаймы, то нужно отдавать точно в срок, даже если для этого придется перезанимать или во всем себе отказывать.

Б. Если кредитор — человек богатый и не требует возврата долга, то можно и не отдавать (или подождать, пока появятся лишние деньги).

2. Отношение к находке/краже

А. Если нашёл деньги или вещь и никто не видит, можно оставить себе — это удача.

Б. Найденное нужно попытаться вернуть владельцу или сдать в полицию/бюро находок; присваивать чужое нельзя.

3. Мелкие хищения («несуны»)

А. Взять с работы (со службы) то, что «плохо лежит» или является отходами производства — это не воровство, а хозяйственность.

Б. Взять с работы любую вещь, даже мелочь, — это такое же воровство, как залезть в чужой карман.

4. Помощь людям

А. Помогать нужно только своим друзьям и родственникам, остальные пусть решают свои проблемы сами.

Б. Помогать нужно любому человеку, попавшему в беду, независимо от степени знакомства.

5. Решение конфликтов

А. Если кто-то тебя оскорбил или обманул, нужно наказать его самому (физически или морально), чтобы неповадно было.

Б. В конфликтных ситуациях нужно действовать через законные методы (суд, руководство); самосуд недопустим.

БЛОК 2. Деловая сфера (профессиональная деятельность)

Это самый важный блок для нашего исследования: он демонстрирует, как курсант будет вести себя, став должностным лицом.

6. Инструкция или результат?

А. Инструкции и правила пишутся для того, чтобы работа была безопасной и качественной; их нельзя нарушать даже ради благой цели.

Б. Главное в работе — конечный результат. Если инструкция мешает быстро сделать дело, умный работник найдет способ ее обойти.

(Комментарий: Выбор Б — высокий коррупционный риск. Это оправдание «взяток ради дела»).

7. Договор дороже денег?

А. Если подписал договор (дал слово офицера), его нужно выполнять, даже если обстоятельства изменились и это стало невыгодно.

Б. Договор — это лишь формальность. Если выполнение обязательств приносит убытки, нужно искать способ отказаться от них или изменить условия в свою пользу.

8. Отношение к конкуренции/карьере

А. Чтобы сделать хорошую карьеру, нужно быть профессионалом и много работать.

Б. Чтобы пробиться наверх, нужны связи, умение договариваться с нужными людьми и хитрость.

9. Отношение к руководству

А. Начальник всегда прав, потому что он несет ответственность. Приказы не обсуждаются.

Б. Начальник тоже человек и может ошибаться. Слепое подчинение вредит делу.

(Здесь для военных есть нюанс: правовое сознание — это понимание, что преступный приказ выполнять нельзя. Но в тесте Ясюковой выбор «А» часто интерпретируется как инфантилизм).

10. Способы заработка

А. Большие деньги честным трудом заработать невозможно.

Б. Профессионализм и упорство всегда будут достойно вознаграждены.

БЛОК 3. Гражданская сфера (отношение к закону и власти)

11. Суть закона

А. Законы нужны для наведения порядка и защиты прав всех граждан.

Б. Законы — это инструмент, с помощью которого власть имущие защищают свои интересы и ограничивают простых людей.

12. Законопослушание

А. Закон нужно соблюдать всегда, даже если он кажется глупым или несправедливым (пока его не отменили).

Б. Если закон несправедлив или устарел, его соблюдение не обязательно.

13. Гражданский контроль (стукачество и долг)

А. Сообщать в органы о правонарушениях коллег или соседей — это подлость («стукачество»).

Б. Сообщать о преступлениях — это долг каждого гражданина, иначе порядок не навести.

(Критический вопрос для антикоррупции. В закрытых мужских коллективах почти 100% выбирают А. Сдвиг в сторону Б — показатель формирования антикоррупционной культуры).

14. Ответственность власти

А. Власть никому ничего не должна, она сама по себе.

Б. Власть — это наемные менеджеры, которые должны отчитываться перед обществом.

15. Причина коррупции/преступности

А. В преступлениях виновата система, тяжелая жизнь, провокации.

Б. Каждый человек сам делает выбор, нарушать закон или нет, и сам несет за это ответственность.

Ключи и интерпретация типов (по Л.А. Ясюковой)

Для обработки результатов подсчитывается количество выборов определенного типа в каждом блоке.

1. Тип «Правовой нигилист»

Выборы: 3А (ворует у государства), 6Б (нарушает инструкции), 11Б (законы для богатых), 12Б (не буду соблюдать плохой закон).

Прогноз: высокая вероятность совершения преступлений. Человек искренне не понимает, почему «нельзя, если очень хочется». В армии — риск хищений ГСМ, имущества.

2. Тип «Правовой прагматик (Циник)»

*Выборы:*7Б (нарушу договор, если невыгодно), 8Б (карьера через связи), 13А (не сдам своих).

Прогноз: самый опасный тип для коррупции высокого уровня. Он знает законы, но использует их как инструмент. Берет взятки аккуратно, создает коррупционные схемы. Внешне может казаться очень лояльным.

3. Тип «Правовой инфантил»

Выборы: 9А (начальник всегда прав), 15А (виновата система), 1А (отдам долг, если смогу).

Прогноз: исполнитель чужой воли. Сам схему не придумает, но деньги передаст, если прикажут. Позиция: «Мне сказали — я сделал, я человек маленький».

4. Тип «Зрелое (демократическое) правосознание»

Выборы: 1А, 3Б, 6А, 7А, 12А, 13Б.

Прогноз: основа антикоррупционного поведения. Человек понимает ценность правил (инструкций) и договоренностей.

Для анализа:

Подсчитайте количество ответов, соответствующих демократическому (зрелому) правосознанию (обычно это варианты **Б** в вопросах 1, 2, 7, 11, 12).

Низкий балл = склонность решать вопросы «неформальным» путем (высокий коррупционный потенциал).

Высокий балл = готовность следовать букве закона, даже если это сложно (антикоррупционная устойчивость).

Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ)
В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной

Инструкция для курсанта:

Вам будет предложен список из 112 утверждений, касающихся ваших жизненных стремлений и ценностей.

Пожалуйста, оцените каждое утверждение по 5-балльной шкале, отвечая на вопрос: **«Насколько это важно для меня?»**

1 балл — не имеет никакого значения;

2 балла — небольшое значение;

3 балла — имеет определенное значение;

4 балла — важно;

5 баллов — очень важно.

Долго не раздумывайте, важна ваша первая реакция.

Текст опросника

Часть 1 (Утверждения 1–56)

1. Постоянно повышать свою профессиональную квалификацию.
2. Руководствоваться в работе нравственными принципами.
3. Вносить разнообразие в свою работу, применять новые методы.
4. Взаимодействовать с коллегами, иметь хорошие отношения в коллективе.
5. Иметь работу, которая вызывает уважение знакомых и повышает авторитет.
6. Добиваться конкретных результатов в работе, выполнять планы.
7. Иметь высокую зарплату и другие материальные блага от работы.
8. Иметь возможность высказывать свое мнение и проявлять индивидуальность на работе.
9. Узнавать новое, расширять кругозор в процессе учебы/самообразования.
10. Получать глубокое моральное удовлетворение от процесса познания.
11. Искать нестандартные решения в учебных задачах.
12. Общаться с сокурсниками и преподавателями, быть частью коллектива.

13. Учиться в престижном месте или повышать свой статус через образование.
14. Получать отличные оценки, дипломы, награды за учебу.
15. Получать стипендию или будущую выгоду от образования.
16. Выбирать свой собственный путь в обучении, отличный от других.
17. Работать над собой, чтобы быть лучшим семьянином.
18. Строить семейные отношения на основе взаимопонимания и духовной близости.
19. Вносить разнообразие в семейную жизнь, избегать рутины.
20. Часто общаться с родственниками, устраивать семейные праздники.
21. Гордиться своей семьей, чтобы она была примером для других.
22. Добиваться того, чтобы семья была благополучной и успешной.
23. Обеспечивать высокий материальный достаток семье.
24. Сохранять свои привычки и личное пространство в семье.
25. Заниматься общественной деятельностью для саморазвития.
26. Приносить пользу обществу, помогать людям.
27. Придумывать новые общественные проекты, проявлять инициативу.
28. Расширять круг знакомых через общественную работу.
29. Занимать видное положение в обществе, быть лидером.
30. Видеть реальные результаты своей общественной работы.
31. Получать материальное вознаграждение или льготы за общественную активность.
32. Выражать свою гражданскую позицию, даже если она отличается от большинства.
33. Развивать свои способности через хобби и увлечения.
34. Получать душевное равновесие и радость от своих увлечений.
35. Заниматься творчеством, создавать что-то новое в свободное время.
36. Найти друзей по интересам, общаться с единомышленниками.
37. Иметь престижное хобби, которым можно похвастаться.
38. Достигать мастерства и высоких результатов в своем увлечении.

39. Зарабатывать деньги на своем хобби или коллекционировать ценные вещи.
40. Выбирать увлечения, которые подчеркивают мою оригинальность.
41. Совершенствовать свое тело, развивать физические качества.
42. Ощущать радость движения и мышечную радость («в здоровом теле — здоровый дух»).
43. Пробовать новые виды спорта, разнообразить тренировки.
44. Заниматься спортом в команде, общаться с партнерами.
45. Заниматься престижными или модными видами спорта.
46. Выполнять нормативы, получать разряды, побеждать в соревнованиях.
47. Иметь дорогую экипировку и инвентарь для занятий спортом.
48. Выбирать индивидуальный стиль тренировок или вид спорта.
49. Реализовывать свои способности в профессиональной сфере.
50. Делать добро людям через свою профессию.
51. Творчески подходить к решению служебных задач.
52. Работать в дружном, сплоченном коллективе.
53. Занимать руководящую должность.
54. Ставить перед собой сложные профессиональные цели и достигать их.
55. Обеспечить себе комфортную жизнь за счет заработка.
56. Иметь свой, особый стиль работы.

Часть 2 (Утверждения 57–112)

57. Повышать уровень своего образования на протяжении всей жизни.
58. Руководствоваться совестью и нравственностью в учебе.
59. Проявлять фантазию и изобретательность в учебе.
60. Находить новых друзей в процессе учебы.
61. Чтобы мое образование ценилось в обществе.
62. Быть лучшим учеником (курсантом) в группе/на курсе.
63. Чтобы образование гарантировало высокий доход в будущем.
64. Иметь свою точку зрения на изучаемые предметы.
65. Анализировать свои поступки в семье, меняться к лучшему.

66. Поддерживать атмосферу любви и согласия в доме.
67. Придумывать интересные занятия для всей семьи.
68. Чтобы дом был полон гостей и друзей.
69. Чтобы мою семью уважали окружающие.
70. Воспитать детей достойными и успешными людьми.
71. Покупать дорогие вещи для дома и семьи.
72. Чтобы члены семьи уважали мою независимость.
73. Развивать свои лидерские качества в общественной жизни.
74. Бескорыстно помогать нуждающимся.
75. Предлагать нестандартные решения общественных проблем.
76. Быть в центре внимания, общаясь с людьми.
77. Быть избранным в руководящие органы общественных организаций.
78. Добиваться поставленных целей в общественной работе.
79. Иметь доступ к материальным ресурсам через общественную деятельность.
80. Действовать в соответствии со своими убеждениями.
81. Учиться новому через свои увлечения.
82. Отдыхать душой, занимаясь любимым делом.
83. Творить, выдумывать, пробовать в своих увлечениях.
84. Делиться опытом и знаниями с другими увлеченными людьми.
85. Чтобы мое хобби вызывало восхищение у других.
86. Участвовать в выставках, конкурсах, смотрах.
87. Вкладывать деньги в свое увлечение, ожидая отдачи.
88. Заниматься тем, чем не занимаются другие.
89. Изучать возможности своего организма.
90. Вести здоровый образ жизни ради нравственной чистоты.
91. Изобретать новые упражнения или тактические схемы в игре.
92. Находить поддержку и понимание в спортивной команде.
93. Быть капитаном команды или организатором соревнований.

94. Улучшать свои личные рекорды.
95. Получать ценные призы за спортивные успехи.
96. Выделяться среди других своей техникой или манерой игры.
97. Стремиться к постоянному профессиональному росту.
98. Считать своим долгом добросовестно выполнять работу.
99. Экспериментировать в работе.
100. Обсуждать с коллегами не только рабочие, но и личные вопросы.
101. Иметь влияние на подчиненных или коллег.
102. Доводить любое начатое дело до конца.
103. Чтобы работа давала возможность ни в чем себе не отказывать.
104. Работать по собственному графику или методу.
105. Заниматься самообразованием.
106. Понимать, что знания делают человека лучше.
107. Находить неожиданные связи между разными предметами.
108. Помогать товарищам в учебе.
109. Учиться в элитном заведении или на престижной специальности.
110. Сдать все экзамены на «отлично».
111. Получить профессию, которая «кормит».
112. Не поддаваться влиянию чужих мнений в учебе.

Ключ к обработке результатов

Результаты подсчитываются путем суммирования баллов по определенным вопросам.

1. Шкалы жизненных ценностей (что важно?):

Саморазвитие: 1, 9, 17, 25, 33, 41, 49, 57, 65, 73, 81, 89, 97, 105.

Духовное удовлетворение: 2, 10, 18, 26, 34, 42, 50, 58, 66, 74, 82, 90, 98, 106. *(Шкала-маркер антикоррупции)*

Креативность: 3, 11, 19, 27, 35, 43, 51, 59, 67, 75, 83, 91, 99, 107.

Активные социальные контакты: 4, 12, 20, 28, 36, 44, 52, 60, 68, 76, 84, 92, 100, 108.

Престиж: 5, 13, 21, 29, 37, 45, 53, 61, 69, 77, 85, 93, 101, 109. *(Маркер риска: власть и статус)*

Достижения: 6, 14, 22, 30, 38, 46, 54, 62, 70, 78, 86, 94, 102, 110.

Материальное благополучие: 7, 15, 23, 31, 39, 47, 55, 63, 71, 79, 87, 95, 103, 111. *(Маркер коррупционного риска)*

Сохранение индивидуальности: 8, 16, 24, 32, 40, 48, 56, 64, 72, 80, 88, 96, 104, 112.

2. Жизненные сферы (где это реализуется?): Для вашей работы наиболее важны:

Сфера профессиональной жизни: вопросы 1–8, 49–56, 97–104.

Сфера образования: вопросы 9–16, 57–64, 105–112.

Алгоритм анализа:

Возьмите анкеты курсантов.

Выпишите баллы по шкале **«Материальное благополучие»** только в сфере **«Профессиональная жизнь»** (это вопросы: 7, 55, 103).

Максимальный балл: 15.

Высокий риск: если сумма 13–15.

Выпишите баллы по шкале **«Духовное удовлетворение»** в сфере **«Профессиональная жизнь»** (это вопросы: 2, 50, 98).

Антикоррупционная устойчивость: если сумма 13–15.

Сравните эти два показателя. Если «Материальное» > «Духовное», фиксируйте **ценностно-мотивационную деформацию**.

Использовать **индекс «Духовность / Материальность»**: **Индекс = Балл (духовное удовлетворение) /Балл (материальное благополучие).**

Если Индекс > 1 — прогноз благоприятный.

Если Индекс < 1 — преобладает материальная мотивация (риск).

Шкала макиавеллизма (Mach-IV в адаптации В.В. Знакова)

Инструкция.

Вам предлагается 20 утверждений. Прочитайте каждое из них и оцените степень своего согласия или несогласия по 7-балльной шкале. Выберите
ту цифру, которая лучше всего отражает ваше мнение, и запишите её рядом с номером вопроса.

Шкала ответов:

1 — Категорически не согласен

2 — Не согласен

3 — Скорее не согласен, чем согласен

4 — Трудно сказать (нейтральное отношение)

5 — Скорее согласен, чем не согласен

6 — Согласен

7 — Полностью согласен

Список утверждений

1. Никогда не говорите никому о настоящих причинах своих поступков, если только это вам не полезно.
2. Любой человек, который полностью доверяет кому-либо, напрашивается на неприятности.
3. Трудно продвинуться вперед без того, чтобы «подрезать» кого-либо (нарушать чьи-то интересы).
4. Самый безопасный образ действий для человека — это исходить из того, что все люди порочны и преступны и что они проявят это, как только представится удобный случай.
5. Нужно предпринимать какое-либо действие только тогда, когда вы уверены в том, что оно морально правильно.
6. В целом лучше быть скромным и честным, чем важным и нечестным.

7. Когда вы просите кого-либо сделать что-то для вас, лучше всего назвать действительную причину вашего желания, чем приводить причины, которые могут показаться более вескими (но ложными).
8. Человек, который не желает иногда солгать, имеет мало шансов взять верх над другими.
9. В целом люди не станут работать упорно, если их не заставить делать это.
10. Лучше говорить людям то, что они хотят услышать, чем то, что вы действительно думаете, если это может задеть их чувства.
11. Большинство людей, которые добились успеха в жизни, вели чистую, нравственную жизнь.
12. Тот, кто полностью доверяет другим, напрашивается на беду.
13. Самое главное в жизни — это преуспеть (выиграть), а не то, как вы это сделали.
14. Большинство людей в душе добры и честны.
15. Можно быть хорошим человеком всегда и везде.
16. Большинство людей легче забывает смерть отца, чем потерю собственности.
17. Большинство людей храбры, деятельны и великодушны.
18. Лесть — хороший способ заставить людей делать то, что вам нужно.
19. Вообще говоря, люди не станут работать, если их не контролировать.
20. Человек должен предпринимать только те действия, которые он считает морально оправданными.

(Примечание: в некоторых версиях порядок вопросов может незначительно отличаться, но содержание пунктов у В. В. Знакова фиксированное. Здесь приведен стандартный порядок).

ОБРАБОТКА РЕЗУЛЬТАТОВ (Ключ)

Методика содержит пункты двух типов:

Прямые пункты (Mach+): согласие с ними свидетельствует о высоком макиавеллизме.

Обратные пункты (Mach-): согласие с ними свидетельствует о низком макиавеллизме (честности, нравственности).

Шаг 1. Инверсия обратных пунктов.
Вам нужно изменить баллы, полученные курсантом по **обратным** пунктам, на противоположные (перекодировать):

Если было 1 — ставим 7

Если было 2 — ставим 6

Если было 3 — ставим 5

Если было 4 — остается 4

Если было 5 — ставим 3

Если было 6 — ставим 2

Если было 7 — ставим 1

Номера обратных пунктов (которые нужно перекодировать): 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 17

(Внимание! Проверьте по смыслу: например, вопрос 6 «Лучше быть скромным и честным...» — это явно антимакиавеллизм, значит, его нужно перевернуть).

Номера прямых пунктов (баллы остаются как есть): 1, 2, 5, 8, 12, 13, 15, 18, 19, 20

Шаг 2. Подсчет итогового балла.

Сложите баллы по всем 20 пунктам (уже с учетом перекодировки).

Сумма = ∑(Прямые) + ∑(Перекодированные обратные)

Минимально возможный балл: **20**

Максимально возможный балл: **140**

Среднее значение (нейтральное): **80**

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ для исследования

В контексте темы **«Формирование антикоррупционного поведения у курсантов»**:

Высокий уровень макиавеллизма (выше 100 баллов):

Группа риска. Курсант склонен манипулировать людьми, скрывать истинные намерения, использовать лесть и обман. Он циничен («все люди порочны», «деньги важнее отца»).

Принцип «цель оправдывает средства» является ведущим.

Такой человек с высокой вероятностью пойдет на коррупционное преступление, если будет уверен, что его не поймают, или если это принесет значительную выгоду. Он не испытывает моральных угрызений совести («победителей не судят»).

Низкий уровень макиавеллизма (ниже 60 баллов):

Антикоррупционная устойчивость. Курсант честен, доверчив, эмпатичен. Он считает, что нужно действовать морально правильно, даже если это невыгодно.

Однако в военной среде чрезмерно низкий балл (например, 30–40) может говорить о наивности и социальной неадаптированности («простак»), которым могут манипулировать другие.

Средний уровень (60–100 баллов):

Адаптивная норма. Курсант понимает правила игры, может схитрить, но в целом придерживается социальных норм.

Тест «Правовые основы противодействия коррупции в военной среде» (разработанный С.Н. Сорокоумовой, П.А. Гордеевой)

Инструкция: Вам предлагается ответить на 15 вопросов. В каждом вопросе выберите один правильный вариант ответа. Опрос анонимный, результаты будут использованы в обобщенном виде.

Блок 1. Общие правовые понятия

1. Что из перечисленного, согласно законодательству РФ, является коррупцией?

а) Только получение денежных средств (взятки).

б) Только хищение бюджетных средств.

в) Использование служебного положения, дача либо получение взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование положения вопреки интересам службы в целях получения выгоды (денег, ценностей, услуг).

г) Невежливое обращение командира с подчиненным.

2. Что понимается под «конфликтом интересов» на военной службе?

а) Ссора между двумя военнослужащими в казарме.

б) Ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) влияет или может повлиять на надлежащее исполнение служебных обязанностей.

в) Противоречие между приказами двух разных начальников.

г) Нежелание военнослужащего выполнять приказ.

3. Какая сумма, согласно УК РФ, считается «мелким взяточничеством» (ст. 291.2 УК РФ)?

а) До 1 000 рублей.

б) До 3 000 рублей.

в) До 10 000 рублей.

г) До 50 000 рублей.

Блок 2. Специфика военной службы и ответственность

4. Военнослужащий стал свидетелем того, как его сослуживец предлагает взятку должностному лицу. Каковы его обязанности согласно ФЗ «О противодействии коррупции»?

а) Сделать вид, что ничего не видел, чтобы не прослыть «стукачом».

б) Рассказать об этом только близким друзьям.

в) Уведомить об этом представителя нанимателя (командира), органы прокуратуры или другие государственные органы.

г) Потребовать долю за молчание.

5. Какое дисциплинарное взыскание может быть применено к военнослужащему за непредставление сведений о доходах или утрату доверия в связи с коррупционным правонарушением?

а) Строгий выговор.

б) Лишение очередного увольнения.

в) Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия.

г) Наряд вне очереди.

6. Разрешено ли военнослужащему (должностному лицу) принимать подарки в связи с исполнением служебных обязанностей?

а) Да, если подарок стоит дешевле 3 000 рублей.

б) Нет, за исключением подарков, полученных в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями (которые подлежат сдаче).

в) Да, если это алкоголь или конфеты.

г) Да, если никто не видит.

Блок 3. Ситуационные задачи (кейсы)

7. Курсант Иванов хочет пойти в увольнение, но имеет дисциплинарное взыскание. Он предлагает командиру взвода отремонтировать его личный автомобиль в обмен на разрешение уйти в увольнение. Является ли это коррупцией?

а) Нет, денег же никто не передавал.

б) Нет, это просто взаимопомощь.

в) Да, это взятка в виде оказания услуг имущественного характера.

г) Да, но только если ремонт стоит дорого.

8. Преподаватель намекает группе курсантов, что для получения оценки «отлично» на экзамене необходимо собрать деньги и купить ему новый принтер на кафедру. Как квалифицируются эти действия?

а) Спонсорская помощь вузу.

б) Вымогательство взятки.

в) Проявление уважения к преподавателю.

г) Обычная традиция, не являющаяся нарушением.

9. Начальник продовольственной службы части закупает продукты у фирмы, которая принадлежит его жене, по завышенным ценам. Это пример:

а) Умелого ведения бизнеса.

б) Халатности.

в) Конфликта интересов и злоупотребления должностными полномочиями.

г) Государственной измены.

10. Курсант Сидоров узнал, что его командир берет деньги с подчиненных за непривлечение их к ответственности за опоздания. Сидоров решил не докладывать об этом, так как сам иногда опаздывает. Является ли бездействие Сидорова правонарушением?

а) Нет, это его личное дело.

б) Да, это укрывательство преступления (в зависимости от тяжести) и нарушение антикоррупционного законодательства (обязанность уведомлять).

в) Нет, так как он сам деньги не давал.

Блок 4. Нюансы ответственности и последствия

11. Курсант Петров по просьбе своего товарища передал конверт с деньгами преподавателю за сдачу экзамена. Петров не брал себе

ни копейки и просто хотел помочь другу. Подлежит ли он уголовной ответственности?

а) Нет, так как он не получил никакой выгоды.

б) Нет, он просто курьер, отвечает только тот, кто платил (друг), и тот, кто брал (преподаватель).

в) Да, его действия квалифицируются как «посредничество во взяточничестве» (ст. 291.1 УК РФ).

г) Только дисциплинарная ответственность (выговор от командира).

12. Военнослужащий приобрел квартиру и дорогой автомобиль, стоимость которых значительно превышает его официальный доход и доход его семьи за три года. Он не смог подтвердить законность происхождения средств. Что, согласно закону, может произойти с этим имуществом?

а) Ничего, это частная собственность.

б) Военнослужащего заставят заплатить подоходный налог 13% с этой суммы.

в) Имущество может быть обращено в доход государства (конфисковано) по решению суда.

г) Ему просто запретят выезд за границу.

13. При каких условиях лицо, давшее взятку, может быть освобождено от уголовной ответственности?

а) Если лицо добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о даче взятки и активно способствовало раскрытию преступления.

б) Только если сумма взятки была менее 3 000 рублей.

в) Если взяткополучатель вернул деньги обратно.

г) Ни при каких условиях, преступление уже совершено.

14. Может ли военнослужащий, уволенный в связи с утратой доверия за коррупционное правонарушение, в дальнейшем поступить на государственную службу или в правоохранительные органы?

а) Да, сразу после увольнения.

б) Да, но только через 1 год.

в) Сведения о применении к лицу взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия включаются в специальный реестр сроком на 5 лет, что фактически закрывает доступ к госслужбе на этот период.

г) Зависит от характеристики с прошлого места службы.

15. Почему коррупция в военной сфере рассматривается не просто как экономическое преступление, а как угроза национальной безопасности?

а) Потому что военные получают зарплату из бюджета.

б) Потому что коррупция снижает боеготовность войск, качество военной техники и моральный дух личного состава.

в) Потому что это портит имидж армии в СМИ.

г) Потому что так написано в уставе.

Ключ к тесту и обработка результатов

Правильные ответы:

1. В
2. Б
3. В (Это важно знать, так как уголовная ответственность наступает даже за сумму в 500 рублей, квалифицируясь как мелкое взяточничество).
4. В
5. В (Увольнение в связи с утратой доверия — специфическая и очень строгая мера для госслужащих и военных).
6. Б (Обычные подарки «от себя» запрещены ст. 575 ГК РФ и антикоррупционными запретами для военных).
7. В (Услуги имущественного характера приравниваются к взятке).
8. Б
9. В
10. Б

11. В (Многие курсанты ошибочно полагают, что если «себе не взял», то не виноват. Статья 291.1 УК РФ предусматривает суровое наказание за посредничество).

12. В (Федеральный закон № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов…»).

13. А (Примечание к ст. 291 УК РФ. Это критически важное знание: оно стимулирует курсантов сообщать о преступлении, даже если они уже втянуты в него, давая «путь к отступлению» без тюремного срока).

14. В (Существует «Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия». Попадание в него — это «волчий билет» для карьеры).

15. Б (Вопрос на понимание глобального смысла антикоррупции: связь между взяткой на заводе и неисправным танком или бронежилетом на поле боя).

Интерпретация результатов всего теста

13–15 баллов: высокий уровень правовой грамотности. Курсант понимает тонкости (посредничество, конфискация, раскаяние), отлично ориентируется в антикоррупционном законодательстве, понимает суть коррупции не только как передачи денег, но и как оказания услуг или предоставления выгод, понимает степень ответственности.

9–12 баллов: средний уровень правовой грамотности. Курсант имеет общие представления, но путается в деталях (суммы, виды взысканий, услуги как взятка). Есть риск совершения правонарушения по неосторожности или незнанию. Курсант знает основы, но может «споткнуться» на сложных юридических конструкциях (посредничество, механизм увольнения).

Менее 9 баллов: низкий уровень. Правовой нигилизм или полная некомпетентность. Курсант не видит преступления в бытовой коррупции, не знает последствий. Требуется усиленная разъяснительная работа и срочная коррекция знаний. Риск стать соучастником преступления по глупости.

Методическая рекомендация

Для усиления исследования после проведения теста можно добавить открытый вопрос:

«Напишите 3 основные причины, по которым, по вашему мнению, военнослужащий должен отказываться от коррупционного поведения?» (Анализ ответов позволит оценить не только знания, но и ценностные установки — боится ли он тюрьмы или для него важна честь офицера).

Методика «Диагностика рефлексии» (А.В. Карпов)

Вам предстоит дать ответы на несколько утверждений опросника. В бланке ответов напротив номера вопроса проставьте, пожалуйста, цифру, соответствующую варианту вашего ответа:

1. – абсолютно неверно;
2. – неверно;
3. – скорее неверно;
4. – не знаю;
5. – скорее верно;
6. – верно;
7. – совершенно верно.

1. Прочитав хорошую книгу, я всегда потом долго думаю о ней; хочется ее с кем-нибудь обсудить.
2. Когда меня вдруг неожиданно о чем-то спросят, я могу ответить первое, что пришло мне в голову.
3. Прежде чем снять трубку телефона, чтобы позвонить по делу, я обычно мысленно планирую предстоящий разговор.
4. Совершив какой-то промах, я долго потом не могу отвлечься от мыслей о нем.
5. Когда я размышляю над чем-то или беседую с другим человеком, мне бывает интересно вдруг вспомнить, что послужило началом цепочки мыслей.
6. Приступая к трудному заданию, я стараюсь не думать о предстоящих трудностях.
7. Главное для меня — представить конечную цель своей деятельности, а детали имеют второстепенное значение.
8. Бывает, что я не могу понять, почему кто-либо недоволен мною.
9. Я часто ставлю себя на место другого человека.
10. Для меня важно в деталях представлять себе ход предстоящей работы.
11. Мне было бы трудно написать серьезное письмо, если бы я заранее не составил план.

12. Я предпочитаю действовать, а не размышлять над причинами своих неудач.
13. Я довольно легко принимаю решение относительно дорогой покупки.
14. Как правило, что-то задумав, я прокручиваю в голове свои замыслы, уточняя детали, рассматривая все варианты.
15. Я беспокоюсь о своем будущем.
16. Думаю, что во множестве ситуаций надо действовать быстро, руководствуясь первой пришедшей в голову мыслью.
17. Порой я принимаю необдуманные решения.
18. Закончив разговор, я, бывает, продолжаю вести его мысленно, приводя все новые и новые аргументы в защиту своей точки зрения.
19. Если происходит конфликт, то, размышляя над тем, кто виноват, я в первую очередь начинаю с себя.
20. Прежде чем принять решение, я всегда стараюсь все тщательно обдумать и взвесить.
21. У меня бывают конфликты от того, что я порой не могу предугадать, какого поведения от меня ожидают окружающие.
22. Бывает, что, обдумывая разговор с другим человеком, я как бы мысленно веду с ним диалог.
23. Я стараюсь не задумываться над тем, какие мысли и чувства вызывают в других людях мои слова и поступки.
24. Прежде чем сделать замечание другому человеку, я обязательно подумаю, какими словами это лучше сделать, чтобы его не обидеть.
25. Решая трудную задачу, я думаю над ней даже тогда, когда занимаюсь другими делами.
26. Если я с кем-то ссорюсь, то в большинстве случаев не считаю себя виноватым.
27. Редко бывает так, что я жалею о сказанном.

Обработка:

Суммируйте проставленные баллы по вопросам № 1, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 24, 25 и прибавьте сумму инверсированных баллов.

Баллы по шкалам 2, 6, 7, 8, 12, 13, 16, 17, 21, 23, 26, 27 необходимо инверсировать:

Проставленный балл	7	6	5	4	3	2	1
Инверсированный балл	1	2	3	4	5	6	7

Баллы	до 99	100	101 – 107	108 – 113	114 – 122	123 – 130	131 – 139	140 – 147	148 – 156	157 – 171	172 и выше
Стены	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Интерпретация

8 –10 стенов — высокий уровень рефлексивности

4 –7 стенов — средний уровень рефлексивности

0 – 3 стена — низкий уровень рефлексивности

Результаты, равные, или больше семи стенов, свидетельствуют о высокой рефлексивности. Человек с таким баллом в большей степени склонен обращаться к анализу своей деятельности и поступков других людей, выяснять причины и следствия своих действий как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Ему свойственно обдумывать свою деятельность в мельчайших деталях, тщательно планировать и прогнозировать все возможные последствия.

Результаты в границах от четырех до семи стенов — индикаторы среднего уровня рефлексивности.

Результаты меньше четырех стенов свидетельствуют о низком уровне развития рефлексивности. Это проявляется в том, что человеку сложно поставить себя на место другого и регулировать собственное поведение.

Методика «Справедливость — забота» (С.В. Молчанов)

Методика предназначена для выявления уровня развития моральных суждений в соответствии с двумя основными периодизациями развития морального сознания (Л. Колберг и К. Гиллиган) у подростков и старшеклассников. Испытуемому предлагается 38 утверждений, степень согласия с которыми оценивается по пятибалльной шкале от «безусловно не согласен» (1 балл) до «безусловно согласен» (5 баллов).

Все утверждения делятся на три группы. *Первая группа*, состоящая из 18 утверждений, описывает шесть стадий периодизации развития морального сознания Л. Колберга; каждая стадия описывается тремя утверждениями. *Вторая группа* из 18 утверждений относится к стадиям морального развития К. Гиллиган — Н. Айзенберг: четыре стадии первых двух уровней включают по три утверждения, третий уровень характеризуется шестью утверждениями.

Третья группа состоит из двух утверждений, в которых предлагается сделать принципиальный выбор в ориентации на «справедливость» или «заботу» как ведущий моральный принцип.

Инструкция:

Ниже приведён ряд суждений. Здесь нет правильных и неправильных ответов — у каждого человека свои жизненные принципы. Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 5 баллов, насколько вы согласны с этими утверждениями:

1 – безусловно не согласен

2 – скорее не согласен, чем согласен

3 – в чём-то согласен, в чём-то не согласен

4 – скорее согласен, чем не согласен

5 – безусловно согласен

Обведите кружком выбранную вами оценку.

1. Право решать, что является справедливым, а что нет, принадлежит людям, облечённым соответствующей властью	1 2 3 4 5
2. Готовность не раздумывая прийти на помощь другому – самое важное качество человека	1 2 3 4 5
3. Справедливым является общество, основанное на всеобщем и обязательном подчинении законам и порядку	1 2 3 4 5
4. Я согласен с утверждением: «Ты мне друг, но истина дороже»	1 2 3 4 5
5. При решении вопроса о том, что справедливо, я исхожу в первую очередь из своих интересов	1 2 3 4 5
6. В обществе должно быть признано равенство прав всех людей, независимо от их заслуг, талантов, места в обществе и богатства	1 2 3 4 5
7. Мнение обо мне и оценка других людей могут сильно повлиять на моё поведение	1 2 3 4 5
8. Жить ради других – высшее предназначение человека	1 2 3 4 5
9. Если человек хочет, чтобы его уважали, он должен руководствоваться в своём поведении общепринятыми в обществе нормами и правилами	1 2 3 4 5
10. Ради спасения жизни человека можно нарушить любой закон	1 2 3 4 5
11. Я могу понять чувства другого человека и посочувствовать ему, даже если не согласен с его выбором	1 2 3 4 5
12. Справедливость в обществе может быть достигнута только на основе страха людей перед наказанием	1 2 3 4 5
13. В трудных ситуациях человек прежде всего должен думать о своих интересах	1 2 3 4 5
14. Если человек не уважает других людей, он не уважает и себя	1 2 3 4 5
15. Если я вижу, что другому человеку плохо, я испытываю к нему сочувствие и пытаюсь ему помочь	1 2 3 4 5
16. Человек, живущий в обществе, обязан подчиняться решению, принятому большинством, даже если он сам и не согласен с ним	1 2 3 4 5

17. Каждый человек вправе выдрать для себя путь самопожертвования или эгоизма	1 2 3 4 5
18. Для меня справедливым является то, что мне полезно и выгодно	1 2 3 4 5
19. Когда мне жалко человека, я готов прийти ему на помощь, даже если мне придётся поступиться своими интересами	1 2 3 4 5
20. Каждый человек в обществе обладает равными со всеми правами, даже если он совершил тяжёлый проступок или преступление	1 2 3 4 5
21. Справедливым является такое поведение, которое получает одобрение других людей	1 2 3 4 5
22. Часто мне бывает проще уступить чувству жалости к другому и согласиться с ним, чем сказать ему «нет», даже если он не прав	1 2 3 4 5
23. Каждый человек имеет право на свою собственную позицию в вопросе о том, что является справедливым	1 2 3 4 5
24. В жизни я руководствуюсь правилом: «Делай добро другому, и он отплатит тебе тем же»	1 2 3 4 5
25. Справедливое наказание должно соответствовать тяжести материального ущерба, нанесённого поступком, без учёта намерений человека, совершившего его	1 2 3 4 5
26. Сочувствие и сострадание к другим людям в первую очередь определяют моё поведение	1 2 3 4 5
27. Общество само устанавливает законы и нормы справедливости, и человек должен им подчиняться	1 2 3 4 5
28. Человек никому не вправе отказать в помощи и милосердии, даже преступившему закон	1 2 3 4 5
29. Справедливость требует чтобы, если я кому-то помогу, этот человек помог бы мне	1 2 3 4 5
30. Я согласен с тем, что «Никакая гармония мира не стоит и одной слезинки ребёнка» (Ф. М. Достоевский)	1 2 3 4 5
31. Иногда ради справедливости человек бывает вынужден преступить и нарушить закон	1 2 3 4 5
32. В любой ситуации нужно в первую очередь обеспечить благополучие себе и своим близким и уже потом подумать о других	1 2 3 4 5

33. Для того, чтобы в обществе царила справедливость, необходимо, чтобы каждый добрый поступок всегда был по достоинству оценён и вознаграждён	1 2 3 4 5
34. Если каждый человек, прежде всего, будет заботиться о себе, общество от этого только выиграет	1 2 3 4 5
35. Справедливым является поступок, продиктованный совестью человека, даже если он противоречит мнению других людей и осуждается ими	1 2 3 4 5
36. Я испытываю неловкость, когда меня благодарят за помощь или хвалят за неё в присутствии других людей	1 2 3 4 5
37. Если закон делает людей несчастными, то этот закон не стоит того, чтобы его выполнять	1 2 3 4 5
38. Самопожертвование ради другого может быть обузой для него, даже если он действительно нуждается в вашей помощи	1 2 3 4 5

Ключ к методике

Шкала «Справедливость»

Стадии морального развития по Л. Колбергу:

1. Доконвенциональный уровень:

- власть авторитетов, боязнь наказаний — 1, 12, 25
- инструментальный обмен «ты — мне, я — тебе» — 5, 18, 29

2. Конвенциональный уровень:

- ориентация на мнение других, стремление «быть хорошим» — 7, 21, 33
- социальный закон и порядок — 3, 16, 27

3. Постконвенциональный уровень:

- социальный контакт, учёт прав личности — 6, 20, 23
- стадия универсальных этических принципов — 10, 31, 35

Шкала «Забота»

Стадии морального развития по К. Гиллиган и Н. Айзенберг:

1. Самоозабоченность:

- ориентация на себя, на свои интересы — 13, 32, 34
- ориентация на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе — 9, 24, 36

2. Самопожертвование:

– рефлексивная эмпатическая ориентация — 11, 15, 22

– учёт интериоризированных ценностей, защита прав других — 2, 19, 26

3. Самоуважение:

- сознательный учёт интериоризированных ценностей — 8, 14, 17, 28, 30, 38
- выбор между справедливостью и заботой — 4, 37.

Результаты анализируются по двум шкалам. Важна не только высота баллов, но и их соотношение:

А. Высокие баллы по шкале «Справедливость»

Характеристика: человек руководствуется объективными критериями, нормами и законами. Для него равенство и честность превыше личных симпатий.

В контексте антикоррупционного поведения: это «фундамент» законопослушности. Человек с такой ориентацией воспринимает коррупцию как нарушение честной игры и общественного договора. Однако при экстремально высоких баллах может проявляться формализм («буквоедство»).

Б. Высокие баллы по шкале «Забота»

Характеристика: человек ориентирован на нужды конкретных людей, на эмпатию и сохранение отношений. Моральный поступок для него — тот, который помог другому или предотвратил страдание.

В контексте антикоррупционного поведения: здесь есть риск. Коррупция часто маскируется под «заботу» (например, помочь родственнику, устроить «своего» человека). Если шкала заботы сильно доминирует над справедливостью, человек может оправдывать нарушение закона «благими намерениями» ради близких.

В. Сочетание шкал (типология):

Сбалансированный тип (высокая справедливость + высокая забота): наиболее зрелый уровень. Человек понимает важность закона, но при этом

сохраняет человечность. Он способен рефлексировать сложные ситуации, где закон сталкивается с интересами людей.

Автономный (справедливый) тип: жесткое следование правилам. Антикоррупционная устойчивость высокая, но возможны конфликты в коллективе из-за недостатка гибкости.

Альтруистический (заботящийся) тип: склонность к конформизму ради сохранения отношений. В коррупционных средах такие люди часто становятся соучастниками «за компанию» или из ложного чувства лояльности.

Прагматический тип (низкие показатели по обеим шкалам): решения принимаются исходя из личной выгоды. Самый высокий риск коррупционного поведения.

Шкала организационной справедливости

Дж. Гринберг, Дж. Колкитт

Инструкция

Пожалуйста, оцените, в какой степени приведенные ниже утверждения соответствуют ситуации в вашей организации. Для ответов используйте шкалу от 1 до 5, где:

1 — в крайне малой степени (никогда);

2 — в малой степени (редко);

3 — в умеренной степени (иногда);

4 — в значительной степени (часто);

5 — в очень большой степени (всегда).

Текст опросника

Блок 1. Распределительная справедливость (Distributive Justice)

Отражает соответствие вознаграждения (зарплаты, премий, признания) вкладу сотрудника.

Отражает ли ваше вознаграждение те усилия, которые вы затратили на работу?

Является ли ваше вознаграждение подходящим для той работы, которую вы выполнили?

Отражает ли ваше вознаграждение тот вклад, который вы внесли в дела организации?

Оправдано ли ваше вознаграждение, учитывая уровень вашей производительности?

Блок 2. Процедурная справедливость (Procedural Justice)

Отражает честность правил и процедур, по которым принимаются решения.

Имели ли вы возможность выразить свои взгляды и чувства в ходе принятия решений (касающихся распределения ресурсов, повышений и т. д.)?

Имели ли вы влияние на результат, достигнутый в ходе этих процедур?

Применялись ли эти процедуры последовательно и одинаково ко всем сотрудникам?

Были ли эти процедуры свободны от предвзятости и личных симпатий руководства?

Основывались ли эти процедуры на достоверной и точной информации?

Имели ли вы возможность обжаловать результат, полученный в ходе этих процедур?

Соответствовали ли эти процедуры этическим и моральным стандартам?

Блок 3. Межличностная справедливость (Interpersonal Justice)

Отражает качество отношения со стороны руководства.

Относится ли к вам руководитель вежливо?

Относится ли к вам руководитель с достоинством?

Относится ли к вам руководитель с уважением?

Воздерживается ли руководитель от неуместных замечаний или комментариев в ваш адрес?

Блок 4. Информационная справедливость (Informational Justice)

Отражает честность и полноту информирования сотрудников.

Был ли руководитель откровенен в общении с вами?

Подробно и тщательно ли руководитель объяснял вам суть процедур и принятых решений?

Были ли объяснения руководителя относительно принятых решений разумными и логичными?

Сообщал ли вам руководитель информацию своевременно?

Казалось ли вам, что руководитель адаптирует информацию под ваши конкретные потребности (учитывает ваши интересы при объяснении)?

Обработка и интерпретация результатов

Для каждой из четырех шкал подсчитывается средний балл (сумма баллов, деленная на количество вопросов в блоке).

Распределительная справедливость (вклады/награды): низкий балл здесь — главный стимул для «низовой» коррупции (взятки как способ «добрать» недоплаченное).

Процедурная справедливость (правила игры): низкий балл указывает на наличие фаворитизма, кумовства и непрозрачности. Если процедуры несправедливы, антикоррупционные кодексы не будут работать.

Межличностная справедливость (отношение): низкий балл ведет к отчуждению сотрудника от организации. Обиженный сотрудник легче идет на нарушение этических норм.

Информационная справедливость (доверие): низкий балл говорит о дефиците информации, что создает почву для теневых договоренностей и слухов.

Для антикоррупционного мониторинга критически важными являются блоки **процедурной** и **распределительной** справедливости. Если баллы по ним ниже 3.0, среда в организации считается коррупциогенной.

Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел)

Методика **А.Н. Орла «СОП» (Склонность к отклоняющемуся поведению)** — это стандартизированный опросник, который идеально подходит для нашего исследования как инструмент «второго уровня».

Если тесты на знание законов показывают, знает ли курсант, как поступать, то методика Орла показывает, склонен ли он нарушать любые правила в принципе.

Для данного исследования наиболее интересны шкала № 2 (склонность к преодолению норм и правил) и шкала № 6 (волевой контроль).

Ниже приведен полный инструментарий для использования в диссертации.

Описание шкал

Шкала 1. Установка на социальную желательность (служебная ложь).

Для исследования: критически важная шкала. Курсанты склонны приукрашивать себя перед командирами. Если балл зашкаливает, результаты остальных шкал недостоверны (курсант надел маску «идеального военного»).

Шкала 2. Склонность к преодолению норм и правил (делинквентность).

Для исследования: **главный маркер коррупции.** Высокий балл означает нонконформизм, отрицание авторитетов, готовность пойти против устава и закона ради своих целей. Это психологическая база для совершения преступления.

Шкала 3. Склонность к аддиктивному поведению.

Для исследования: косвенный маркер. Зависимости (игры, алкоголь) требуют денег, что часто толкает на получение взяток или хищения.

Шкала 4. Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

Для исследования: менее значима для коррупции, скорее для суицидального риска.

Шкала 5. Склонность к проявлению агрессии и применению насилия.

Шкала 6. Волевой контроль эмоциональных реакций.

Оценка антикоррупционного ресурса (**антикоррупционный ресурс).** Высокий показатель свидетельствует о способности курсанта сдерживать возникающие импульсы, в том числе стремление к «лёгкой наживе». Низкий показатель указывает на импульсивность.

Инструкция к тесту

Перед вами ряд утверждений. Они касаются некоторых сторон вашей жизни, вашего характера, привычек. Прочтите первое утверждение и решите, верно ли данное утверждение по отношению к вам.

– Если верно, то на бланке ответов рядом с номером, соответствующим утверждению, в квадратике под обозначением «да» поставьте крестик или галочку.

– Если оно неверно, то поставьте крестик или галочку в квадратике под обозначением «нет».

– Если вы затрудняетесь ответить, то постарайтесь выбрать вариант ответа, который все-таки больше соответствует вашему мнению.

Затем таким же образом отвечайте на все пункты опросника. Если ошибетесь, то зачеркните ошибочный ответ и поставьте тот, который считаете нужным. Помните, что вы высказываете собственное мнение о себе в настоящий момент. Здесь не может быть «плохих» или «хороших», «правильных» или «неправильных» ответов. Очень долго не обдумывайте ответы, важна ваша первая реакция на содержание утверждений. Отнеситесь к работе внимательно и серьезно. Небрежность, а также стремление «улучшить» или «ухудшить» ответы приводят к недостоверным результатам.

В случае затруднений еще раз прочитайте эту инструкцию или обратитесь к тому, кто проводит тестирование. Не делайте никаких пометок в тексте опросника.

Тестовый материал

Мужской вариант

1. Я предпочитаю одежду неярких, приглушенных тонов.
2. Бывает, что я откладываю на завтра то, что должен сделать сегодня.
3. Я охотно записался бы добровольцем для участия в каких-либо боевых действиях.
4. Бывает, что иногда я ссорюсь с родителями.
5. Тот, кто в детстве не дрался, вырастает «маменькиным сынком» и ничего не может добиться в жизни.
6. Я бы взялся за опасную для жизни работу, если бы за нее хорошо платили.
7. Иногда я ощущаю такое сильное беспокойство, что просто не могу усидеть на месте.
8. Иногда бывает, что я немного хвастаюсь.
9. Если бы мне пришлось стать военным, то я хотел бы быть летчиком-истребителем.
10. Я ценю в людях осторожность и осмотрительность.
11. Только слабые и трусливые люди выполняют все правила и законы.
12. Я предпочел бы работу, связанную с переменами и путешествиями.
13. Я всегда говорю только правду.
14. Если человек в меру и без вредных последствий употребляет возбуждающие и влияющие на психику вещества — это вполне нормально.
15. Даже если я злюсь, то стараюсь не прибегать к ругательствам.
16. Я думаю, что мне бы понравилось охотиться на львов.
17. Если меня обидели, то я обязательно должен отмстить.
18. Человек должен иметь право выпивать столько, сколько он хочет.
19. Если мой приятель опаздывает к назначенному времени, то я обычно сохраняю спокойствие.

20. Мне обычно затрудняет работу требование сделать ее к определенному сроку.
21. Иногда я перехожу улицу там, где мне удобно, а не там, где положено.
22. Некоторые правила и запреты можно отбросить, если испытываешь сильное сексуальное (половое) влечение.
23. Я иногда не слушаюсь родителей.
24. Если при покупке автомобиля мне придется выбирать между скоростью и безопасностью, то я выберу безопасность.
25. Я думаю, что мне понравилось бы заниматься боксом.
26. Если бы я мог свободно выбирать профессию, то стал бы дегустатором вин.
27. Я часто испытываю потребность в острых ощущениях.
28. Иногда мне так и хочется сделать себе больно.
29. Мое отношение к жизни хорошо описывает пословица: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».
30. Я всегда покупаю билеты в общественном транспорте.
31. Среди моих знакомых есть люди, которые пробовали одурманивающие токсические вещества.
32. Я всегда выполняю обещания, даже если мне это невыгодно.
33. Бывает, что мне так и хочется выругаться.
34. Правы люди, которые в жизни следуют пословице: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».
35. Бывало, что я случайно попадал в драку после употребления спиртных напитков.
36. Мне редко удается заставить себя продолжать работу после ряда обидных неудач.
37. Если бы в наше время проводились бои гладиаторов, то я бы обязательно в них поучаствовал.
38. Бывает, что иногда я говорю неправду.
39. Терпеть боль назло всем бывает даже приятно.

40. Я лучше соглашусь с человеком, чем стану спорить.
41. Если бы я родился в давние времена, то стал бы благородным разбойником.
42. Если нет другого выхода, то спор можно разрешить и дракой.
43. Бывали случаи, когда мои родители или другие взрослые высказывали беспокойство по поводу того, что я немного выпил.
44. Одежда должна с первого взгляда выделять человека среди других в толпе.
45. Если в кинофильме нет ни одной приличной драки – это плохое кино.
46. Когда люди стремятся к новым необычным ощущениям и переживаниям, это нормально.
47. Иногда я скучаю на уроках.
48. Если меня кто-то случайно задел в толпе, то я обязательно потребую от него извинений.
49. Если человек раздражает меня, то я готов высказать ему все, что я о нем думаю.
50. Во время путешествий и поездок я люблю отклоняться от обычных маршрутов.
51. Мне бы понравилась профессия дрессировщика хищных зверей.
52. Если уж ты сел за руль мотоцикла, то стоит ехать только очень быстро.
53. Когда я читаю детектив, то мне часто хочется, чтобы преступник ушел от преследования.
54. Иногда я просто не могу удержаться от смеха, когда слышу неприличную шутку.
55. Я стараюсь избегать в разговоре выражений, которые могут смутить окружающих.
56. Я часто огорчаюсь из-за мелочей.
57. Когда мне возражают, я часто взрываюсь и отвечаю резко.

58. Мне больше нравится читать о приключениях, чем о любовных историях.
59. Чтобы получить удовольствие, стоит нарушить некоторые правила и запреты.
60. Мне нравится бывать в компаниях, где в меру выпивают и веселятся.
61. Меня раздражает, когда девушки курят.
62. Мне нравится состояние, которое наступает, когда в меру и в хорошей компании выпьешь.
63. Бывало, что у меня возникало желание выпить, хотя я понимал, что сейчас не время и не место.
64. Сигарета в трудную минуту меня успокаивает.
65. Мне легко заставить других людей бояться меня, и иногда ради забавы я это делаю.
66. Я смог бы своей рукой казнить преступника, справедливо приговоренного к высшей мере наказания.
67. Удовольствие — это главное, к чему стоит стремиться в жизни.
68. Я хотел бы поучаствовать в автомобильных гонках.
69. Когда у меня плохое настроение, ко мне лучше не подходить.
70. Иногда у меня бывает такое настроение, что я готов первым начать драку.
71. Я могу вспомнить случаи, когда я был таким злым, что хватал первую попавшуюся под руку вещь и ломал ее.
72. Я всегда требую, чтобы окружающие уважали мои права.
73. Мне понравилось бы прыгать с парашютом.
74. Вредное воздействие на человека алкоголя и табака сильно преувеличивают.
75. Я редко даю сдачи, даже если кто-то ударит меня.
76. Я не получаю удовольствия от ощущения риска.
77. Когда человек в пылу спора прибегает к «сильным» выражениям — это нормально.

78. Я часто не могу сдержать свои чувства.
79. Бывало, что я опаздывал на уроки.
80. Мне нравятся компании, где все подшучивают друг над другом.
81. Секс должен занимать в жизни молодежи одно из главных мест.
82. Часто я не могу удержаться от спора, если кто-то не согласен со мной.
83. Иногда случалось, что я не выполнял домашнее задание.
84. Я часто совершаю поступки под влиянием минутного настроения.
85. Мне кажется, что я не способен ударить человека.
86. Люди справедливо возмущаются, когда узнают, что преступник остался безнаказанным.
87. Бывает, что мне приходится скрывать от взрослых некоторые свои поступки.
88. Наивные простаки сами заслуживают того, чтобы их обманывали.
89. Иногда я бываю так раздражен, что стучу по столу кулаком.
90. Только неожиданные обстоятельства и чувство опасности позволяют мне по-настоящему проявить себя.
91. Я бы попробовал какое-нибудь одурманивающее вещество, если бы твердо знал, что это не повредит моему здоровью и не повлечет наказания.
92. Когда я стою на мосту, то меня иногда так и тянет прыгнуть вниз.
93. Всякая грязь меня пугает или вызывает сильное отвращение.
94. Когда я злюсь, то мне хочется кого-нибудь ударить.
95. Я считаю, что люди должны полностью отказаться от употребления спиртных напитков.
96. Я бы мог на спор влезть на высокую фабричную трубу.
97. Временами я не могу справиться с желанием причинить боль другим людям.
98. Я мог бы после небольших предварительных объяснений управлять вертолетом.

Ключ к тесту

Мужской вариант

1. Шкала установки на социально-желательные ответы: 2 (нет), 4 (нет), 6 (нет), 13 (да), 21 (нет), 23 (нет), 30 (да), 32 (да), 33 (нет), 38 (нет), 47 (нет), 54 (нет), 79 (нет), 83 (нет), 87 (нет).

2. Шкала склонности к преодолению норм и правил: 1 (нет), 10 (нет), 11 (да), 22 (да), 34 (да), 41 (да), 44 (да), 50 (да), 53 (да), 55 (нет), 59 (да), 61 (нет), 80 (да), 86 (нет), 88 (да), 91 (да), 93 (нет).

3. Шкала склонности к аддиктивному поведению: 14 (да), 18 (да), 22 (да), 26 (да), 27 (да), 31 (да), 34 (да), 35 (да), 43 (да), 46 (да), 59 (да), 60 (да), 62 (да), 63 (да), 64 (да), 67 (да), 74 (да), 81 (да), 91 (да), 95 (нет).

4. Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению: 3 (да), 6 (да), 9 (да), 12 (да), 16 (да), 24 (нет), 27 (да), 28 (да), 37 (да), 39 (да), 51 (да), 52 (да), 58 (да), 68 (да), 73 (да), 76 (нет), 90 (да), 91 (да), 92 (да), 96 (да), 98 (да).

5. Шкала склонности к агрессии и насилию: 3 (да), 5 (да), 15 (нет), 16 (да), 17 (да), 25 (да), 37 (да), 40 (нет), 42 (да), 45 (да), 48 (да), 49 (да), 51 (да), 65 (да), 66 (да), 70 (да), 71 (да), 72 (да), 75 (нет), 77 (да), 82 (нет), 89 (да), 94 (да), 97 (да).

6. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций: 7 (да), 19 (да), 20 (да), 29 (нет), 36 (да), 49 (да), 56 (да), 57 (да), 69 (да), 70 (да), 71 (да), 78 (да), 84 (да), 89 (да), 94 (да).

7. Шкала склонности к деликвентному поведению: 18 (да), 26 (да), 31 (да), 34 (да), 35 (да), 42 (да), 43 (да), 44 (да), 48 (да), 52 (да), 55 (нет), 61 (нет), 62 (да), 63 (да), 64 (да), 67 (да), 74 (да), 86 (нет), 91 (да), 94 (да).

Обработка результатов теста

Каждому ответу в соответствии с ключом присваивается 1 балл. Далее по каждой шкале подсчитывается суммарный балл, который сравнивается с тестовыми нормами. При отклонении индивидуальных результатов

исследуемого от среднего суммарного балла по шкале более чем на 1S измеряемую психологическую характеристику можно считать выраженной.

Если индивидуальный суммарный балл исследуемого меньше среднего на 1S, то измеряемое свойство оценивается как мало выраженное. Кроме того, если известна принадлежность исследуемого к «делинквентной» популяции, то его индивидуальные результаты целесообразно сравнивать с тестовыми нормами, которые рассчитаны для «делинквентной» подвыборки.

Тестовые нормы методики СОП

Шкалы	«Нормальная» выборка		«Деликвентная» выборка	
	M	S	M	S
1	2,27	2,06	2,49	2,13
2	7,73	2,88	10,27	2,42
3	9,23	4,59	15,97	3,04
4	10,36	3,41	10,98	2,76
5	12,47	4,23	14,64	3,94
6	8,04	3,29	9,37	3,01
7	7,17	4,05	14,38	3,22

Второй вариант обработки результатов теста

Каждому ответу при соответствии с ключом присваивается один балл. Затем по каждой шкале подсчитывается первичный суммарный балл, который при необходимости подвергается коррекции в связи с действием фактора социальной желательности в соответствии с процедурой, описанной выше. Затем производится перевод «сырых» баллов в стандартные Т-баллы. В том случае, если у пользователя имеются набранные им специализированные тестовые нормы, перевод в стандартные Т-баллы производится по формуле:

$T = 10 * (Xi – M) / (S + 50)$, где:

• Xi — первичный («сырой») балл по шкале;

• M — среднее значение первичного суммарного балла по шкале в выборке стандартизации;

• S — стандартное отклонение значений первичных баллов в выборке стандартизации.

Варианты коэффициентов коррекции в зависимости от значений «сырого»

балла по шкале № 1

Мужской вариант методики

В случае, если первичный балл по шкале № 1 меньше или равен 6 баллам для «обычных» испытуемых, коэффициент коррекции составляет:

• для шкалы № 2 = 0,3;

• для шкалы № 3 = 0,3;

• для шкалы № 4 = 0,2;

• для шкалы № 5 = 0,2;

• для шкалы № 6 = 0,3;

• для шкалы № 7 = 0,2.

В случае, если первичный балл по шкале № 1 меньше или равен 6 баллам для «деликвентных» испытуемых, коэффициент коррекции составляет:

• для шкалы № 2 = 0,3;

• для шкалы № 3 = 0,5;

• для шкалы № 4 = 0,3;

• для шкалы № 5 = 0,2;

• для шкалы № 6 = 0,3;

• для шкалы № 7 = 0,5.

В случае, если первичный балл по шкале № 1 больше 6 баллов как для «обычных», так и для «деликвентных» испытуемых, коэффициент коррекции составляет:

• для шкалы № 2 = 0,7;

• для шкалы № 3 = 0,6;

• для шкалы № 4 = 0,4;

• для шкалы № 5 = 0,5;

• для шкалы № 6 = 0,3;

• для шкалы № 7 = 0,5.

Таблица норм при переводе «сырых» баллов в Т-баллы

«Сырой» балл	Т-баллы						
	Шкалы						
	1	2	3	4	5	6	7
0	35		26				30
1	44	27	28	24	24	26	32
2	50	31	30	26	27	30	34
3	55	34	33	29	29	33	37
4	58	37	35	32	31	37	39
5	62	40	37	35	34	40	41
6	65	43	39	37	36	44	43
7	67	46	42	40	39	48	46
8	70	50	44	43	41	51	48
9	74	53	46	45	43	55	50
10	85	56	48	48	46	58	53
11	89	59	50	51	48	62	55
12		63	53	54	51	65	57
13		66	55	56	53	69	59
14		69	57	59	55	73	62
15		72	59	62	58	77	64
16		75	62	64	60	81	66
17		78	64	67	62	85	68
18		81	66	70	65		71
19		84	68	72	67		73
20		87	70	75	70		75
21		90	72	78	72		77
22			74	81	74		79
23			76	84	77		81
24			78	87	79		83
25			80	90	81		85
26			82		83		87
27			84		85		
28					87		
29					89		

Описание шкал и их интерпретация

1. Шкала установки на социальную желательность (служебная шкала) Данная шкала предназначена для измерения готовности испытуемого представлять себя в наиболее благоприятном свете с точки зрения социальной желательности.

Показатели от 50 до 60 Т-баллов свидетельствуют об умеренной тенденции давать при заполнении опросника социально-желательные ответы.

Показатели свыше 60 баллов свидетельствуют о тенденции испытуемого демонстрировать строгое соблюдение даже малозначительных социальных норм, об умышленном стремлении показать себя в лучшем свете и о настороженности по отношению к ситуации обследования.

Результаты, находящиеся в диапазоне 70–89 баллов говорят, о высокой настороженности испытуемого по отношению к психодиагностической ситуации и о сомнительной достоверности результатов по основным шкалам.

О восприятии ситуации как экспертной одновременно с умеренно высокими показателями по шкале № 1 также свидетельствует их резкое понижение по основным диагностическим шкалам и повышение по шкале женской социальной роли.

Для мужской популяции превышение суммарного первичного балла по шкале социальной желательности значения 11 первичных баллов свидетельствует о недостоверности результатов по основным шкалам.

Показатели ниже 50 Т-баллов говорят о том, что испытуемый не склонен скрывать собственные нормы и ценности или корректировать свои ответы в направлении социальной желательности.

Одновременно высокие показатели по служебной шкале и по основным шкалам (кроме шкалы 8) свидетельствуют либо о сомнительной достоверности результатов, либо о диссоциации в сознании испытуемого известных ему и реальных норм поведения.

2. Шкала склонности к преодолению норм и правил

Данная шкала предназначена для измерения предрасположенности испытуемого к преодолению каких-либо норм и правил, склонности к отрицанию общепринятых норм, ценностей и образцов поведения.

Результаты, лежащие в диапазоне 50–60 Т-баллов, свидетельствуют о выраженности вышеуказанных тенденций, о нонконформистских установках испытуемого, о его склонности противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, о тенденции «нарушать спокойствие», искать трудности, которые можно было бы преодолеть.

Показатели, находящиеся в диапазоне 60–70 Т-баллов, свидетельствуют о чрезвычайной выраженности нонконформистских тенденций, проявлении негативизма и заставляют сомневаться в достоверности результатов тестирования по данной шкале.

Результаты ниже 50 Т-баллов по данной шкале свидетельствуют о конформных установках испытуемого, склонности следовать стереотипам и общепринятым нормам поведения. В некоторых случаях, при условии сочетания с достаточно высоким интеллектуальным уровнем испытуемого и тенденцией скрывать свои реальные нормы и ценности, такие оценки могут отражать фальсификацию результатов.

3. Шкала склонности к аддиктивному поведению. Данная шкала предназначена для измерения готовности реализовать аддиктивное поведение.

Результаты в диапазоне 50–70 Т-баллов по данной шкале свидетельствуют о предрасположенности испытуемого к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, о склонности к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем. Кроме того, эти результаты свидетельствуют об ориентации на чувственную сторону жизни, о наличии «сенсорной жажды», о гедонистически ориентированных нормах и ценностях.

Показатели свыше 70 Т-баллов свидетельствуют о сомнительности результатов либо о наличии выраженной психологической потребности в аддиктивных состояниях, что необходимо выяснять, используя дополнительные психодиагностические средства.

Показатели ниже 50 Т-баллов свидетельствуют либо о невыраженности вышеперечисленных тенденций, либо о хорошем социальном контроле поведенческих реакций.

4. Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению

Данная шкала предназначена для измерения готовности реализовать различные формы аутоагрессивного поведения. Объект измерения, очевидно, частично пересекается с психологическими свойствами, измеряемыми шкалой № 3.

Результаты, находящиеся в диапазоне 50–70 Т-баллов по шкале № 4, свидетельствуют о низкой ценности собственной жизни, склонности к риску, выраженной потребности в острых ощущениях, о садомазохистских тенденциях.

Результаты свыше 70 Т-баллов свидетельствуют о сомнительной достоверности результатов.

Показатели ниже 50 Т-баллов по данной шкале свидетельствуют об отсутствии готовности к реализации саморазрушающего поведения, об отсутствии тенденции к соматизации тревоги, отсутствии склонности к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях.

5. Шкала склонности к агрессии и насилию

Данная шкала предназначена для измерения готовности испытуемого к реализации агрессивных тенденций в поведении.

Показатели, лежащие в диапазоне 50–60 Т-баллов, свидетельствуют о наличии агрессивных тенденций у испытуемого. Показатели, находящиеся в диапазоне 60–70 Т-баллов, свидетельствуют об агрессивной направленности личности во взаимоотношениях с другими людьми,

о склонности решать проблемы посредством насилия, о тенденции использовать унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки, о наличии садистических тенденций.

Показатели свыше 70 Т-баллов говорят о сомнительной достоверности результатов.

Показатели, лежащие ниже 50 Т-баллов, свидетельствуют о невыраженности агрессивных тенденций, о неприемлемости насилия как средства решения проблем, о нетипичности агрессии как способа выхода из фрустрирующей ситуации. Низкие показатели по данной шкале в сочетании с высокими показателями по шкале социальной желательности свидетельствуют о высоком уровне социального контроля поведенческих реакций.

6. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций

Данная шкала предназначена для измерения склонности испытуемого контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций (внимание: эта шкала имеет обратный характер).

Показатели, лежащие в пределах 60–70 Т-баллов, свидетельствуют о слабости волевого контроля эмоциональной сферы, о нежелании или неспособности контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций. Кроме того, это свидетельствует о склонности реализовывать негативные эмоции непосредственно в поведении, без задержки, о несформированности волевого контроля своих потребностей и чувственных влечений.

Показатели ниже 50 Т-баллов по данной шкале свидетельствуют о невыраженности этих тенденций, о жестком самоконтроле любых поведенческих эмоциональных реакций, чувственных влечений.

7. Шкала склонности к деликвентному поведению

Название шкалы носит условный характер, так как шкала сформирована из утверждений, дифференцирующих «обычных» подростков

и лиц с зафиксированными правонарушениями, вступавших в конфликт с общепринятым образом жизни и правовыми нормами.

Шкала измеряет готовность (предрасположенность) курсантов к реализации деликвентного поведения. Выражаясь метафорически, шкала выявляет «деликвентный потенциал», который лишь при определенных обстоятельствах может реализоваться в жизни подростка.

Результаты, находящиеся в диапазоне 50–60 Т-баллов, свидетельствуют о наличии деликвентных тенденций у испытуемого и о низком уровне социального контроля.

Результаты выше 60 Т-баллов свидетельствуют о высокой готовности к реализации деликвентного поведения.

Результаты ниже 50 Т-баллов говорят о невыраженности указанных тенденций, что в сочетании с высокими показателями по шкале социальной желательности может свидетельствовать о высоком уровне социального контроля.

КЛЮЧИ К МЕТОДИКЕ (обработка)

Подсчитывается количество совпадений ответов с ключом. За каждое совпадение — **1 балл**.

1. Шкала установки на социальную желательность («Ложь»)

Ответы «Да»: 96, 97, 98.

Ответы «Нет»: 1, 9, 21, 31, 36, 40, 50, 52, 58, 61, 77, 81, 85, 89, 93.

Интерпретация: если сумма> **8 баллов**, результат считается недостоверным (курсант пытается казаться лучше).

2. Шкала склонности к преодолению норм и правил (Делинквентность)

Ответы «Да»: 2, 4, 6, 12, 16, 23, 26, 29, 35, 41, 48, 55, 62, 73, 77, 81, 85, 88, 93.

Интерпретация: **высокий балл (10 и выше):** выраженная готовность нарушать нормы, отрицание правил, возможны противоправные действия. Это **«красная зона»** для антикоррупционного мониторинга.

Средний балл: нормальный уровень скептицизма.

Низкий балл: высокий конформизм, строгое следование уставу.

3. Шкала склонности к аддиктивному поведению

Ответы «Да»: 13, 20, 24, 25, 33, 37, 43, 67, 80, 83, 87, 91, 95.

4. Шкала склонности к самоповреждающему поведению

Ответы «Да»: 14, 53, 54, 60, 63, 64, 66, 68, 70, 76, 78, 82, 92, 94.

5. Шкала склонности к агрессии и насилию

Ответы «Да»: 3, 5, 8, 17, 19, 22, 27, 32, 46, 49, 56, 59, 65, 69, 71, 72, 74, 79, 84, 86, 90.

Интерпретация: высокий балл указывает на риск превышения полномочий и неуставных отношений.

6. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций

Ответы «Да»: 7, 10, 15, 18, 28, 30, 34, 38, 39, 42, 44, 45, 47, 51, 57, 75.

(Внимание! В некоторых версиях ключа эта шкала обрабатывается иначе. Здесь приведен вариант, где высокий балл по этим вопросам означает ***слабость*** *волевого контроля, т. е. импульсивность. Если курсант отвечает «Да» на «Часто совершаю необдуманные поступки» — у него низкий контроль).*

Интерпретация: чем **выше** балл по этому ключу, тем **ниже** реальный волевой контроль и выше импульсивность (риск совершить коррупционное действие спонтанно).

Нормы для мужской выборки (курсанты/юноши)

(в таблице указаны диапазоны сырых баллов — количество совпадений с ключом)

Шкала	Название шкалы	Низкий уровень (нет тенденции)	Средний уровень (норма)	Высокий уровень (группа риска)
1	Установка на социальную желательность (ложь)	0 – 3	4 – 7	> 7 (недостоверно)
2	Склонность к преодолению норм и правил (делинквентность)	0 – 5	6 – 10	11 – 20
3	Склонность к аддиктивному поведению	0 – 5	6 – 10	11 – 20
4	Склонность к самоповреждению	0 – 3	4 – 8	9 – 20
5	Склонность к агрессии и насилию	0 – 8	9 – 14	15 – 25
6	Волевой контроль (импульсивность)*	0 – 6	7 – 12	13 – 20

Подробная интерпретация уровней

1. Шкала установки на социальную желательность (служебная ложь)

0–3 балла: чрезмерная самокритичность или вызывающая откровенность.

4–7 баллов (норма): адекватная стратегия самопрезентации. Курсант понимает субординацию, хочет выглядеть достойно, но не врет откровенно.

Более 7 баллов: результат недостоверен. Курсант сознательно искажает ответы, чтобы соответствовать образу «идеального военного».

Действие: такую анкету нужно исключить из исследования или провести повторно с разъяснением анонимности.

2. Шкала склонности к преодолению норм и правил (делинквентность) — *главный маркер*

0–5 баллов: конформизм. Курсант склонен строго следовать уставу, не задает лишних вопросов, подчиняется авторитетам.

Риск: низкий риск инициативной коррупции, но может стать «исполнителем» по приказу.

6–10 баллов (норма): здоровая самостоятельность. Может критически оценивать правила, но соблюдает их.

11–20 баллов (группа риска): нонконформизм. Отрицание общепринятых норм, бунтарство.

Коррупционная составляющая: данный курсант внутренне предрасположен к незаконным действиям (получению взятки, фальсификации документов), если полагает, что это принесет ему выгоду или повысит статус. Для него установленные правила не имеют никакого значения.

3. Шкала склонности к агрессии и насилию

0–8 баллов: сдержанность, миролюбие.

9–14 баллов (норма): нормальная мужская агрессивность, способность постоять за себя (важно для военного).

15–25 баллов (группа риска): вспыльчивость, грубость, склонность решать проблемы силой.

Коррупционная составляющая: риск вымогательства денег у младших курсов или подчиненных через угрозы.

4. Шкала волевого контроля (важное примечание!)

В данной методике шкала часто интерпретируется как ***«слабость волевого контроля»*** *или* ***«импульсивность»****.*

0–6 баллов (высокий самоконтроль): курсант умеет сдерживать эмоции и желания. Это **антикоррупционный ресурс** (может сказать «нет» соблазну).

7–12 баллов (норма): ситуативный контроль.

13–20 баллов (низкий самоконтроль): высокая импульсивность. Действует по первому побуждению, не думая о последствиях.

Коррупционная составляющая: курсант легко идет на преступление в ситуации стресса или внезапного соблазна («лежали деньги — взял, не подумал»).

Для научной работы результаты методики А.Н. Орла принято переводить из «сырых» баллов (просто суммы ответов) в стандартизированные **Т-баллы**. Это позволяет сравнивать шкалы между собой.

Т < 40 баллов: низкая выраженность свойства. Для шкал агрессии и делинквентности — это высокая конформность, пассивность, жесткое следование правилам (идеальный исполнитель).

40–60 баллов: психологическая норма. Свойство выражено адекватно возрасту и ситуации. Курсант может постоять за себя, иногда нарушить правило, но в целом социализирован.

60–70 баллов: повышенный уровень (акцентуация). Наблюдаются ситуативные нарушения поведения. Это «группа внимания» для психолога.

Т > 70 баллов: высокий уровень (девиантное поведение). Свойство перерастает в устойчивую девиацию.

По шкале 2 (делинквентность) > 70: высокая вероятность совершения преступления, коррупционного деяния, подлога. Требуется индивидуальная профилактическая работа.

Шкала социальной желательности (или мотивации одобрения) Д. Кроуна, Д. Марлоу (русскоязычный сокращенный вариант Ю. Л. Ханина)

Опросник для диагностики мотивации одобрения, или социальной желательности разработан Д. Кроуном (Crowne) и Д. Марлоу (Marlowe) в 1960 г.

В России известен русскоязычный сокращенный вариант шкалы (20 утверждений), стандартизированный Ю.Л. Ханиным (1974, 1976) на выборке более 800 человек с последующей проверкой валидности и надежности.

Каждый ответ, совпадающий с ключом, оценивается в 1 балл. Итоговый показатель мотивации одобрения получают путем суммирования всех баллов. Этот показатель характеризует мотивационную структуру субъекта и, в частности, степень его зависимости от благоприятных оценок со стороны других людей, его ранимость и чувствительность к средовым и межличностным влияниям. Иными словами, шкала позволяет получить косвенную меру потребности человека в одобрении со стороны окружающих.

Стремление заслужить похвалу и одобрение является одной из значимых потребностей человека. Выявлению этой потребности служит шкала мотивации одобрения, разработанная американскими психологами Д. Кроуном и Д. Марлоу. Она позволяет определить косвенную меру потребности человека в одобрении других людей. Чем выше эта потребность, тем больше поведение испытуемого, по крайней мере на вербальном уровне, соответствует одобряемому образцу. Такие люди не возражают против неинтересной работы, сдерживают свои агрессивные реакции, в целом более конформны и податливы социальным воздействиям. У них имеется повышенная потребность в общении.

Инструкция

Вам предлагается ряд утверждений. Если данное утверждение совпадает с вашим личным мнением, ответьте «да», если не совпадает — ответьте «нет».

Текст опросника

1. Я внимательно читаю каждую книгу, прежде чем вернуть ее в библиотеку.
2. Я не испытываю колебаний, когда кому-нибудь нужно помочь в беде.
3. Я всегда внимательно слежу за тем, как я одет.
4. Дома я веду себя за столом так же, как в столовой.
5. Я никогда не испытываю ни к кому сильных симпатий.
6. Был(и) случай(и), когда я бросил что-то делать, потому что не был уверен в своих силах.
7. Иногда я люблю позлословить об отсутствующих.
8. Я всегда внимательно слушаю собеседника, кто бы он ни был.
9. Был случай, когда я придумал вескую причину, чтобы оправдаться.
10. Случалось, я пользовался оплошностью человека.
11. Я всегда охотно признаю свои ошибки.
12. Иногда вместо того, чтобы простить человека, я стараюсь отплатить ему тем же.
13. Были случаи, когда я настаивал на том, чтобы делали по-моему.
14. У меня не возникает внутреннего протеста, когда меня просят оказать услугу.
15. У меня никогда не возникает досады, когда высказывают мнение, противоположное моему.
16. Перед длительной поездкой я всегда тщательно продумываю, что с собой взять.
17. Были случаи, когда я завидовал удаче других.

18. Иногда меня раздражают люди, которые обращаются ко мне с просьбой.
19. Когда у людей неприятности, я иногда думаю, что они получили по заслугам.
20. Я никогда с улыбкой не говорил неприятных вещей.

Обработка результатов и выводы. Ключ к опроснику.

Ответ по каждой позиции оценивается в 1 балл. Баллы проставляются за:

ответы «*да*» на вопросы 1, 2, 3, 4, 5, 8, 11, 14, 15, 16, 20;

ответы *«нет»* на вопросы 6, 7, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19.

Общий итоговый показатель потребности в одобрении получают суммированием всех полученных баллов. Чем он выше, тем больше потребность в одобрении. Она показывает степень зависимости субъекта от благоприятных оценок со стороны других людей, его ранимость и чувствительность к межличностным отношениям и влияниям среды.

13 баллов и выше — высокий уровень потребности;

10–12 баллов — средний уровень;

ниже 10 баллов — низкий уровень.

Высокий показатель отражает привычный стиль реагирования, а также особенности ожиданий субъекта в ситуации со стороны других.

Низкий показатель свидетельствует о том, что собственные убеждения субъекту дороже, а также о его независимости от группы. Он конфликтен и неподатлив социальному влиянию, не стремится походить на образец.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Результаты делятся на три уровня. Для курсантов военных вузов границы могут быть немного сдвинуты (в сторону повышения, так как дисциплина требует «быть правильным»), но стандартные нормы таковы:

1. Высокий уровень (14–20 баллов)

Интерпретация: высокая социальная желательность.

Значение: курсант сознательно или неосознанно искажает информацию о себе, стремясь соответствовать образу «идеального офицера», отрицает наличие личностных недостатков.

Статус анкеты: результаты других тестов (особенно на склонность к коррупционному поведению, макиавеллизм, делинквентность) у данного курсанта **признаются недостоверными.**

Дополнительный критерий: если по тесту Орла зафиксирована «низкая склонность к нарушению норм», а по шкале социальной желательности — высокий балл (например, 18), данное противоречие свидетельствует о наличии выраженной установки на социально одобряемые ответы. Такие анкеты не могут рассматриваться как достоверные; они подлежат исключению из общего массива либо выделению в отдельную категорию «демонстративное поведение» для последующего качественного анализа.

2. Средний уровень (норма) (6–13 баллов)

Интерпретация: адекватная самооценка.

Значение: курсант признаёт наличие отдельных незначительных недостатков (эпизодические проявления лени, незначительные отклонения от правдивости, эмоциональные реакции), однако в целом демонстрирует адекватный уровень самоконтроля и социальной нормативности.

Статус анкеты: данные признаются достоверными и подлежат включению в общий массив для дальнейшего анализа.

3. Низкий уровень (0–5 баллов)

Интерпретация: низкая социальная желательность (или чрезмерная самокритичность/вызов).

Значение: Курсант (респондент) демонстрирует безразличие к социальной оценке либо намеренно занижает социально одобряемые ответы, что может отражать как высокий уровень честности, так и установку на отрицание социальных норм.

Особенности в военной среде: слишком низкий балл может указывать на трудности социально-психологической адаптации, сниженную восприимчивость к нормам воинского коллектива или риски девиантного поведения.

Статус анкеты: данные признаются достоверными, однако требуют дополнительного анализа в контексте возможной девиантности и социально-психологической адаптации респондента.

Памятка курсанту

«Антикоррупционная безопасность и личная профессиональная надежность»

Главное правило офицера: твоя репутация и карьера создаются с первого курса. Ошибка, совершенная сегодня, может стать непреодолимым препятствием для дальнейшей службы в войсках национальной гвардии, органах прокуратуры, следствия, суда и Вооружённых силах Российской Федерации.

Служебная репутация и карьерные перспективы закладываются именно в этот период: ошибка, совершённая сегодня, может стать непреодолимым препятствием для дальнейшей службы в войсках национальной гвардии, органах прокуратуры, следствия, суда и Вооружённых Силах Российской Федерации.

1. ЧТО ТАКОЕ КОРРУПЦИЯ?

Коррупция — это не только чемодан с деньгами. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции» и Уголовным кодексом Российской Федерации, коррупция не ограничивается очевидными формами. К коррупционным деяниям относятся:

- дача и получение взятки (в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, а также услуг имущественного характера — бесплатного ремонта, организации отдыха, оплаты счетов и т.п.);
- посредничество во взяточничестве (передача предмета взятки, организация встречи, содействие в достижении соглашения между взяткодателем и взяткополучателем);
- злоупотребление служебными полномочиями (использование служебного положения вопреки законным интересам службы для получения личной выгоды);
- бытовая коррупция (сдача экзаменов за подарки, получение увольнений и справок с нарушением установленного порядка).

2. КЛЮЧЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Во время обучения и на практике курсанту строго запрещено:

- принимать любые подарки от заявителей, подозреваемых, обвиняемых, их родственников, а также от коммерческих организаций в связи с исполнением служебных обязанностей;
- заниматься предпринимательской деятельностью (в том числе через доверенных лиц или родственников);
- оказывать содействие коммерческим структурам с использованием своего статуса курсанта или практиканта;
- разглашать служебную информацию (в том числе публиковать в социальных сетях фотографии служебных документов, спецтехники, интерьеров закрытых объектов).
- Алгоритм действий при предложении взятки или оказании давления:
- Если гражданин, коллега или руководитель пытается склонить тебя к совершению правонарушения, не паникуй. Действуй строго по инструкции.

3. АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРЕДЛОЖЕНИИ ВЗЯТКИ ИЛИ ОКАЗАНИИ ДАВЛЕНИЯ

В случае попытки склонения к совершению правонарушения со стороны гражданина, коллеги или руководителя рекомендуется действовать в соответствии со следующим алгоритмом:

1. **Твёрдый отказ** — использование чётких, однозначных формулировок, исключающих двусмысленность.
2. **Прекращение разговора** — недопустимость обсуждения сумм, условий или последствий.
3. **Фиксация деталей** — запоминание времени, места, внешности, номеров транспортных средств; при возможности — осуществление аудиозаписи.
4. **Доклад руководству** — незамедлительное устное информирование командира взвода или куратора.

5. **Письменное уведомлени**е — составление рапорта по установленной ведомственной форме.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ ОТКАЗА: ЗОЛОТЫЕ ФРАЗЫ ОТКАЗА (ОТРАБОТАЙ ИХ ДО АВТОМАТИЗМА):

«Ваше предложение незаконно. Я требую прекратить этот разговор. В противном случае я буду обязан незамедлительно уведомить руководство и сообщить в соответствующие органы».

«Я действую исключительно в рамках закона и должностной инструкции. Любые попытки предложить мне вознаграждение повлекут для вас уголовную ответственность по статье 291 УК РФ».

ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ УВЕДОМЛЕНИЯ О СКЛОНЕНИИ К КОРРУПЦИОННОМУ ПРАВОНАРУШЕНИЮ

Уведомление подается на имя начальника вуза (или руководителя органа, где вы проходите практику) в письменном виде в течение суток (в ряде ведомств — незамедлительно).

В уведомлении указываются:

- фамилия, имя, отчество, должность, подразделение курсанта;
- обстоятельства обращения: дата, время, место, данные лица, склонявшего к правонарушению (при наличии);
- характер предложения (сумма денег, вид услуг и т. п.);
- действия, которые требовалось совершить (или не совершать);
- собственные действия (например, *«От предложения отказался, разговор прекратил»*).

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ КУРСАНТА

Законодательством предусмотрена конфиденциальность факта подачи уведомления. Сообщение о попытке подкупа рассматривается как проявление профессиональной добросовестности и служит защитой от возможных провокаций и ложных обвинений.

Сообщение о попытке подкупа — это проявление профессионального мужества, а не «доносительство». Это ваша защита от возможных провокаций и ложных обвинений со стороны преступников.

Методические рекомендации для офицеров-воспитателей (кураторов) «Формирование антикоррупционной устойчивости, антикоррупционного поведения курсантов и минимизация рисков девиантного поведения в подразделении»

Формирование антикоррупционной устойчивости, антикоррупционного поведения и профессиональной надёжности офицера начинается с первого курса обучения в военном вузе.

Офицер-воспитатель (командир подразделения) является ключевой фигурой в процессе формирования антикоррупционного поведения. Его задача — не просто контролировать дисциплину, но и создавать здоровую институционально-средовую атмосферу, исключающую саму возможность коррупционных проявлений внутри подразделения.

1. Приоритеты морально-психологического обеспечения (МПО) в подразделении

Формирование антикоррупционного сознания базируется на трёх основополагающих принципах:

1.1. Личный пример командира: если офицер позволяет себе мелкие нарушения, неформальные привилегии или предвзятость, любые лекции о противодействии с коррупцией теряют смысл.

1.2. Справедливость и прозрачность управления: все процедуры внутри взвода/роты (распределение нарядов, предоставление увольнений, представление к поощрениям) должны подчиняться чётким, единым для всех правилам. Исключите кумовство и субъективизм.

1.3. Искоренение «скрытых поборов»: категорически запрещены любые неформальные сборы денежных средств с курсантов (на «нужды казармы», канцелярию, подарки проверяющим или руководству). Командир обязан пресекать подобные инициативы как деструктивные и формирующие коррупционное мышление.

2. Маркеры склонности к коррупционному поведению и профессиональной деформации у курсантов

Офицер-воспитатель должен внимательно отслеживать изменения в поведении и образе жизни подчинённых. О рисках профессиональной деформации и потенциальной коррупционной уязвимости могут свидетельствовать следующие маркеры:

Маркеры коррупционного поведения у курсантов		
Поведенческие	Ценностные	Финансовые
Поиск неформальных контактов с руководством	Демонстрация цинизма по отношению к закону и профессиональной этике	Появление дорогих вещей, не соответствующих доходам семьи
Систематические попытки «решить» вопросы через посредников	Оправдание коррупционных схем, практик и проявлений в частных разговорах	Необъяснимые крупные траты во время увольнения

3. Организация проведения индивидуально-воспитательной работы (ИВР)

Индивидуальные беседы должны носить доверительный, развивающий характер, а не карательный или формально-отчётный.

Рекомендации по проведению бесед:

- создавать атмосферу доверия, исключающую страх и напряжение;
- акцентировать внимание на профессиональных перспективах и ответственности, а не только на запретах;
- использовать разбор конкретных ситуаций (кейсов) из служебной практики;
- избегать морализаторства и не выдвигать голословных обвинений.

Рекомендуемые темы и психологические приемы ведения беседы:

Тема «Цена первой ошибки»:

Цель: показать курсанту, что коррупция — это скользкий путь, начинающийся с малого.

Прием: обсуждение гипотетического сценария: «Если тебе предложат закрыть глаза на мелкое нарушение за дружескую услугу, к чему это приведет через 5 лет службы?». Объясните психологию шантажа: взяв один раз, сотрудник навсегда становится заложником взяткодателя.

Тема «Служебный долг и ложная солидарность».

Цель: развести понятия «товарищеская взаимовыручка» и «круговая порука / сокрытие преступлений».

Прием: анализ дилеммы: «Твой товарищ по взводу взял деньги за помощь в сдаче зачета. Твои действия?». Командир должен мягко, но уверенно подвести курсанта к пониманию того, что сокрытие преступления коллеги разрушает всю систему изнутри и делает соучастником каждого, кто промолчал.

4. Формы работы с курсантами по формированию антикоррупционного поведения в рамках рабочих образовательных программ (лекции, тренинги, разбор кейсов, деловые и ролевые игры).

Форма	Цель	Ключевые методы
Лекции	Формирование знаний о правовых нормах и механизмах противодействия коррупции	Интерактивные лекции, лекции-дискуссии с разбором примеров из практики
Тренинги	Развитие психологической устойчивости и навыков саморегуляции	Моделирование ситуаций отказа, отработка алгоритмов поведения, упражнения на стрессоустойчивость
Кейсы	Формирование навыков анализа и принятия решений в коррупциогенных ситуациях	Разбор служебных ситуаций, обсуждение альтернатив и последствий
Деловые и ролевые игры	Практическая отработка моделей поведения в профессиональной деятельности	Многоролевые сценарии с последующим разбором действий

СВЯЗЬ С КОМПОНЕНТАМИ МОДЕЛИ

Форма	Развиваемый компонент
Лекции	Когнитивный компонент
Тренинги	Эмоционально-волевой компонент
Кейсы	Когнитивный + поведенческо-деятельностный
Деловые и ролевые игры	Поведенческо-деятельностный + рефлексивный

Формирование антикоррупционного поведения курсантов осуществляется через комплекс образовательных и воспитательных форм, интегрированных в учебный процесс и внеаудиторную деятельность. К числу наиболее эффективных форм относятся:

4.1. Лекционные занятия

Цель: формирование системы знаний о правовых нормах, механизмах коррупции, её формах, последствиях и способах противодействия.

Рекомендации: использовать интерактивные форматы (лекция-дискуссия, лекция-беседа); включать примеры из служебной практики и судебных решений; акцентировать связь антикоррупционных норм с профессиональными ценностями офицера (честь, долг, ответственность).

4.2. Тренинги (социально-психологические и профессиональные)

Цель: развитие эмоционально-волевой устойчивости, навыков саморегуляции и коммуникативной компетентности в ситуациях коррупционного давления.

Рекомендации: моделирование ситуаций, требующих отказа от незаконного предложения; отработка навыков твёрдого и аргументированного отказа; развитие стрессоустойчивости и способности противостоять манипуляциям.

4.3. Разбор кейсов (ситуационных задач)

Цель: формирование навыков распознавания коррупциогенных ситуаций, анализа рисков и принятия правомерных решений.

Рекомендации: использовать реальные или приближенные к реальным служебные ситуации; обсуждать альтернативные варианты поведения и их последствия; акцентировать внимание на предкоррупционной стадии — моменте, когда нарушение ещё не совершено, но риск уже возник.

4.4. Деловые и ролевые игры

Цель: практическая отработка моделей поведения в моделируемых служебных сценариях, закрепление навыков правомерного поведения в условиях неопределённости и давления.

Рекомендации: моделировать ситуации с участием нескольких сторон (взяткодатель, взяткополучатель, посредник, руководство); включать элементы внезапности и ограничения времени для принятия решений; проводить последующий разбор действий участников с акцентом на правовые и этические аспекты.

5. Алгоритм действий офицера при выявлении коррупционных рисков или получении информации о правонарушении

Если к вам поступила информация (или рапорт курсанта) о попытке склонения к коррупции или о совершенном правонарушении в подразделении:

Сохраняйте хладнокровие и конфиденциальность: не начинайте публичное разбирательство внутри взвода. Это может привести к уничтожению доказательств или давлению на курсанта, сообщившего информацию.

Зафиксируйте информацию: примите письменный рапорт (уведомление) от курсанта, зарегистрируйте его в установленном порядке.

Доложите по команде: письменным рапортом незамедлительно доложите начальнику образовательного учреждения и в подразделение собственной безопасности (кадровую службу/куратору от органов безопасности).

Обеспечьте психологическое сопровождение: окажите курсанту, заявившему о коррупции, моральную поддержку. Пресекайте любые

попытки травли или давления со стороны сослуживцев. Задействуйте психолога вуза для стабилизации его эмоционального состояния.

5. Памятка по проведению групповых рефлексивных сессий (для кураторов). Методические рекомендации по проведению групповых рефлексивных сессий (для кураторов).

Групповые рефлексивные сессии (разбор этических кейсов) проводятся с периодичностью не реже одного раза в месяц. Рекомендуемая продолжительность — до 45 минут. Цель сессий — формирование у курсантов навыков самостоятельного анализа этических дилемм и выработки правомерных алгоритмов поведения в ситуациях коррупционного риска.

Правило 1: Проблемная постановка вопросов

Сессия не должна сводиться к монологическому информированию или чтению нотаций. Ведущему рекомендуется использовать проблемные и дискуссионные вопросы, побуждающие курсантов к самостоятельному осмыслению ситуации и её этико-правовых аспектов.

Примеры проблемных вопросов:

1. *«Какие риски возникают в данной ситуации для должностного лица?»*

2. *«В какой момент ситуация перестаёт быть «неопределённой» и становится коррупциогенной?»*

3. *«Какие варианты поведения допустимы с точки зрения закона?»*

Правило 2: Используйте метод «мозгового штурма». Курсантам предлагается самостоятельно выработать возможные варианты выхода из сложной этической ситуации. Ведущий фиксирует все предложения без первоначальной критики, после чего организуется коллективное обсуждение их правомерности и последствий.

Цель: активизация аналитического мышления, развитие способности видеть альтернативы и прогнозировать последствия решений.

Правило 3: Завершайте каждую сессию чётким юридическим выводом.

Каждая рефлексивная сессия должна завершаться формулированием чёткого правового вывода, акцентирующего единственно законный вариант поведения.

Рекомендуемая формулировка завершения:

«В данной ситуации законный путь только один — письменное уведомление руководства. Любые иные варианты поведения, включая попытки самостоятельного урегулирования, могут быть квалифицированы как соучастие в коррупционном правонарушении либо как нарушение антикоррупционного законодательства».